

Великая Отечественная: Неизвестная война

Александр Больных

«Проклятые вопросы» Великой Отечественной

**Утерянные победы,
упущенные возможности**

Великая Отечественная: Неизвестная война

Александр Больных

**«Проклятые вопросы»
Великой Отечественной**

**Утерянные победы,
упущенные возможности**

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2012

УДК 355/359

ББК 68

Б 79

Оформление серии *П. Волкова*

Больных А. Г.

Б 79 «Проклятые вопросы» Великой Отечественной. Утерянные победы, упущенные возможности / Александр Больных. — М. : Яуза : Эксмо, 2012. — 320 с. — (Великая Отечественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-699-56237-4

Мог ли Вермахт осенью 1941 года взять Москву и выиграть войну? Что, если бы Манштейн прорвался к Сталинграду на помощь армии Паулюса? А если бы Жукову удалось одержать решительную победу в «Ржевской мясорубке»? Можно ли было избежать танкового побоища под Прохоровкой и разгромить немцев на Курской дуге меньшей кровью? Был ли у Красной Армии шанс развить успех после операции «Багратион» и закончить войну в 1944 году?

Каждый, кто интересуется Второй Мировой, наверняка задавался этими «проклятыми вопросами», однако в профессиональной среде изучение исторических альтернатив считается занятием несерьезным и непочтенным — не к лицу уважаемому ученому, разве что какому-нибудь писателю-фантасту.

Новая книга ведущего военного историка доказывает обратное, поднимая игру в «если» до уровня академической науки и отвечая на самые сложные и спорные, «проклятые вопросы» Великой Отечественной.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-56237-4

© Больных А. Г., 2012

© ООО «Издательство «Яуза», 2012

© ООО «Издательство «Эксмо», 2012

БРЮКИ С МАЛИНОВЫМИ КАНТАМИ, ФЕТРОВЫЕ ТАПОЧКИ, ПИЖАМНАЯ КУРТКА И МОНОКЛЬ

Именно в таком виде перед нами предстает некий полковник немецкого Генерального штаба, попавший в плен к американцам. И чем же он занимается, попав в лагерь? Немедленно начинает объяснять товарищам по несчастью, что именно следовало делать Гитлеру, чтобы выиграть войну, то есть рассуждать на темы альтернативной истории. Причем нюанс — особенно этим любят заниматься представители армий, проигравших войну.

Мы все твердо знаем, что история не имеет слагательного наклонения, историки любят порассуждать на тему «Что было бы, если бы...». И пальма первенства здесь принадлежит, наверное, военным историкам. Ведь все это выглядит так эффектно: развевающиеся знамена, грохот барабанов, разноцветные мундиры, церемониальный марш... Красота! Вот только они редко задумываются о том, что блестящие альтернативные победы редко ведут к глобальным изменениям истории. К тому же слишком часто понятие «альтернативная история», которое означает иные действия реальных персонажей в реальной обстанов-

ке, подменяется либо ненаучной фантастикой, либо вообще сплошным «по щучьему велению, по моему хотению». Дадим Александру Невскому пулеметные тачанки! В авангарде суворовских чудо-богатырей летит батальон танков Т-90! Ур-ра!

Вот, скажем, Ватерлоо — какой простор для выдумки. С ходу могу подсказать несколько вариантов, которые помогут Бонапарту выиграть это сражение. Предполагать, что генерал Жерар сумел переспорить маршала Груши и потерявшийся корпус вовремя успел ударить во фланг Веллингтону, неинтересно. Я бы даже сказал, пошло. А почему бы Груши не перехватить Блюхера, как и предполагалось? Тогда император успеет переломать кости Веллингтону. Можно поступить гораздо изящнее. Предположим, что накануне не было дождя, поэтому начальник артиллерии Наполеона генерал Друо развернул свои пушки гораздо раньше, чем это произошло на самом деле. После этого знаменитая Grande Batterie снесет британский центр, ведь бомбы и гранаты не будут зарываться в размокшую землю, а будут рваться при ударе. Да и первая атака начнется не в полдень или позже, а утром. Да, в конце концов, Жером Бонапарт подчинится приказу корпусного командира и не завязнет в кровавых и бессмысленных атаках замка Угумон, он примет участие в борьбе на противоположном фланге. И вот, как сказал Род Стайгер, игравший Наполеона в знаменитом фильме: «Гвардию вперед, и на Брюссель!»

Чем прелестны военные альтернативы — так это тем, что в них никогда не наступает завтра. Ну, вошел Бонапарт в Брюссель, и что дальше? Да ровным сче-

том ничего! Союзники сразу выставили против Наполеона с его 200 тысячами солдат 700 тысяч своих, причем, заметьте, сразу. А в перспективе — миллион. Ну, разбил он Веллингтона с его 70 тысячами, жалко, что ли. Теперь займитесь элементарной арифметикой, вычтите одно из другого. Сделали? Результат сразу становится обнадеживающим для французов или все-таки нет? Все, что получилось бы, так это генеральное сражение где-то в районе Дрездена на пару месяцев позднее, но с результатом, уже гораздо более катастрофическим для Франции.

Или Вторая мировая война, вот уж где размахнись рука, раззудись плечо. Тут тебе и Дюнкерк, и Битва за Англию, и Битва за Атлантику, и Сталинград, и Мидуэй, пальцев не хватит все пересчитать. Но все эти альтернативы завершаются стереотипным заключением: в этом случае война затянулась бы до 1947 (1948 или какого там еще) года. Желающие переиграть всю войну обычно не пытаются рассматривать какие-то варианты, а просто постулируют итоговый результат. Многословная и многостраничная альтернатива дает в сухом остатке два слова: «Немцы победили!» Или: «Японцы победили!» Как победили? Почему победили? Это уже не важно, победили — и все тут!

Все это в полной мере относится и к альтернативам истории Великой Отечественной войны. А вот в октябре 1941 года фельдмаршал фон Бок получит 6-ю танковую армию СС, возьмет Москву, и Гитлер победит... А вот партизаны Ковпака лихим рейдом захватят Будапешт... Нет, оставим эти бредни пацанам, насосавшимся пива за клавиатурой, и попытаемся рассмотреть серьезные варианты того, что могло

произойти на Восточном фронте начиная с 21 июня 1941 года и до 9 мая 1945 года. Впрочем, нам придется захватить небольшие отрезки времени ДО и ПОСЛЕ этих двух дат.

Как ни странно, пресловутый полковник в тапочках сотоварищи рассуждал более трезво. Вот мнения различных персонажей, попавших в плен вместе с ним:

«Нам нужно было строить подводные лодки, и только подводные лодки. Тогда Англии уже весной сорок первого пришел бы конец.»

Нам нужно было строить самолеты, и никаких кораблей! Четырехмоторные или, лучше, шестимоторные бомбардировщики. Нужно было разнести на куски всю Англию.»

У нас было слишком мало танков. Единственно правильным было бы производство танков! Еще двадцать танковых дивизий, и Иван капитулировал бы в октябре сорок первого.»

Продвижение к Сталинграду было величайшей глупостью. Решения исхода кампании нужно было добиваться на севере. Ведь столица-то — Москва. Вот и надо было бросить туда все силы и средства!

Главным был Браухич. Когда его убрали, мы и стали отступать...»

И так далее до полной бесконечности. Но повторю, эти варианты хотя бы внешне выглядят правдоподобно. Что получится — еще не понятно, но хотя бы исходные условия не на уровне «Ахалай-махалай».

Интересно, что конкретный ход Великой Отечественной войны мог вильнуть в ту или другую сторону чуть ли не в любой день. Мы попытаемся проанализировать, что могло бы произойти, если бы вдруг

немцам посчастливилось ворваться в Москву, и чем бы для них это закончилось. А если Манштейн зимой 1942 года все-таки прорвется к Сталинграду, сумеет он спасти армию Паулюса или нет? Можно ли было избежать кровавого побоища под Прохоровкой и разгромить немцев на Курской дуге меньшей кровью? Реальным ли был вариант закончить войну в 1944 году, воспользовавшись сокрушительным разгромом Группы армий «Центр» в Белоруссии? Могла ли начаться Третья мировая война летом 1945 года, если бы союзники привели в действие план «Немыслимое», предложенный Черчиллем?

Это лишь некоторые из тем, которые рассмотрены в данной книге. На самом деле альтернатив гораздо больше. Вот хотя бы такие. А что, если зимой 1941 года немцам не удастся спасти окруженные в Демянском котле дивизии? Может, Гитлер станет более осторожным и через год позволит Паулюсу уйти из Сталинграда? А что, если бы Жуков сумел ликвидировать Ржевский выступ? Что произойдет, если операция «Суворов» (наступление на Смоленск в 1943 году) увенчается успехом?

Эссе в нашей книге будут построены по одному шаблону. Сначала идет небольшая интродукция, описывающая реальную предысторию того или иного сражения, а потом начинается альтернатива. Но вот один вариант развития событий я всегда считал и считаю совершенно невозможным и не буду рассматривать. Нет таких условий, при которых Германия могла бы победить Советский Союз. Нет никаких альтернатив! А любители «*wie durch ein Wunder; auf den ersten Wunsch hin*»... Снимите фетровые тапочки!

КАК ОНО МОГЛО НАЧАТЬСЯ

Если говорить о планах превентивного удара Советского Союза по Германии в 1940-х годах, то можно заметить одну интересную особенность. С легкой руки британского историка/советского изменника Суворова/Резуна принято считать, что Гитлер опередил Сталина всего на какую-то пару недель, в результате чего война продлилась четыре кровавых года, вместо того чтобы закончиться за четыре недели. Этаким блицкриг по-советски. Но тогда следует, что Сталин выбрал чуть ли не самый неподходящий момент из всех возможных для нападения на Германию, специально дождавшись сосредоточения основных сил вермахта на востоке. Зачем? Чтобы разгромить их «малой кровью, могучим ударом»? А где гарантия, что это получится? Полностью отобилизованная, отдохнувшая армия — не тот противник, на котором следует проверять сомнительные идеи. Но не проще ли было попытаться достичь своих целей в более благоприятной обстановке?

Такая благоприятная обстановка складывалась для Красной Армии не один раз, причем всегда ключевым фактором можно было считать рассредоточенность немецких частей и соединений. Впервые мы

видим подобную ситуацию в сентябре 1939 года во время так называемого «освободительного похода» в Польшу. К этому времени дивизии вермахта были равномерно «размазаны» буквально по всей территории страны, изрядно потрепаны боями и маршами. Напротив, Красная Армия действовала сосредоточенными, компактными ударными группами, которые никаких боев не вели, так, мелкие локальные стычки, не более. Поэтому она имела все шансы перемолоть немецкие дивизии до того, как немцы сообразят, что именно началось. Имелся еще один дополнительный нюанс, работавший на Красную Армию. Знаменитые Панцерваффе пока еще не превратились в реальную силу, слаженность танковых дивизий была далека от идеала, а структура оказалась такой же громоздкой и неуклюжей, как и у нас. Но вот количество танков было сильно неравным, да и качество тоже. Поэтому шансы на успех были совсем неплохими, требовалась только внезапность.

Вторым, просто идеальным периодом нужно считать июнь 1940 года, когда вермахт увяз в боях во Франции. В этом случае предстояло смять лишь слабые кордоны и совсем не требовалось дожидаться, пока немцы по уши увязнут в операции «Морской лев», тем более что они и не планировали переправлять в Англию все свои силы. Я считаю, что это была идеальная возможность воткнуть нож в спину Гитлеру, причем отразить этот удар у немцев не было никаких шансов. Танковые дивизии, которые пришлось бы перебрасывать из Южной Франции, в лучшем случае встретили бы советские мехкорпуса в районе Зеловских высот, и еще не факт, что сумели бы оста-

новить их. По сути, такой вариант войны вылился бы в схватку между советскими танковыми войсками и Люфтваффе, вот пикировочные эскадры могли прибыть на Восточный фронт буквально через пару дней. При этом в условиях полной готовности советской авиации и ее численного превосходства успех Люфтваффе совсем не выглядит гарантированным. Вот вам навскидку два гораздо более перспективных варианта начала войны против гитлеровской Германии.

Но ведь нет же, приспичило почему-то дожидаться лета 1941 года, когда обстановка для подобного мероприятия стала чуть ли не наихудшей из всех возможных. И все-таки давайте попытаемся представить, как все могло сложиться, если поверить в мифическую дату 6 июля 1941 года. Мы предлагаем вам перевод отрывка книги известного американского историка Дэвида Гланца «Сухая гроза» — «Dry Thunderstorm».

Раннее летнее утро где-то на территории Генерал-губернаторства... Вермахт продолжал готовиться к Восточной кампании, в частности штаб 41-го танкового корпуса прорабатывал график выдвигания частей к советско-германской границе и вел тоскливую переписку со штабом 77-й бомбардировочной эскадры, которая наотрез отказывалась поддерживать действия танков генерала Рейнхардта. Не помогло даже вмешательство командующего 4-й танковой группой Гёппнера, командующий 1-м Воздушным флотом генерал-оберст Келлер стоял насмерть, утверждая, что имеет свои собственные задачи, которые выше и важнее поддержки какого-то там корпуса.

Но вся эта мирная бюрократическая идиллия разлетелась в прах, когда в 4 часа утра совершенно внезапно советские бомбы посыпались на мирно спящие немецкие аэродромы. 4-я и 6-я смешанные авиадивизии атаковали Линденталь, Тракенен и Блюменфельд, где базировались самолеты 54-й истребительной эскадры. Хотя советским самолетам пришлось пролететь над территорией, занятой германскими войсками, немцы просто не успели своевременно отреагировать, и все свелось к беспорядочной стрельбе зениток. По воспоминания одного из пилотов эскадры:

«Советские самолеты в первом же вылете нанесли сокрушительный удар по нашим авиационным частям на аэродроме Линденталь. Бомбы обрушились на истребители «Ме-109», выстроенные вдоль взлетной полосы перед своими укрытиями. Советские истребители сопровождения «И-16» атаковали аэродромы вместе с пикирующими бомбардировщиками «СБ-3» <так в тексте!> и уничтожили большую часть немецких самолетов на земле. Наши истребители, которым удалось взлететь, были сбиты на взлете или сразу после него».

Аэродромы, где базировались самолеты 1, 76 и 77-й бомбардировочных эскадр, пострадали меньше, хотя и там имелись потери. Замысел советского командования был очевиден: лишить Группу армий «Север» воздушного прикрытия, после чего бомбардировщики, даже если они рискнут действовать самостоятельно, станут легкой добычей советских

истребителей, а войска будут совершенно беззащитны перед атаками с воздуха. Напомним, что на всю 4-ю танковую группу были выделены только 133-й и 164-й зенитные полки.

Одновременно с ударом по аэродромам советские войска перешли границу почти на всем ее протяжении. Главный удар Северо-Западного фронта наносился как раз в полосе 41-го механизированного корпуса на левом фланге 4-й танковой группы. Как позднее стало известно, ударный кулак составляли части 12-го мехкорпуса Красной Армии. Не следует обольщаться фиктивным равенством сил: корпус против корпуса, в двух танковых дивизиях немецкого корпуса числились 390 танков, причем 160 из них были типа 35(t), а еще 90 — Т-II, то есть почти две трети машин в лучшем случае можно было считать ограниченно боеспособными. Зато в 12-м мехкорпусе числились 806 танков, конечно, следует вычесть отсюда непонятно каким образом затесавшиеся танкетки и музейные экспонаты, вроде FT-17, но все равно двукратное номинальное превосходство возрастает до пятикратного фактического, если еще вспомнить о пушечных бронеавтомобилях БА-10. К тому же пока еще немецкие части находились в основном в местах тыловой дислокации и лишь готовились к выдвиганию в приграничную полосу. И, как мы уже отмечали, немцы были фактически лишены второго из своих главных козырей — авиационной поддержки.

В обстановке хаоса, воцарившегося после первого удара советской авиации, возникло естественное замешательство, перешедшее в легкую панику. Командующий 1-м Воздушным флотом генерал-oberст

Келлер приказал немедленно поднять разведчиков и приготовить бомбардировочные эскадры, которые почти не пострадали, к ответному удару. Однако повторилось то же самое, что уже происходило в период Битвы за Англию. Столкнувшись с неприятными неожиданностями, немцы отреагировали на них далеко не лучшим образом. Самолет 11-й разведывательной группы «обнаружил» огромную танковую колонну, движущуюся в направлении Куссена. Келлер немедленно приказал самолетам 76-й и 77-й бомбардировочных эскадр атаковать эту колонну, в воздух было поднято около сотни бомбардировщиков Ju-88. Однако сведения разведчика оказались настолько неточными, что самолетам пришлось довольно долго рыскать в поисках цели. Ударная группа развалилась на отдельные отряды, причем I группа 76-й эскадры нарвалась на советские истребители. Хотя Ju-88 был неплохим самолетом, но без истребительного прикрытия он превращался в удобную мишень. В считанные минуты были сбиты 5 самолетов, среди погибших оказался и командир группы капитан фон Зихарт. II группа 77-й эскадры сгоряча едва не отбомбилась по разворачивающимся подразделениям собственной 1-й танковой дивизии, катастрофу каким-то чудом удалось предотвратить в самый последний момент.

Развернутый в приграничной полосе 82-й разведывательный батальон 6-й танковой дивизии был моментально смят ударом советской 23-й танковой дивизии. Собственно, его командир только и успел сообщить, что принимает бой, после чего связь прервалась. Как позднее стало известно, 45-й танковый полк майора Тихоненко прошел через расположение

немцев, не встретив никакого сопротивления. Позиции не были оборудованы, их попросту не существовало как таковых, уцелели лишь те, кто успел вовремя сдаться в плен.

Генерал Рейнхардт решил остановить наступление русских встречным ударом своих танковых дивизий, однако им требовалось некоторое время для подготовки. Бросать танки в наступление вслепую Рейнхардт не хотел. Одновременно он связался со своим соседом справа, командиром 56-го танкового корпуса генералом фон Манштейном. Однако тут же выяснилось, что у Манштейна масса собственных проблем, причем более серьезных. Завеса его корпуса также была смята, причем здесь русские ввели в дело тяжелые танки, против которых были бесполезны противотанковые орудия. Предусмотрительный Манштейн усилил передовую завесу ротой истребителей танков «Панцеръягер I», но эти легкие машины были просто передавлены советскими стальными монстрами. Поэтому Манштейн, не особо стараясь скрыть раздражение, посоветовал Рейнхардту самому разбираться со своими трудностями. Единственное, чего сумел добиться Рейнхардт, это обещания командира 77-й бомбардировочной эскадры подполковника Райтеля выслать две группы для атаки русских танков. Но Райтель сразу предупредил, что не может ничего гарантировать, так как связь со штабом истребительной эскадры нарушена, а он не желает посылать свои самолеты на убой, утренний вылет показал, насколько рискованным может стать вылет без сопровождения истребителей.

Как выяснилось буквально через пару часов, осторожность Райтеля была более чем обоснованной. Советская авиация нанесла повторный удар по немецким аэродромам, теперь были атакованы места базирования бомбардировочной авиации. Нельзя сказать, чтобы русские летчики бомбили очень точно, видимо, они полностью выложились в утренней атаке, но тем не менее на аэродромах Хейлингенбейля, Йезау и Вормдитта воцарился хаос. Опомнившиеся немецкие зенитчики вели интенсивный огонь и сбили около двух десятков самолетов, однако немедленный вылет, обещанный Райтелем, сорвался.

Зато самолеты 7-й смешанной авиадивизии буквально в порошок стерли поспешно брошенный навстречу русским авангард 6-й танковой дивизии. Генерал Ландграф выдвинул вперед то, что оказалось под рукой, — II батальон 11-го танкового полка и роту истребителей танков. Опасаясь за судьбу своих главных сил, он задержал приданный дивизии батальон 411-го зенитного полка, результат получился ужасным.

«Нас атаковали десятки русских самолетов, они были буквально повсюду. Бомбы сыпались градом, во время первого же захода они накрыли голову колонны, и командир батальона погиб. Танки попытались свернуть с дороги, чтобы укрыться в соседней роще, но местность оказалась довольно топкой, и машины ползли буквально с черепашьей скоростью, превращаясь в отличные мишени. Особенно плохо пришлось истребителям танков, так как их расчеты были прикрыты только щитами. Русские истребители, идя

на бредущем над самой дорогой, безжалостно расстреливали их из пулеметов. В результате атаки батальон понес очень тяжелые потери и был вынужден отступить, не выполнив задачи».

В общем, на фронте 4-й танковой группы сложилась очень неприятная для немцев ситуация. За день советские войска продвинулись в глубь немецкой территории на расстояние до 30 километров и при этом нигде не встретили серьезного сопротивления. Хуже всего было то, что 1-й Воздушный флот, хотя и не был уничтожен, понес серьезные потери и был фактически парализован. Вечером две эскадрильи 76-й эскадры, откликнувшись на отчаянные призывы Манштейна, сумели разбомбить небольшую колонну советской 2-й танковой дивизии, но это не только не остановило, но даже серьезно не задержало русские войска. Их перевес в силах был слишком велик.

Ночью немецкие командиры попытались собрать сведения с различных участков фронта, чтобы прояснить ситуацию. Картина вырисовывалась самая мрачная. Русские уверенно наступали по всей линии границы, хотя продвижение было неравномерным. Стрелковые корпуса лишь перешли границу, отеснив немецкие завесы, тогда как механизированные острыми клиньями врезались в расположение немецких войск, причем до сих пор оставалась не слишком понятной конечная цель их наступления. Самое же главное — перед генералом Гёппнером стояла практически неразрешимая проблема: как остановить русское наступление? Окопаться и закрепиться его войска не успевали, значит, оставался только встреч-

ный контрудар, но при колоссальном превосходстве русских в силах этот контрудар мог закончиться катастрофой. На помощь соседей рассчитывать не приходилось, так как соседняя 3-я танковая группа из Группы армий «Центр» оказалась в еще более сложном положении. Огромные массы советских танков с Белостокского выступа ударом на север — здесь направление определилось сразу — грозили отрезать группу Гота. Вообще было похоже на то, что советское командование готовило огромный котел, в котором должны были оказаться 3-я и 4-я танковые группы, 16-я армия и часть сил 9-й армии. Именно она попала под удар и разваливалась буквально на глазах, из ОКХ уже поступили требования отправить армейский резерв (моторизованную дивизию СС «Тотенкопф») на юг. Отступать к укреплениям в районе Кёнигсберга? Они, разумеется, выглядят грозно, но сумеют ли они сдержать удар танковой армады? А пока что, не занятые войсками, они и вообще бесполезны.

Генерал Келлер отчаянно пытался восстановить хоть какой-то порядок в своих эскадрах, что удавалось ему плохо. Относительную боеспособность сохранили 1-я бомбардировочная эскадра и несколько разведывательных групп. Келлер попытался было добиться у Геринга посылки подкреплений с Запада, но командование Люфтваффе гасило свой пожар. На центральном участке фронта положение складывалось вообще катастрофическое.

Словом, это была тяжелая ночь для генерал-оберста Гёппнера. И, словно мало было других неприятностей, русские ночью выбросили в немецком тылу несколько диверсионных групп парашютистов, ко-

торые устроили переполох на дорогах. Одна из таких групп даже атаковала штаб 8-й танковой дивизии как раз в тот момент, когда туда примчался командир корпуса Манштейн. Слава богу, рота охраны сумела отбить нападение, и Манштейн остался цел, но во время нападения погибли начальник штаба корпуса подполковник барон фон Эверфельдт и командир дивизии генерал Бранденберг, что еще больше увеличило замешательство.

После долгих колебаний Гёппнер решил действовать активно. 41-й корпус Рейнхардта должен был встретить русских ударом в лоб, в то время как 56-й корпус Манштейна должен был подрезать основание клина. Наступление в его полосе Гёппнер собирался остановить силами дивизии «Тотенкопф».

Но гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Рейнхардт сумел сосредоточить мобильные подразделения 1-й и 6-й танковых дивизий, однако корпусная артиллерия и 3-й зенитный полк, на которые возлагалась борьба с русскими танками, отстали. Поэтому волей-неволей главной ударной силой становился 1-й танковый полк 1-й танковой дивизии, который имел на вооружении танки Т-III, перевооруженные 50-мм пушками. Рассчитывать на остальные машины было просто несерьезно.

На рассвете немецкие танки двинулись вперед, однако тут же были встречены сокрушительным огнем русской противотанковой артиллерии. Как оказалось, вместе с 12-м мехкорпусом наступали 10-й стрелковый корпус и 9-я артбригада ПТО. За ночь советские командиры успели развернуть бригаду на направлении предполагаемого немецкого удара и за-

маскировать орудия. Поэтому поспешный и неподготовленный контрудар 1-й танковой дивизии оказался форменным самоубийством.

«Выдвижение войск для контрудара происходило в условиях, когда завесы первого эшелона танковой группы отходили под натиском противника... Дивизии 41-го механизированного корпуса еще при выдвигении на исходные рубежи подверглись сильному воздействию авиации врага. В районе Тильзита произошло неожиданное столкновение частей 1-й танковой дивизии с противником. Врагу удалось отрезать ее от 6-й танковой дивизии, и тем не менее полки этой дивизии все же смогли вовремя сосредоточиться для контрудара. Что же касается 6-й танковой дивизии, то ее части вышли в намеченные районы с опозданием на три часа, а часть ее сил оказалась связанной отражением танковых атак врага. Здесь же ожесточенные бои с противником вела и 269-я пехотная дивизия корпуса. Начало контрудара пришлось сдвинуть на три часа. Действия 41-го механизированного корпуса практически вылились во встречное сражение без должной подготовки».

Нарвавшись на массированный огонь противотанковых пушек и советских танков, 1-я танковая дивизия потеряла до 30 Т-III, после чего была вынуждена перейти к обороне, чтобы не допустить прорыва советских войск к Неману. Но когда во второй половине дня 7 июля советская 23-я танковая дивизия сама попыталась перейти в наступление, оно имело еще более катастрофические последствия. 144-й тан-

ковый полк был практически полностью уничтожен, его командир полковник Кокин погиб. После этого боя дивизия уже не могла считаться эффективной боевой единицей.

Главные события в этот день разыгрались на южном фланге образовавшегося выступа, где попытался наступать 56-й механизированный корпус Манштейна. К вечеру предыдущего дня немецкие войска были вытеснены за Неман, однако мосты через реку не взрывали «по обоюдному соглашению», каждая из сторон надеялась использовать их для своего наступления. Именно над этими мостами рано утром разыгрался крупный воздушный бой. Генерал Келлер за ночь успел сколотить сводную истребительную группу «Храбак», куда вошли остатки 54-й эскадры. Эта группа прикрывала потрепанные, но все еще грозные 4 бомбардировочные группы 76-й и 77-й эскадр, направленные для атаки советских войск на фронте наступления 56-го корпуса. 1-я бомбардировочная эскадра прочно увязла в боях на приморском участке фронта. Келлер попытался выпросить у командования Люфтваффе хоть одну эскадрилью пикировщиков, но ему отказали наотрез. В полосе Групп армий «Центр» и «Юг» дела обстояли еще хуже, и сейчас пикировочные эскадры пытались помочь 17-й армии отразить русское наступление в направлении на Люблин. Вообще, единственным участком, где обозначился хотя бы символический успех, был район Бреста, где 2-я танковая группа не только отразила первый удар русских, но и даже продвинулась на советскую территорию. Однако даже «Стремительный Гейнц» Гудериан начал колебаться, так как наступление его танков при

отсутствии соответствующих ударов 3-й танковой группы Гота лишалось всякого смысла. Гудериан, наверное, мог продвинуться дальше, но это привело бы только к полной изоляции его группы. Поэтому 3-я танковая группа продолжала топтаться на месте. На южном участке фронта румынская 3-я армия, даже не вступив в бой, начала поспешный отход, обнажив левый фланг немецкой 11-й армии, которая сразу попала в крайне опасное положение.

Но когда немецкие самолеты прибыли в указанный район, выяснилось, что советское командование имело точно такой же замысел и бросило для атаки войск Манштейна 7-ю и 8-ю смешанные авиадивизии, усиленные 21-м авиаполком ПВО. Небо над Неманом превратилось в пылающую топку, тут и там его перечеркивали черные хвосты дыма, тянущиеся за подбитыми самолетами. Конечно, истребители Ме-109 превосходили по своим характеристикам старые советские И-16, но, втрое уступая в количестве, они ничего не могли сделать, ведь им еще была поставлена задача защищать свои бомбардировщики. В ходе этого воздушного сражения немцы потеряли до 20 истребителей и 50 бомбардировщиков, советские потери оказались примерно в полтора раза выше, и немцы могли бы быть довольными, если бы после этого остатки 54-й истребительной эскадры не растаяли, словно кусок сахара в кипятке. Бомбардировка позиций 3-го мехкорпуса тоже сорвалась. Советские бомбардировщики все-таки сумели атаковать 8-ю танковую дивизию, но налет получился слабым, и единственным результатом стал перенос начала немецкого наступления на два часа.

Войска Манштейна перешли Неман, причем наступлением руководил сам командир корпуса, сменивший погибшего командира 8-й дивизии. Но тут же немцы были встречены 2-й танковой дивизией. В результате Манштейн и его солдаты оказались в крайне опасном положении, так как атаку возглавляли русские сверхтяжелые танки КВ-1. Основным танком дивизии был слабый чешский 38(t), который никак не мог соперничать с русскими машинами.

«Скорчившись в неглубоких окопчиках, под дорожными мостами и в кюветах либо вообще посреди поля, немецкие солдаты ждали приближения вражеских танков. Ожидание превратилось в настоящую пытку, так как наша дальнобойная артиллерия обстреливала эти танки, не подозревая, что одновременно обстреливает и собственных пехотинцев, повезло тем, кто сумел укрыться под мостами и в других убежищах. Они могли наблюдать за происходящим, не замеченные противником. Гигантские танки с грохотом приближались, стремительно вырастая в размерах. Один из них натолкнулся на небольшое болотце, в котором увяз наш PzKw-38t. Не колеблясь ни секунды, черный монстр переехал беспомощный танк. Та же участь постигла немецкую 150-мм гаубицу, которая не успела вовремя скрыться. Когда КВ-1 приближались, гаубица стреляла по ним в упор, не причиняя никакого вреда. Один из танков пошел прямо на нее, и гаубица попала ему в лобовую броню. Мигнула яркая вспышка, и раздался громовой удар, когда снаряд взорвался. Танк остановился, словно в него ударила молния. Артиллеристы облегченно вздохнули, и один из них сказал: «Ему конец». «Да, этот

получил свое», — согласился командир расчета. Но тут они буквально позеленели, так как кто-то крикнул: «Он снова движется!» Действительно, танк снова двинулся вперед, громко лязгая траками. Танк смял тяжелое орудие, словно детскую игрушку, вдавил его в землю и исковеркал, ничего не заметив. С гаубицей было покончено, но расчет, к счастью, успел бежать».

От полного разгрома Манштейна спасло то, что он предусмотрительно перебросил к месту боя 2 батареи 88-мм зенитных орудий 23-го зенитного полка, приданного его корпусу. Они сумели подбить несколько этих супертанков, причем один из них даже проскочил через мост и едва не вышел к позициям батареи, но был остановлен в самый последний момент.

Но русские продолжали наращивать силы и ввели в бой 5-ю танковую и 84-ю механизированную дивизии. В результате 8-я танковая дивизия не выдержала напора и отошла за реку, но теперь Манштейн приказал взорвать мосты, так как не видел никаких перспектив для наступления. К тому же, как мы говорили, немного севернее ситуация принимала все более опасный характер. Генерал Гальдер 7 июля делает в своем дневнике такую запись:

«Ясно лишь, что наш 41-й танковый корпус, с самого начала находившийся в районе Тильзита, разбит танковыми корпусами русских и что танковый корпус Манштейна так и не сумел продвинуться на север, чтобы подрезать основание русского клина, и вынудил русских начать отход. Мы готовим организованное отступление, намереваясь прикрывать его танковыми соединениями».

Но Гальдер слишком оптимистично оценивал ситуацию. К этому времени 41-й механизированный корпус потерял уже около 70 процентов своих танков, положение 56-го корпуса было немногим лучше, недаром ведь Манштейн решительно отказался от всяких попыток проявить активность. Окончательно веру Гёппнера в успех подорвали сообщения авиаразведки — почему-то русские не особенно старались перехватывать эти самолеты. Скорее всего, они, уничтожив ударные силы 1-го Воздушного флота, просто не придавали особого значения действиям самолетов-разведчиков. Удастся перехватить — перехватят, но целеустремленно охотиться за ними никто не собирался. Так вот, разведчики обнаружили выдвижение к линии фронта новых крупных танковых сил русских. Это был недавно сформированный и тайно переброшенный в Прибалтику 28-й механизированный корпус в составе 6-й и 54-й танковых дивизий, 236-й моторизованной дивизии и приданных частей. Еще 860 танков готовились обрушиться на изнемогающие войска Гёппнера. В результате он, нарушая приказы ОКХ, оставил у себя моторизованную дивизию «Тотенкопф» и выдвинул ее на фронт в полосу обороны 41-го механизированного корпуса. Одновременно генерал Рейнхардт перебросил на угрожаемый участок свою 36-ю моторизованную дивизию.

Утро 8 июля началось мощным налетом советской авиации на Тильзит и его окрестности, впрочем, гадать, куда именно будет направлен очередной удар, не было необходимости. Так как истребителей у генерала Келлера не осталось, отдуваться за все пришлось зенитчикам. Они старались как могли и даже

сбили несколько самолетов, которые опрометчиво снизились слишком сильно, но все равно поспешно построенные оборонительные позиции заметно пострадали. После этого по немцам открыла ураганный огонь тяжелая артиллерия. Командующий 8-й армией генерал-лейтенант Собенников стянул сюда почти всю свою артиллерию. После часовой артподготовки в атаку пошли танки 28-й танковой дивизии 12-го мехкорпуса.

Немцы встретили их нестройным артиллерийским огнем, так как часть батарей пострадала во время авианалета. Однако и того, что осталось, хватило, чтобы остановить атаку, так как советские танки действовали отдельно от пехоты. Это шло вразрез с немецкими наставлениями и всем опытом предыдущих кампаний. Судя по всему, советские командиры делали ставку на один-единственный фактор — подавляющее превосходство в силах. Но, поскольку эта дивизия имела на вооружении только более старые танки Т-26 и БТ-7, ее атака захлебнулась, а на полу осталось около 60 сгоревших машин. Немцы полагали, что на этом все закончится, никакой командир не позволит своим частям нести такие большие потери, однако они крупно недооценили решимость генерала Собенникова. После полудня начал атаку 28-й мехкорпус. Вспоминает генерал Рейнхардт:

«Как можно было предвидеть, противник подтянул свежие силы, и не только от Пскова, но и от Минска и Москвы. Вскоре нам пришлось на северном берегу Немана обороняться от атак противника, поддержанных одной танковой дивизией. На некоторых участ-

ках дело принимало серьезный оборот... Наконец, 7 июля в корпус прибыло третье механизированное соединение — дивизия СС «Тотенкопф», но это не облегчило нашего положения, так как русские подкрепления были гораздо более многочисленными».

И если первую атаку 28-го корпуса немцы еще сумели отбить, то вторая, в которой участвовала и 236-я моторизованная дивизия, принесла русским успех. При этом большую помощь танкистам оказала авиация. Истребители штурмовали позиции немцев, прижимая их к земле пулеметным огнем, что позволило танкам подойти вплотную к наспех вырытым траншеям. 6-я танковая дивизия наступала короткими бросками. Ширина наступления дивизии не превышала 10 километров, что обусловило высокую плотность танков в первой линии, как позднее вспоминал один из участников боя, танки шли так плотно, что почти каждый выпущенный снаряд из немецких противотанковых пушек достигал своей цели. Но, несмотря на это, корпус двигался вперед, и в результате боев 8 июля немецкий 41-й моторизованный корпус был вынужден отойти за Неман. В целом танковой группе Гёппнера удалось зацепиться за реку, однако командующий с ужасом ожидал возобновления атак на следующий день.

Сообщения с других участков фронта были такими же неутешительными. Немецкие войска отходили, оказывая то сопротивление, на которое были способны, но отступали. Однако немецких генералов озадачивал не слишком высокий темп наступления советских частей относительно задействованных сил.

Если в первый день русские танковые дивизии продвинулись на расстояние 25–35 километров, то далее скорость продвижения упала до 10 километров в сутки и даже менее. Конечно, это объяснялось усилившимся сопротивлением немцев, но имелись и другие причины.

Генерал-oberст Эрих Гёппнер был бы страшно удивлен, если бы узнал, что генерал-лейтенант Собенников ждет завтрашнего дня с не меньшим страхом, чем он сам. Собенников получил приказ командующего Северо-Западным фронтом генерал-полковника Кузнецова форсировать Неман, взять Тильзит и наступать на юг к Инстербургу. Кузнецов надеялся взять в клещи немецкую группировку в Восточной Пруссии согласно составленному плану. С севера удар наносила 8-я армия в направлении Тильзит — Инстербург — Гердауэн, а с юга 10-я армия в направлении Алленштейн — Бишуфштейн — Гердауэн. Однако к исходу уже третьего дня наступления выяснилось, что советские войска находятся в таком же скверном состоянии, как и немецкие. Во время наступления части и подразделения перемешались, вдобавок командование фронта, испугавшись собственных успехов, решило отобрать у 12-го мехкорпуса 202-ю моторизованную дивизию для защиты самого себя. После удачного нападения на штаб немецкой 8-й танковой дивизии советским генералам повсюду начали мерещиться вражеские парашютисты. Венцом этой паники стала «высадка» парашютистов прямо на улицы Каунаса.

Вдобавок выяснилось, что спешка, с которой 3-й мехкорпус был передан 8-й армии, имела и свою обо-

ротную сторону, корпус прибыл без своих тыловых частей и сейчас испытывал проблемы со снабжением, прежде всего с боеприпасами, израсходованными в ходе ожесточенного боя. Генерал-майор Куркин сообщил Собенникову, что у него осталось не более четверти боекомплекта, а танки почти полностью израсходовали бензин, поэтому на следующий день он может вести лишь оборонительный бой. Кроме того, марш-бросок нанес гораздо больше потерь, чем атака, например, 5-я танковая дивизия потеряла в бою около 60 танков, но из-за различных поломок на дорогах осталось чуть не вдвое больше. Такая же картина наблюдалась и в 28-м мехкорпусе.

Но выбора у Собенникова не было, срыва наступления ему никто не простил бы. Поэтому ночью он примчался в штаб 12-го мехкорпуса, чтобы лично ознакомиться с обстановкой на месте. Увиденное его совсем не обрадовало, и Собенников попытался сколотить ударную группу, чтобы утром попытаться форсировать Неман. Как ни странно, немцы и здесь не взорвали мосты, похоже, Гёппнер и Рейнхардт никак не могли отказаться от намерений реализовать хоть какие-то пункты плана «Барбаросса».

Чуть раньше Манштейн оценил ситуацию гораздо более трезво, правда, для этого ему потребовалось погубить 8-ю танковую дивизию. Но теперь он ясно понимал, что встречный танковый бой при подавляющем численном превосходстве Красной Армии будет настоящим самоубийством. Немцы все еще сохраняли некоторое качественное превосходство благодаря более совершенным системам связи, однако уступали в качестве вооружения. Довольно быстро выяснилось,

что советская 45-мм танковая пушка более чем эффективна против любого немецкого танка, в отличие от короткоствольных 37-мм французских пугачей. Во Франции еще можно было рассчитывать на помощь Люфтваффе, но грозные «Штукагешвадер» бесследно исчезли где-то в необъятных просторах России, а горстка Ju-88, оставшихся в распоряжении генерала Келлера, никак не могла заменить авиацию поля боя. Снова процитируем дневник генерала Гальдера:

«Войска Группы армий «Север» почти на всем фронте (за исключением 291-й пехотной дивизии, стоящей перед Либавой) отражали танковые атаки противника, которые предположительно вел 3-й танковый корпус русских при поддержке нескольких мотомеханизированных бригад. Правое крыло группы армий вынуждено отойти к Неману. На этом участке фронта русские сражаются крайне упорно и ожесточенно.

В общем, теперь стало ясно, нам придется совершенно забыть о наступлении, а, напротив, бросить все, что только мы имеем в своем распоряжении, навстречу вклинившимся русским войскам. При этом Верховное командование Люфтваффе, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями своих частей, Геринг потерял голову. Это трудно понять. Полное отсутствие крупных оперативных резервов совершенно лишает нас возможности эффективно влиять на ход боевых действий».

В результате усилий Собенникова под командованием генерал-майора Шестопалова (командир 12-го мехкорпуса) собралась настоящая татарская орда,

сколоченная из отдельных полков и даже батальонов. Самым главным, как полагал Собенников, было то, что он сумел наскрести 20 танков КВ-1, 7 — КВ-2 и 20 — Т-34, которые должны были сыграть роль тарана, проламывающего немецкую оборону. Вслед за тараном двигались 280 танков, собранных по принципу «каждой твари по паре». Было сложно представить, чтобы такое, с позволения сказать, «соединение» могло чего-нибудь добиться. Последующие события это подтвердили. Единственным светлым местом во всей этой мрачной ситуации была обещанная поддержка авиации. Генерал-майор Ионов твердо пообещал вбомбить Тильзит в Неман.

Свое обещание Ионов постарался выполнить: утренний налет на Тильзит оказался самым сильным из всего, что пришлось до сих пор пережить немцам. Конечно, ударам советских самолетов недоставало точности, которую демонстрировали немецкие пикировщики, однако они брали количеством. Кузнецов сумел договориться с командованием Балтийского флота и получил еще 3 полка бомбардировщиков. Конечно, не дело минно-торпедной авиации бомбить противотанковые батареи, но на них особо никто не рассчитывал, морские летчики должны были создать массовость сцены, основной удар наносила фронтовая авиация.

После короткой артподготовки (на долгую просто не хватало боеприпасов) танки рванулись к мостам. Оказалось, что немецкая оборона не столь прочная, как казалось на первый взгляд, к тому же солдаты были потрясены страшной бомбардировкой, так как нормальных траншей и блиндажей они отрыть про-

сто не успели. Это позволило части танков проскочить железнодорожный мост, но на выходе с него они были остановлены огнем уцелевших немецких орудий. Генерал Рейнхардт, предвидя такую попытку, приказал разместить 88-мм зенитки среди зданий и садов. Часть из них была уничтожена, но остальные сделали свое дело. Тяжелые снаряды, выпущенные практически в упор, пробивали толстую броню КВ, как картон. После этого следовал взрыв боеприпасов, и башня, кувыряясь, летела в воздух. В считанные минуты на выходе с моста был уничтожен почти весь танковый таран, уцелевшие машины поспешно отошли назад. Попытку советской пехоты прорваться через мост пресекли пулеметчики дивизии «Тотенкопф». Оглушенные и потрясенные, они все-таки остались на позициях. Но, скорее всего, сыграл свою роль вид десятков сожженных танков.

Беда пришла оттуда, откуда ее не ждали. Рейнхардт не мог организовать одинаково прочную оборону по всей линии фронта своего корпуса, он правильно угадал направление главного удара русских и отразил его, но... Совершенно неожиданно 54-я танковая дивизия, хотя и сильно ослабленная действиями Собенникова, сумела захватить мост у Рагнита и форсировала Неман. И советское, и немецкое командование считало это направление второстепенным а потому не уделяло ему должного внимания. Находившиеся там подразделения немецкой 269-й пехотной дивизии поспешно отступили.

Собенников, узнав об этом, немедленно приказал перебросить туда сводную танковую группу Шестопалова и ударить на Тильзит. Закрепиться на плацдарме

было приказано 236-й моторизованной дивизии 28-го мехкорпуса, что и было сделано. Но, странным образом, этот успех сыграл роковую роль в судьбе 12, 3 и 28-го мехкорпусов. Спешное передвижение в полосу 8-й армии, неподготовленные атаки, новая спешная передислокация привели к тому, что на плацдарм добралось не более 100 танков, чего было совершенно недостаточно для развития успеха.

Генерал Шестопалов лично повел остатки своей группы в атаку на север, однако его встретила спешно развернутая в сторону Рагнита 36-я механизированная дивизия. Генерал Оттенбахер сумел передислоцировать 87-й пехотный полк, подкрепив его двумя артиллерийскими батальонами и 36-м батальоном истребителей танков, однако его пехоте пришлось принимать крайне неудобный и опасный для себя встречный бой с танками. Если бы только русские сумели подкрепить группу Шестопалова пехотой и артиллерией, прорыв вполне мог увенчаться успехом, однако, как мы уже сказали, 236-я моторизованная дивизия в это время занималась оборудованием плацдарма, а советская артиллерия никогда не обладала подвижностью германской, но танки все равно оставались грозной силой. На левом фланге они прорвались к позициям II/36-го артиллерийского батальона и уничтожили одну из батарей, но при этом прямым попаданием 105-мм снаряда был взорван танк генерала Шестопалова. Лишь позднее русские сумели остановить истребители танков.

В результате были разгромлены и отступили обе группировки. Оттенбахер отвел остатки полка к Тильзиту, а уцелевшие русские танки откатились на плац-

дарм у Рагнита. Генерал Собенников был вынужден доложить в штаб фронта, что его армия окончательно потеряла способность вести наступательные действия, лишившись 2000 танков. Однако он утверждал, что в результате боев полностью разгромил танковую группу генерала Гёппнера и приданный ей танковый корпус СС. Потери немцев он оценивал в 5000 танков.

В результате на северном участке Восточного фронта установилось зыбкое равновесие. Действительно, русская 11-я армия полностью исчерпала свой наступательный потенциал уже к вечеру четвертого дня операции, причем генерал-лейтенант Собенников решил не докладывать о том, что собственно боевые потери составили не более 40 процентов танков, остальные машины стояли по обочинам дорог памятниками качеству производства и квалификации механиков-водителей. Кроме того, несмотря на все усилия, советский тыл оказался совершенно не готов к современной маневренной войне. Колонны снабжения и передвижные ремонтные мастерские не успевали за танковыми частями, и в результате три механизированных корпуса превратились в пехотные. Сейчас даже организация надежной обороны на Рагнитском плацдарме представлялась делом крайне сложным.

Однако положение немцев было ничуть не лучше. Грозные Панцерваффе не сумели доказать своего превосходства над русскими танковыми войсками. Причиной этому было множество взаимно переплетающихся факторов, но главные из них видны сразу. Застигнутые врасплох немцы сразу потеряли один из своих главных козырей — поддержку авиации. Уже к

исходу второго дня войны Люфтваффе были вынуждены переключиться на борьбу за выживание, забыв о взаимодействии с армией. Немецкие танковые дивизии были вынуждены вести встречные танковые бои, потеряв свой второй козырь — отлично налаженное взаимодействие с артиллерией и противотанковыми подразделениями. В итоге Панцерваффе тоже были обескровлены.

Первая неделя войны на Восточном фронте привела к вынужденному затишью, советские войска продвинулись в глубь немецкой территории на расстояние до 100 километров и остановились. Немцы не имели сил для того, чтобы вытеснить их обратно, и даже были вынуждены отвести войска там, где они имели первоначальный успех, как у 2-й танковой группы. Ее фланги повисли в воздухе, а дальнейшее наступление представлялось совершенно бессмысленным.

Складывалась парадоксальная ситуация — возвращалась пехотная война образца 1914 года с той лишь разницей, что теперь русские имели достаточно сильную авиацию. Не приходится сомневаться, что, если бы в ее составе имелись какие-то аналоги немецких пикировщиков, действия советских войск даже сейчас могли бы иметь успех. Но горизонтальные бомбардировщики не могли наносить достаточно точные удары, и их поддержка пехотных наступлений была неэффективной, и пока пехотные атаки приносили лишь чудовищные потери без намека на успех. Немецкие атаки завершались точно так же, что было неудивительно, ведь немецкая пехота вообще не имела авиационной поддержки. В результате

обе армии начали спешно окапываться на северном и центральном участках Восточного фронта. Решить исход борьбы должен был, как ни странно, тыл — кто раньше сумеет восстановить боеспособность потрепанных мобильных войск и авиации.

И все было бы еще терпимо для Германии, если бы не положение на юге. Румынская армия оказалась не в состоянии даже изобразить сопротивление, русские быстро продвигались к нефтяным полям Плоешти. Лишь немецкая 11-я армия кое-как сдерживала их наступление, ведя бои фактически в полной изоляции. Предсказать, что произойдет после того, как Германия лишится румынской нефти, было несложно.

ГИНДЕНБУРГОВ У НАС НЕТ. И НЕ НАДО...

Хорошо жить в Греции, ведь, по словам Антона Павловича Чехова, в этой стране есть абсолютно все, даже гинденбурги, полагаю, имеются в изобилии. Зато, если поверить одному учителю, который по совместительству еще и вождь, в России (тогда еще СССР) в нужный момент не нашлось ни одного Гинденбурга, что объясняет многие поражения Красной Армии. Вот мы и попробуем разобраться, можно ли было летом 1941 года остановить вермахт, которым руководили, в общем-то, тоже не гинденбурги.

Уважаемые авторы многочисленных военных альтернатив, судя по всему, очень хорошо знакомы с ТТХ разнообразной военной техники, но весьма плохо с историей, социологией, политологией и самой обычной фантастической литературой. Слишком часто у них для победоносного завершения Великой Отечественной на головы растерявшихся красноармейцев прямо в июне 1941 года сыплются тысячи Т-64 и МиГ-17, и немецкие агрессоры даже не успевают сдаться в плен. То вдруг какого-нибудь Тимошенко такая благодать осеняет, что Суворов с Наполеоном, вместе взятые, ему достойны разве что сапоги чистить. И так далее...

А ведь еще лет 40 назад прекрасный писатель Айзек Азимов в великолепном романе «Конец вечности» ввел понятие «минимального необходимого воздействия» — МНВ, — с помощью которого создается развилка истории, постепенно приводящая к необходимому результату. И мы сейчас попытаемся найти ту комбинацию минимальных воздействий, с помощью которых Красная Армия сможет остановить вермахт, ведь одну из необходимых составляющих победы — превосходство в вооружении — она все-таки имела. Просто я совершенно уверен: если буквально все детали сложившейся ситуации оставить на своих местах — результат получится тот же самый, точно так же будут размахивать пистолетами и материться комиссары, требуя перехода в наступление, точно так же будут метаться по тыловым дорогам мехкорпуса, теряя сотни танков еще до встречи с противником, точно так же немцы будут двигаться вперед по 100 километров в день, не замечая «сокрушительных контрударов» и «упорного сопротивления». Поэтому мы просто обязаны вносить какие-то изменения, но постараемся, чтобы они оказались минимальными.

Самый первый и самый напрашивающийся ход — получение более или менее точной информации о силах и планах противника. Уже более полувека нас кормят басней о том, что директива «Барбаросса» легла на стол Сталина еще до того, как Гитлер успел ее подписать. Непонятно только, почему тогда наши полководцы ожидали немецких ударов совсем не там, где они были нанесены. А почему даже Генштаб под руководством гениального Жукова оценивал немецкие силы с точностью плюс-минус десять армий? Кста-

ти, если уж говорить точно, то пресловутая директива № 21 «Барбаросса» — она и есть общая военно-политическая директива, и даже знание мельчайших ее деталей никак не поможет отражению агрессии, необходимо иметь в руках оперативные приказы противника. Можно подумать, что и без «Барбароссы» неизвестно, что конечной целью наступления является Москва.

Давайте процитируем отрывок из пресловутой директивы: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации».

И каким образом знание этого текста может помочь, скажем, командующему Северо-Западным фронтом генерал-полковнику Кузнецову?

Итак, МНВ-1. Советский Генеральный штаб сумел более или менее точно оценить силы немцев, сосредоточенные для нападения на СССР. Обнаро-

дованные в последнее время документы показывают, что советская разведка не имела даже отдаленного представления о **слабости** вермахта и занималась тем, что усиленно пугала саму себя и военное командование страны. Советское командование опиралось на следующие оценки: от 140 до 165 пехотных, от 17 до 20 танковых, от 8 до 15 моторизованных дивизий, причем эти оценки постоянно росли по мере приближения рокового июня 1941 года. В результате количество соединений было завышено в полтора раза, так как в действительности немцы сосредоточили всего лишь 91 пехотную, 17 танковых и 9 моторизованных дивизий. Ну, там всякие кавалерийские, охранные дивизии, союзники тож. Но в любом случае гитлеровский блок имел не более 160 дивизий в сумме против 190 советских. При этом количество немецкой боевой техники было завышено гораздо сильнее, предполагалось, что немцы имеют около 10 000 танков и от 10 000 до 13 000 самолетов. Вот это уже были настоящие волшебные сказки, так как немцы имели всего лишь около 3600 танков и 2500 самолетов. Ах да, еще около 500 самоходных установок и целых 700 танков разномастных союзников Германии. Правда, эти танки больше подходили для стендов кунсткамеры, и в описаниях боевых действий даже советскими генералами ни разу не мелькают ни венгерские, ни румынские машины, но уж считать так считать!

Примерно таким же было и соотношение сил в воздухе. Опять-таки, российские источники никак не могут договориться относительно количества собственных самолетов. С немецкими, как ни странно, проще, потому что состав всех воздушных флотов

давным-давно известен, но в то же время и сложнее, так как многие авторы не желают показывать, насколько слаба была немецкая авиация. Признать, что немцы сумели наскрести для войны на востоке всего лишь 2250 самолетов, как-то неловко. Да и это если считать все самолеты поголовно. У нас любят уточнять: столько советских самолетов (танков, орудий и так далее) были небоеспособны. Так ведь и у немцев наблюдалась та же самая картина, процент неисправных машин, как это ни странно, был примерно одинаковым в обеих армиях. Советский Союз имел на западе около 8300 самолетов, хотя это число легко могло быть увеличено путем переброски авиационных частей и соединений из внутренних районов СССР, ведь наша страна не воевала в Африке и на Средиземном море, не вели жестокие бои над Ла-Маншем с воспрянувшими духом Королевскими ВВС. Но даже имевшиеся силы превосходили немецкие почти в 4 раза.

Вообще-то, точная оценка сил неприятеля — оружие обоюдоострое, потому что командующие фронтами генералы Кузнецов, Павлов и Кирпонос, опираясь на нее, будут с еще большей настойчивостью требовать от подчиненных перехода в наступление, ведь в приграничных округах находилось около 14 000 советских танков. Однако эта же оценка может пресечь всю болтовню о тысячах танков, прорвавшихся в тыл, и придать уверенность командирам и бойцам, так как они будут знать, насколько слаб противник. И все-таки мы предположим, что оценка сил вермахта была сделана с точностью около 10 процентов, ведь в этом нет ничего фантастического?

Кстати, немцы тоже более чем смутно представляли противостоящие им силы. И дело даже не в том, что они в разы недооценили количество техники, которую имела Красная Армия, или мобилизационный потенциал. Хваленый абвер не сумел вскрыть даже состав приграничных группировок ни по численности, ни по составу. Так что и немцы также находились в потемках, хотя смотрели в прямо противоположную сторону. Советская разведка завышала численность немецких войск, немецкая — занижала численность советских.

МНВ-2 — советское командование сумело хотя бы частично сориентироваться в оперативных планах немцев. Приходится напомнить, что всезнающая советская разведка скормила своему командованию первоклассную дезу, предсказав, что немцы повторят маневр Наполеона и двинутся на Москву «по старой Смоленской дороге». Самое интересное, что такая информация могла оказаться правдивой, ведь немецкие генералы действительно собирались проделать нечто подобное. Но Гитлер потребовал ведения операция по всему фронту, поставив первой задачей уничтожение главных сил Красной Армии. И если посмотреть на дислокацию вермахта перед нападением, становится совершенно очевидным, что немцы намеревались прежде всего окружить и уничтожить войска, сосредоточенные на Белостокском выступе, положение 2-й и 3-й танковых групп прямо-таки кричало об этом. Чтобы увидеть это, совсем не требовалось быть Гинденбургом, хватило бы и Людендорфа. Ах да, людендорфов, на нашу беду, в Красной

Армии тоже не оказалось, но ведь мы можем сделать небольшое допущение.

Ну, а следующее МНВ-3 будет вообще микроскопическим, мы предположим, что в тылу Красной Армии будет наблюдаться некое подобие порядка, не то чтобы уж совсем немецкий орднунг, но и не тот хаос, который воцарился там к полудню 22 июня. В чем это выразится? Да хотя бы в том, что штабы не потеряют управление войсками. Пусть оно будет частично нарушено, пусть оно будет затруднено, но все-таки анекдотичная ситуация, когда командование фронта теряет целые армии, не будет иметь места. Ну и последует нормальная реакция командования при виде успешного развития наступления противника — мосты через Западную Двину и Днепр в случае необходимости будут своевременно взорваны. Заметьте, мы ничего не говорим о мостах через Неман, пусть все идет, как шло в действительности, некоторый элемент растерянности все-таки будет присутствовать, но растерянность — это не хаос. Но в этом случае немцы столкнутся с нешуточными трудностями, потому что к форсированиям таких рек вермахт не был готов. Да что там вермахт, вспомните, какие бои шли вокруг плацдарма на Рейне возле Ремагена в самом конце войны, хотя уж западные союзники никогда не жаловались на нехватку техники.

И еще одно замечание. Немцы совсем неспроста надеялись и старались завершить свой Восточный поход до наступления зимы. Видимо, немецкие генералы интуитивно чувствовали, что затягивание войны окажется смертельным для Германии, что, собственно, и произошло. Именно поэтому я всегда утверж-

дал и буду утверждать, что после поражения под Москвой у Германии не осталось даже теоретических шансов на победу. Поэтому, если бы Красная Армия, пусть даже потерпев несколько поражений, сумела бы остановить к зиме вермахт на полпути к Москве, война не затянулась бы до 1945 года. Разумеется, все это послезнание, и никто из советских генералов не думал о затягивании кампании до зимы, но если бы намеренно или случайно события пошли по такому сценарию, это было бы крайне выгодно для Советского Союза.

Рано утром 22 июня без объявления войны (оно последовало только два часа спустя) германские войска пересекли границу Советского Союза на всем ее протяжении. Но уже практически с самого начала немцы столкнулись с проблемами, которые нарастали словно снежный ком. Ведь оперативный план немецкого командования сильно напоминает балансирование на свободно висящей проволоке на высоте около 50 метров. Малейшая ошибка — и трюкач летит вниз с совершенно предсказуемым исходом. Ведь недаром этот номер в цирке исполняют считающиеся единицы. Он справедливо считается на два порядка сложнее, чем попытка пройти по туго натянутой проволоке. Вот и немецкий план столь же трудноисполним. Кстати, обратите внимание — мы сознательно избегаем употребления термина «Weisung Nr. 21: Fall Barbarossa», так как оперативные планы каждая группа армий разрабатывала самостоятельно в его рамках. Во всяком случае, в немецких мемуарах нет ни одного упоминания о том, как именовался

план фон Бока или Рундштедта. Есть подозрение, что они вообще не имели названий, подобных громким операциям «Тайфун» или «Охота на дроф». Разве что совместно наступление немецких и румынских войск на юге получило название «Операция «Мюнхен».

Тем более что все равно у немцев с самого начала дела пошли наперекосяк, об этом постоянно говорит один из главных исполнителей оперативного плана, командующий 3-й танковой группой генерал-оберст Герман Гот. По его словам, с самого начала Восточной кампании из штаба Группы армий «Центр» ему на голову начали сыпаться приказы, противоречившие первоначальным планам. Вот мы и просмотрим ключевые развилки на ухабистом пути немецкого наступления, причем мы не будем касаться всего огромного Восточного фронта, а возьмем выборочно лишь несколько особенно выпуклых моментов.

При этом мы будем разбираться во всем по порядку, точнее, с севера на юг по всему Восточному фронту. Первоначальные действия Группы армий «Север» окажутся такими же, как в реальности. Даже бой под Расейнаем будет точно таким же, включая знаменитый эпизод с танком КВ, который застопорил продвижение боевой группы «Зекедорф». Честно говоря, мне совершенно непонятен энтузиазм, с которым современные историки разоблачают погибших героев. Да, разумеется, Суворов/Резун хватил через край, когда ляпнул, что безымянный сержант генерал-оберста Гёппнера остановил. Нет, сержант всего-навсего на сутки притормозил немецкую танковую бригаду. А сейчас займемся простейшей арифметикой. Вермахт имел на Восточном фронте 17 танковых диви-

зий, то есть 17 боевых групп — импровизированных танковых бригад. По различным расчетам, западные военные округа имели около 470 танков КВ. Если каждый из них задержит немецкую танковую бригаду всего на один день, это означает, что все немецкие танковые группы простоят на месте 27 дней. Весь график наступления провалится в тартарары... Такой подсчет, конечно же, шутка, но наши историки с большей пользой потратили бы время на то, чтобы выяснить фамилии экипажа героического танка, чем на доказательства того, что полковники Зекедорф и Раус, а также генерал-майор Ландграф просто не заметили это неожиданное препятствие.

Мы даже вполне допускаем, что в результате неорганизованных хаотичных контратак 12-й мехкорпус постигнет та же самая судьба, что и в реальности, а именно, он будет разгромлен. Но чем все закончится? Группа армий «Север» дойдет до Западной Двины, найдет там взорванные мосты и... Гадать, что будет дальше, мы не станем, ясно одно — ничего хорошего для немцев.

Далее мы оказываемся в полосе главного удара вермахта — на фронте Группы армий «Центр». Наиболее логичным и естественным решением, совершенно не требующим гинденбурговского гения, являлась попытка остановить 3-ю танковую группу генерала Гота, которая находилась ближе всего к Минску и после начала войны частью сил двигалась прямо на Минск. Причем эту попытку облегчало одно обстоятельство: по качественному составу группа Гота была самой слабой из всех немецких танковых групп. За-

метьте, мы уточняем: именно по качественному, так как по численности имелись более слабые соединения. Но дело в том, что более 50 процентов «танков» Гота составляли грозные чешские машины 38(t). Лишь 13 процентов — а именно 121 машина — составляли танки Т-IV, а остальное приходилось на еще более ужасные Т-I и Т-II.

Вдобавок наше командование исходило из совершенно ложного предположения, что немцы повторят маршрут Наполеона и двинутся на Москву кратчайшим путем. Именно группа Гота находилась на этом маршруте, поэтому сосредоточение основных усилий против нее выглядело вполне логичным и обоснованным.

А последствия остановки танков Гота представить совсем несложно, достаточно взглянуть на карту — в результате рушится весь оперативный план Группы армий «Центр». Задуманные клещи и Минский котел не получаются, прорыв группы Гудериана к Минску с юга лишается всякого смысла. Более того, положение самого Гудериана становится откровенно опасным — его танки оторвались от своей пехоты и оказались в полной изоляции в советском тылу. Перспектива встречи с танками Гота пропала, и я, откровенно признаться, не знаю, что должен делать командующий в такой ситуации.

Действовать советское командование могло двояко — активно и пассивно. Но гораздо лучше было постараться сочетать оба варианта.

Вариант первый — пассивный. Главную роль в создании северного фаса Минского котла сыграл LVII моторизованный корпус группы Гота. Давайте рас-

смотрим более внимательно его маршрут от границы и до Минска. Он будет следующим: Мяркине — Варена — Вороново — Ошмяны — Молодечно — Радшковичи — Острошицкий Городок. Этот маршрут удивительно хорошо совпадает с современной картой автострад: А-233, Р-20, Р-43 и так далее. «Наши моторизованные войска вели бои вдоль дорог или вблизи их, а там, где дорог не было, русские в большинстве случаев оставались недосыгаемы», — пишет генерал Блюментрит. Разумеется, в 1941 году это были скорее дороги, а не автострады, но даже в качестве дорог таковые пересекают множество рек и речек. Все-таки наступали танки Гота в лесисто-болотистой Белоруссии, а не в пустыне Сахара. В результате, если ограничиться сугубо пассивными мерами, даже не поднимая вопрос об организации обороны и тем более нанесении контрударов, а просто взрывать мосты, командир корпуса генерал Адольф Кюнтцен столкнется с проблемами, решить которые будет крайне сложно.

Перечислим по порядку. Взрываются мосты через реку Ошмянка под Ошмянами, реку Оксна у Сморгони, реку Цвитень у села Мясота, реку Рыбчана у Радшковичей. Заметьте, мы перечисляем только реки, находящиеся в глубине советской территории, как уже говорилось, предполагается, что мосты, находящиеся в относительной близости к границе, будут немцами захвачены в полной сохранности. Но даже этого хватит, чтобы LVII корпус безнадежно опоздал на встречу с XLVII моторизованным корпусом из группы Гудериана, а стремительный бросок превращается в напряженную и изнурительную работу саперных частей. Разумеется, все упомянутые реки — это совсем не

Северная Двина и тем более не Днепр, а значит, форсировать их можно. Однако обязательно учтите, что пехотинец может перейти по бревнышку через взорванный пролет, а танку это недоступно. Более того, понтонная переправа, по которой проскочит танковая рота, совершенно недостаточна для прохода корпуса со всей артиллерией и тыловым хозяйством. И, как мы уже говорили, немецкая армия просто не располагала понтонными парками в необходимом количестве. Как правило, немецкий корпус имел в своем составе строительный батальон из 3–5 мостостроительных колонн (рот), а механизированный корпус мог иметь еще дорожный батальон. Этого вполне достаточно для приведения в порядок тыловых коммуникаций, но не хватит для наведения переправы под огнем противника.

Обычно историки гораздо больше любят рассказывать о действиях группы Гудериана, благо этот самый известный из панцер-генералов оставил очень подробные и утомительно скучные мемуары. Мы из принципа не будем говорить о действиях 2-й танковой группы, ограничимся лишь замечанием, что если бы был взорван мост через Неман у Столбцов (а Гудериану до Немана было гораздо дальше, чем войскам на северном крыле Восточного фронта), то и южная половина Минского котла сразу переходит в сослагательное наклонение.

Чтобы принять такие меры, совсем не обязательно быть Гинденбургом, вполне хватит командира N-ского пехотного полка. Если же взорвать мост через Днепр у Кременчуга и таким образом лишить немецкую 1-ю танковую группу плацдарма на левом берегу, то Ки-

евский котел не состоится в принципе. Да, крупные мосты — сооружения очень прочные, недаром те же англичане для их разрушения использовали свои знаменитые 5-тонные бомбы «Толлбой», но ведь перед советским командиром не стоит задача сровнять мост с землей. Достаточно максимально затруднить восстановление моста — и все немецкие планы разлетятся в пыль. Кстати, мы не беремся утверждать, что в этом случае Юго-Западному фронту генерала Кирпоноса пришлось бы легче, но то, что весь ход боев на южном крыле Восточного фронта пошел бы по иному сценарию, — это несомненно.

Теперь переходим ко второму варианту — активным действиям против войск генерала Гота. Самой известной попыткой является так называемый «контрудар» конно-механизированной группы генерала Болдина. Столь пренебрежительное название дано ему за ничтожные результаты, достигнутые столь крупными силами. Собственно, Болдин в реальности провалил операцию, еще не начав ее, так как не сумел сколотить ударный кулак. И опять же, для решения задачи нам не требуется Гинденбург, да и вообще полководец не требуется. Нужен аккуратный, вездливый, терпеливый, жесткий начальник штаба — и не более того.

Начнем с того, что целью Болдина стал XX корпус 9-й армии, а не танковые соединения генерала Гота, под удар попала его 256-я пехотная дивизия. Между прочим, 256-я дивизия принадлежала к дивизиям четвертой волны и была сформирована только в сентябре 1939 года. В Польской кампании она не участвовала, находясь в резерве. В июле 1940 года дивизия была

передана 6-й армии во Франции, причем в боевых действиях она опять же не участвует, неся гарнизонную службу в Бретани, за 2 месяца дивизию трижды переподчиняли различным корпусам. В общем, на пути 6-го и 11-го мехкорпусов и 6-го кавкорпуса находилась сырая, неопытная пехота, или, попросту говоря, это были смертники, особенно если учесть, что группа Болдина имела более 1100 танков, в том числе 450 КВ и почти 300 Т-34. Между прочим, это больше, чем имел в своем распоряжении генерал Гот.

Что в такой ситуации требовалось от генерала Болдина? Какой-то полководческий гений? Ничуть. Нужна была всего лишь аккуратная, пунктуальная штабная работа, потому что никакая пехотная дивизия не выдержит удара тысячи танков. Здесь даже не нужен поиск слабых мест в обороне и тому подобное, особенно если учесть количество танков КВ и Т-34. Главное — в точности соблюдать положения боевого устава, требующего наладить взаимодействие родов войск, — и только. Да, к лету 1941 года немцы научились бороться с тяжелыми танками, но каждый раз подобный бой превращался в серьезную проблему, ведь далеко не всегда грозные 88-мм Flak окажутся в нужном месте, да и корпусные 10-см пушки еще найти надо.

Еще одна деталь, которую обязательно следует уточнить. Даже современные историки вслед за битыми в 1941 году генералами упрямо повторяют, что подготовка к контрудару была расстроена действиями немецкой авиации. Но давайте посмотрим, какая же именно авиация могла это сделать. Действия немецкой 9-й армии и временно подчиненной ей 3-й

танковой группы поддерживал VIII авиакорпус, в составе которого числились целых две пикировочные эскадры, хотя и не в полном составе. Например, I./StG 1 в это время торчала в Ливии возле Дерны, поддерживая Роммеля. Это блестящий пример вынужденного распыления сил, на которое немцы шли от крайней скудости ресурсов. Каким образом то, что осталось, могло поддерживать танки Гота, наступающие по двум расходящимся направлениям, да еще и пехотные корпуса 9-й армии, двигавшиеся в третьем направлении, — представить сложно. Скорее всего, советские командиры описывали виртуальные атаки, чтобы скрыть небоевые потери. Слишком часто описания событий 1941 года немецкими и русскими историками разнятся, как небо и земля, вплоть до изобретения несуществующих боев и описания не имевших места событий. Мы просто напомним, что во время прорыва под Седаном во Франции в 1940 году 9 немецких бомбардировочных групп совершили 4000 вылетов за день, атакуя позиции французов на очень узком фронте. А сейчас генерал Болдин в своих мемуарах сообщает, что 22 июня была «разгромлена» 6-я кавдивизия, на рассвете 23 июня «растрепана» 36-я (кем? как?), и вдруг после этого, 25 июня, генерал Гальдер отмечает в своем дневнике, что в районе Гродно «крупные массы русской кавалерии атакуют западный фланг VIII корпуса».

Итак, генерал Болдин сумел-таки собрать свой корпус, пусть даже и не в полном составе, и 24 июня нанес удар на Гродно. На помощь атакованной дивизии могли подойти только части 162-й и 87-й пехотных дивизий, а также — внимание! — 561-й или

643-й противотанковые батальоны. Но хватило бы этого, чтобы остановить лавину из 500 танков? Видите, какое допущение мы делаем — Болдину удалось собрать только половину сил. Однако если удар будет организован в соответствии с уставами и наставлениями, то есть при поддержке артиллерии и участии пехоты, несчастный XX корпус будет просто смят в считанные часы. Вдобавок хваленый абвер снова не на высоте: «Только вечером 23 июня в донесении отдела разведки и контрразведки штаба 9-й армии вермахта отмечено «появление в районе южнее Гродно 1-й и 2-й мотомехбригад». Ничего похожего на правду!

В результате группа Болдина оказывается в тылу ушедших далеко вперед танковых корпусов Гота, но первым повисает в воздухе VIII корпус, что отмечают и сами немцы, вспоминая атаки русских на его правом фланге. Первый и непосредственный результат контрудара — так называемый Белостокский котел не возникает. А далее генерал Адольф Штраусс, который командует 9-й армией, вынужден забыть о наступлении и начать изыскивать способы разрешения кризиса. Скорее всего, это ему удастся, тем более что он может рассчитывать на помощь танковой группы Гота. Столкнувшись с трудностями при переправах через многочисленные реки и потеряв темп наступления, генерал-oberst Гот вполне может повернуть LVII корпус назад, чтобы спасти то, что еще можно спасти. И еще не факт, что это ему удастся. Перспективы встречного танкового боя с немецкими панцердивизиями выглядят сомнительными для советских мехкорпусов, потому здесь уже будет решать не наличие гинденбургов, а выучка командиров полков и

батальонов, а вот с этим в Красной Армии дело обстояло довольно скверно. С другой стороны, мы уже говорили, что основную массу танков Гота составляли несчастные 38 (t), которые ни при каких условиях не могли сражаться с Т-34. Вспомните пародийные попытки немецких танков сражаться с французскими! А ведь S-35 и H-35 гораздо слабее «тридцатьчетверки». И все-таки не будем пытаться предугадать исход этого столкновения. Главное заключается в том, что немцы даже в случае успеха безнадежно потеряют время, а в случае неудачи... Ну, вы сами можете представить, чем это закончится в случае поражения LVII корпуса. Но в обоих вариантах оперативный план Группы армий «Центр» рухнет безвозвратно, а следом за ним на помойку отправляется и директива «Барбаросса», так как уничтожить основную массу советских войск в приграничных районах явно не удастся.

Двигаясь дальше на юг, мы видим 2-ю танковую группу Гудериана. Как ни странно, на пути к Минску с юга она не встречает механизированных и танковых соединений, поэтому максимум, на что может рассчитывать советское командование, — это притормозить ее продвижение. Выше мы привели простейший рецепт, не требующий никаких особых усилий, — отправка саперного взвода под это определение не подходит. Его XLVII моторизованный корпус превращается в колун, забитый в сырое полено. Вы никогда не кололи дрова? Попробуйте, тогда оцените по достоинству эту метафору. Наступление Гудериана лишается всякого смысла. Что предпримет в такой ситуации «Стремительный Гейнц», сказать невозможно, скорее

всего, он попытается в одиночку срезать Белостокский выступ, повернув свои корпуса на север. Но это снова потеря времени и еще один осиновый кол в могилу «Барбароссы».

Прежде всего хочется отметить, что события на фронте Группы армий «Юг» на общий успех немецкого наступления совершенно не влияют. Войска фельдмаршала Рундштедта добились определенных успехов, но разгромить противостоящие им советские армии не сумели. Решающим, как мы помним, стал поворот 2-й танковой группы Гудериана на юг, после чего немцам удалось создать колоссальный Киевский котел.

И, разумеется, мы просто не вправе обойтись без описания танкового сражения под Луцком — Ровно — Бродами. Оно вполне могло изменить весь ход событий в полосе Юго-Западного фронта просто потому, что главная ударная сила немецкой Группы армий «Юг» — 1-я танковая группа — балансировала на грани уничтожения. Если на севере и в центре Восточного фронта Красная Армия имела заметное превосходство в силах, то на юге оно было просто огромным. Мы видим самые различные способы жонглирования цифрами, но это неравенство сил скрыть никак не удастся. Даже по самым странным подсчетам получается, что генерал Кирпонос имел в семь раз больше танков, чем генерал фон Клейст (звание фельдмаршала он получил только в 1943 году).

В последнее время появилось несколько неплохих описаний этого сражения, и нет никакого смысла спорничать с их авторами, остается лишь обратить

внимание читателя на кое-какие нюансы, этими авторами не замеченные. Начнем с того, что собственно «танкового сражения под Луцком — Бродами — Ровно» не было, имели место несколько столкновений в разных местах в разное время, не связанных между собой. В этом и заключается отличие данного сражения от боев под Ханнутом, Эль-Газалой, Прохоровкой. Второе отличие — танковые бои в ходе сражения почти не велись, и не потому, что «танки с танками не воюют», просто ситуация складывалась так, что гораздо чаще танки обоих противников сталкивались с пехотой. Встречные танковые бои получались совершенно неожиданными для обоих противников.

И в очередной раз мы вынуждены сказать, что хладнокровный, методичный и аккуратный штабной работник провел бы это сражение ничуть не хуже Гинденбурга и явно лучше генерала Кирпоноса. Кстати, вы замечаете злой юмор этого постоянно повторяемого рефрена? Методичность, аккуратность, пунктуальность, настойчивость, где-то даже занудство в следовании уставным положениям — это типичные черты немецкого штабного офицера, каким его изображают на карикатурах. Но при этом совсем не обязательно имеющего маршальский жезл.

Вообще можно высказать крамольную мысль — военная машина должна быть отлаженной до такой степени, чтобы побеждать без учета личности полководца. Хороший пример этому дали римские легионы. Помните, сколько блестящих побед они одержали? Но дело в том, что, хотя Рим имел профессиональных солдат, профессиональные полководцы в нем отсутствовали в принципе. Большинство

консулов-победителей еще вчера мирно вкушали прелести жизни на своих виллах, а сегодня громили противника. Кто из римских консулов был отмечен искрой гения? Сципион Африканский, Цезарь, ну еще пару человек можно вспомнить — не слишком много для тысячелетней истории. В истории гражданской войны 68-го года н. э. имеется совершенно анекдотический пример. Перед самым сражением легионы заподозрили измену и посадили под арест всех легатов и трибунов, после чего вдребезги разнесли противника под командованием центурионов. Вы можете себе представить армию, которая выигрывает сражение под руководством командиров батальонов?! Вот таким было совершенство римской военной машины. А когда в действия легионов вмешивались консулы, вполне могли получиться Канны или Тевтонбургский лес. Или жаркое лето 1941 года.

Но мы несколько отвлеклись. К вечеру 24 июня в полосе Юго-Западного фронта образовался разрыв между 5-й и 6-й армиями шириной около 50 километров, в который устремился немецкий XLVIII моторизованный корпус, имевший целых 2 танковых дивизии. Чтобы ликвидировать его, генерал Кирпонос попытался нанести контрудар силами четырех механизированных корпусов: 8, 9, 15 и 19-го, которые были нацелены на фланги прорвавшейся группировки. Однако вместо одного мощного удара получилось несколько бессвязных тычков растопыренными пальцами.

А что получится, если командовать будет не Гинденбург? Прежде всего получится строгая координация действий 8-го и 15-го мехкорпусов, наступавших

с юга, и 9-го и 19-го мехкорпусов, атаковавших с севера.

Особенно сложное для немцев положение сложилось на южном фланге клина. 11-я танковая дивизия умчалась далеко вперед, и удар 8-го мехкорпуса генерала Рябышева пришелся по тыловым частям немцев. 34-я танковая дивизия подошла к Дубно и без труда захватила город. Пишут, что в этот момент там находились тыловые части 11-й танковой дивизии и корпусная артиллерия — Агко 108. На самом деле все обстояло гораздо хуже для немцев, посмотрим, что мог противопоставить советским танкам командир Агко 108 и временный комендант Дубно генерал-майор фон Штумпфельд. Это мог быть только один артиллерийский батальон, имевший одну батарею 10-см пушек и две батареи 15-см тяжелых полевых гаубиц, и официально он назывался I./schwere Artillerie-Abteilung (mot) 108. 72-й артиллерийский полк, появившийся позднее в составе Агко 108, летом 1941 года благополучно воевал под Каунасом. Мог участвовать в бою 733-й артиллерийский батальон, но отражать атаку танков с помощью 21-см мортир не станут даже писатели-фантасты. Попытки немецкой авиации остановить корпус Рябышева успеха не могли иметь по весьма прозаической причине — крайней слабости 4-го Воздушного флота, который действовал на южном крыле Восточного фронта, и большой протяженности его участка ответственности. Во всяком случае, офицеры 16-й моторизованной дивизии утверждали, что русские имели абсолютное господство в воздухе. 29 июня 1941 года начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер писал в своем слу-

жебном дневнике: «На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый (так Гальдер назвал 8-й мехкорпус) корпус глубоко вклинился в наше расположение и зашел в тыл 11-й танковой дивизии. Это вклинение противника, очевидно, вызвало беспорядок в нашем тылу в районе Бродов и Дубно». Даже в реальности 29 июня штаб Группы армий «Юг» получил паническое сообщение: «Дубно в руках русских!» — что же говорить про альтернативу. Попытка подошедший немецкой 111-й пехотной дивизии исправить положение вряд ли принесет успех, если ее будут отражать совместные силы танков и артиллерии, хотя генералу Рябышеву придется нелегко. 15-й мехкорпус генерала Карпезо, наступавший левее, также имел все основания рассчитывать на успех. Дело в том, что удар его 10-й танковой дивизии пришелся на позиции немецкой 297-й пехотной дивизии, сформированной только в 1940 году в составе восьмой волны, и это сражение стало ее боевым дебютом. В итоге к 29 июня на южном фланге танковой группы фон Клейста имела место катастрофа.

Контрудар наших войск начался 26 июня и вылился во встречное сражение. Первым по наступающему противнику нанес удар 9-й механизированный корпус, которым командовал К. Рокоссовский, из района севернее Ровно. В ходе тяжелого боя 26 и 27 июня немецкая 13-я танковая дивизия сумела удержаться, но соседняя 299-я пехотная дивизия (снова обратите внимание на номер) была разгромлена. Положение спасла только спешно переброшенная на помощь 25-я моторизованная дивизия. В результате части немецких III моторизованного и XXIX корпусов

окончательно перемешались, и управление войсками в значительной степени было нарушено.

19-й механизированный корпус под командованием генерала Фекленко, выполняя задачу, перешел в наступление в направлении Дубно. Сначала он имел некоторый успех, однако потом совместными усилиями всех дивизий III корпуса он был остановлен. Но это не сильно помогло фон Клейсту, потому что к 29 июня южный фас его клина просто потихоньку растаял под постоянными атаками советских мехкорпусов. Теперь командованию Группы армий «Юг» следовало думать уже не о наступлении на Киев, а о том, чтобы как-то избежать надвигающейся катастрофы. Огромное превосходство в силах позволяло советским командирам компенсировать лучшую выучку немецких войск. От них требовалось совсем немного — скрупулезно выполнять требования уставов по организации наступления, и не нужно было изобретать что-то свое. Вот оно, решающее **МНВ-4** — в Красной Армии нашлись сухие, хладнокровные, лишенные воображения исполнители, свято чтущие уставы.

Поэтому напрасно Иосиф Виссарионович жаловался на то, что у него нет гинденбургов, для срыва планов немецкого наступления они и не требовались.

НА БЕРЕГАХ ЛАДОГИ

Одним из решающих пунктов Восточного фронта осенью 1941 года стал оборонительный рубеж на подступах к Ленинграду. Гитлеровские войска рвались к городу, пытаясь захватить его, однако в распоряжении фельдмаршала фон Лееба не имелось почти ничего, кроме директивы Гитлера, войск для исполнения этой директивы фельдмаршал не имел. Хотя надо сказать откровенно: советское Верховное командование и лично товарищ Сталин сделали все от них зависящее, чтобы положение Ленинграда стало как можно более тяжелым, даже катастрофическим. Попробуем проанализировать ситуацию, сложившуюся вокруг города. Она представляется нам гораздо более сложной и запутанной, чем ее пытается обрисовать большинство историков.

Прежде всего следует напомнить о грубейшей военно-политической ошибке, допущенной советским руководством. Речь идет, разумеется, о неспровоцированном нападении на Финляндию 25 июня 1941 года. Советская и нынешняя официальная российская историография из кожи вон лезет, чтобы доказать, что злокозненная Финляндия во второй раз за два года предательски напала на миролюбивый

Советский Союз. Мы не будем разбираться в событиях 1939 года, бог с ней, с деревней Майнила, нас интересует только конец июня 1941 года. И вот здесь выясняется прелюбопытная деталь: никто из пламенных разоблачителей и обвинителей не в состоянии предъявить ни одного документа, свидетельствующего о том, что Финляндия готовила агрессию. Даже позиционирующий себя как строгого приверженца документалистики г-н Исаев вынужден ограничиться невнятным бормотанием про то, что «все знали». «Все знали», «и так видно», «всем давно известно», «говорят, что» — вот единственные аргументы обвинителей. Вытаскивают на свет какие-то карты с Финляндией «от моря до моря», но мало ли чего пубертатные подростки, измученные спермотоксикозом, намазюкают. Вот пакт Молотова—Риббентропа — это документ, и карта за подписями высоких договаривающихся сторон — это документ. А здесь увольте, вы можете показать хоть один документ за подписью Маннергейма, Рюти, Таннера? Если нет, так лучше помолчите.

Как реагировать на «доказательства» в виде знака хакаристи, который называют финской свастикой, я просто не знаю. Кстати, хакаристи и сегодня можно видеть на знамени финских ВВС, так что, это означает, что Финляндия — это фашистское государство?! Про приказ войскам Юго-Восточного фронта № 213, изданный в 1918 году, вообще постарайтесь забыть. Действительно, как смотреть на нарукавный знак бойца Красной Армии, на котором красуется желтая свастика?!

С особой энергией опровергается теория о «Войне-продолжении» и утверждение о том, что Финляндия воевала рядом с Германией, но не вместе с ней. А ведь на самом деле так оно и было. В отличие от антигитлеровской коалиции страны Оси представляли собой прекрасную иллюстрацию к известной басне про лебедя, рака и щуку. Их действия были совершенно несогласованными, союзников часто ставили перед свершившимся фактом. Примеры? Сколько угодно. Вспомним хотя бы нападение Италии на Грецию, которое в результате привело к тому, что Германия оказалась вынуждена спасать незадачливого союзника, а начало вторжения в Советский Союз было отсрочено из-за балканской авантюры. Кстати, тут нельзя не напомнить о миролюбивой политике Советского Союза, который в ходе борьбы против фашизма разорвал дипломатические отношения со всеми государствами, подвергшимися фашистской агрессии: 9 мая 1941 года — с Бельгией, Норвегией и Югославией, а 3 июня — с Грецией. Именно так нужно искать себе союзников.

Или вот нападение японцев на Пирл-Харбор, после которого Германия и Италия объявили войну США, а вот Япония даже не подумала ввязываться в войну против СССР. Такая вот у них была координация действий и усилий. Кстати, Муссолини несколько раз совершенно официально заявлял, что ведет свою собственную войну, а Германия тут как бы ни при чем.

Но вернемся к делам финляндским. Сначала наши историки вообще отрицали факт воздушного налета 25 июня, потом были вынуждены признать его, моментально придумав объяснение: мы пыта-

лись превентивно нейтрализовать немецкую авиацию на финских аэродромах. Однако здесь случилась промашка ужасная, немецкой авиации на финских аэродромах не было. Нет, если говорить строго, кое-какие самолеты обнаружили, целых 6 дальних разведчиков, а вот немецкие боевые самолеты прибыли в Финляндию только летом 1944 года, и то ненадолго. Поэтому разглагольствования о «спасении Ленинграда от финских налетов» тоже заглохли достаточно быстро. В результате пришлось признать, что Финляндия сама оказалась жертвой нападения, вынужденной начать военные действия против своей воли. Поэтому те же Соединенные Штаты так до самого конца войны Финляндии не объявили, президент Рузвельт ограничивался нравоучительными сентенциями и мудрыми советами. Англия, правда, войну Финляндии все-таки объявила, хотя фактически никаких враждебных действий не предпринимала.

Так или иначе, но финская армия, протянув резину до августа, перешла границу, достаточно быстро заняла утраченные территории и уперлась в линию Карельского УР, который был значительно прочнее хваленной линии Маннергейма. Правда, финны наступали и восточнее Ладожского озера, где вышли на рубеж реки Свирь и тоже остановились. В конце октября 1941 года активные боевые действия завершились всерьез и надолго. Финские войска заняли прочные естественные оборонительные рубежи и дальше двигаться не собирались, но вот о том, что залезать на советскую территорию все-таки не следовало, финское руководство как-то не задумалось.

Именно в этот момент и возникают предпосылки для еще одной альтернативы: а что если бы войскам Оси удалось замкнуть второе кольцо вокруг Ленинграда — вокруг Ладожского озера?

Самым распространенным вариантом данной альтернативы является вариант наступления финнов на юг от Свири, чтобы соединиться с немцами где-то на берегах Волхова. Однако попытаемся посмотреть на ситуацию «без гнева и пристрастия», пусть даже кое-какие моменты покажутся непривычными.

Прежде всего это касается именно действий финской армии. В качестве доказательства агрессивных намерений Финляндии нам, разумеется, продемонстрируют пресловутый приказ № 3 маршала Маннергейма, он же «вторая клятва на мече». Вот цитата из него, которую так любили советские историки: «В ходе освободительной войны 1918 года я сказал карелам Финляндии и Беломорской Карелии, что не вложу меч в ножны до тех пор, пока Финляндия и Восточная Карелия не станут свободными. Я поклялся в этом именем финской крестьянской армии, доверяя тем самым храбрости наших мужчин и жертвенности наших женщин». Дескать, маршал грезил о том, как финские войска выйдут на берега Белого моря. Знаете, о чем именно думал Маннергейм, точно знал только Маннергейм, давайте не будем за него домысливать. Прежде всего, кто такой маршал Карл-Густав Маннергейм осенью 1941 года? Всего лишь главнокомандующий вооруженными силами Финляндии. Не меньше, но и не больше. В нормальном демократическом государстве не генералы определяют политические цели войны, а правительство, хотя

именно генералам обычно приходится расплачиваться за глупость и амбиции политиков. Так что не следует преувеличивать значение этих трескучих фраз. Обычный торжественный приказ, подобные десятками издаются в любой армии «по поводу» и «в ознаменование». «Солдаты! Сорок веков истории смотрят на вас с этих пирамид!» «Скорее небо упадет на землю, и Дунай потечет вспять!» И что? Дунай по-прежнему впадает в Черное море, а вовсе не в Северное. Вот если бы в этом приказе недвусмысленно говорилось: «III корпусу генерала Сииласвуо выйти на побережье Белого моря», — тогда стоило бы о чем-то рассуждать. Но Сииласвуо такого приказа не получил, более того, Маннергейм посоветовал генералу наступать не слишком энергично, а потом отдал недвусмысленный приказ не взаимодействовать с войсками немецкого XXXVI корпуса. Точно так же VI корпус генерала Талвела, вышедший к реке Свирь, получил приказ не двигаться слишком далеко на юг. Финские войска на Карельском перешейке лишь обозначили намерение штурмовать укрепления Карельского УР, но тем дело и закончилось.

Не будем идеализировать маршала, он был холодным, расчетливым и дальновидным политиком и военачальником. Скорее всего, он трезво оценил скудные возможности финской армии, которая могла разбить себе лоб об укрепленные позиции или тихо и незаметно растаять в лесах Карелии. И если финны сегодня кричат о том, что Маннергейм спас Ленинград, отказавшись нанести удар с севера, это просто попытка выдать нужду за добродетель, ни к чему хорошему для финнов наступление на Карельском пере-

шейке привести не могло. Зато фактом остается другое. Чуть ли не три года на этом участке фронта вся активность финнов сводилась к стрельбе осветительными ракетами. Также имели место уже совершенно странные случаи, о которых рассказывают рядовые советские бойцы, не генералы, разумеется. Время от времени финны пускали из минометов неснаряженные мины с привязанными к ним банками тушенки. Такая вот странная война получалась. Поэтому, если мы намерены говорить о полной блокаде Ленинграда, нам придется обратить свое внимание на действия Группы армий «Север» фельдмаршала фон Лееба.

Вообще, обе операции в районе Тихвина — и оборонительная, и наступательная — известны незаслуженно мало, хотя в них как в капле воды отразились будущие события куда более крупного масштаба. Начнем с того, что положение Группы армий «Север» в середине сентября 1941 года было далеко не блестящим, настолько не блестящим, что его нельзя было исправить никакими альтернативами. Именно под Ленинградом отчетливо прорисовалась одна из причин, которая привела к краху фашистской агрессии, — явная нехватка сил. А. Исаев пишет, что «одним из серьезных стратегических просчетов немецкого командования в ходе Второй мировой войны было недостаточное внимание к созданию и накоплению резервов». Какое там! Не было у Германии этих самых резервов, в принципе не было — ни людских, ни технических. Так что и накапливать было совершенно нечего. Самый наглядный пример: немцы так и не сумели до самого конца войны возместить по-

тери автотранспорта, понесенные осенью — зимой 1941 года.

Итак, с одной стороны, уже 8 сентября немцам удалось полностью изолировать город, выйдя в берегу Ладожского озера, но с другой — кольцо окружения пока что выглядело довольно жидким, и попытка советской 54-й армии, пусть и окончившаяся неудачей, это подчеркнула. В результате хотя фон Лееб еще успел приказать своим войскам осуществить «широкое окружение Ленинграда», но почти сразу потерял свою главную ударную силу — 4-ю танковую армию. Еще до того как немцы сумели добиться ощутимых результатов, 15 сентября пришел приказ Гитлера отправить ее под Москву для участия в операции «Тайфун». Вот это была уже реальность, которую никакими альтернативами не исправить. У фон Лееба остался только XXXIX моторизованный корпус, плюс ему удалось явочным порядком задержать 8-ю танковую дивизию из состава XXXXI корпуса, потому что она пока находилась в резерве, восстанавливаясь после тяжелых потерь. В результате ни о каком «широком охвате» не могло быть и речи.

Несмотря на все усилия, немцам форсировать Неву не удалось, они завязли и на Пулковских высотах, поэтому единственным возможным способом организовать тесную блокаду Ленинграда, как они полагали, было занять южное побережье Ладоги и соединиться с финнами, вышедшими на реку Свирь. Но для этого фон Лееб мог выделить только I и XXXIX корпуса, чего было явно недостаточно. Фон Лееб выбрал простой вариант — нанести удар на север от Киришей XXXIX корпусом в направлении города Вол-

хова. Однако Гитлер потребовал более масштабного наступления — от Киришей на северо-восток в направлении Тихвина, чтобы там повернуть на северо-запад и окружить 54-ю армию. Мало того, одновременно от фон Лееба потребовали наступать еще и на юго-восток через Большую и Малую Вишеру. Вам это ничего не напоминает? Правильно, операция «Блау», только в миниатюре, наступление одновременно на Сталинград и Кавказ по расходящимся направлениям. Мы помним, к чему это привело. На севере произошло то же самое, только на год раньше, и единственное для немцев утешение — Тихвинская наступательная операция Красной Армии не привела к окружению и уничтожению немецких войск, хотя и без того разгром получился впечатляющий.

А теперь попытаемся выяснить, что могло произойти, если бы немцы действовали по плану фон Лееба. Сразу следует отметить, что даже в этом случае их задача была далеко не самой простой и результаты наступления могли оказаться совсем неоднозначными. Если бы немцы прорывались через Волхов на Новую Ладугу, прикрывая свой правый фланг рекой Волхов, мог получиться еще один совершенно нежелательный котел. Отрезать 54-ю армию можно было, а вот что с ней делать дальше? Ведь вполне могла получиться иллюстрация к анекдоту о пойманном медведе. Ораниенбаумский плацдарм, Невская Дубровка, а тут еще и Ладожский плацдарм. Эти котлы могли доставить немцам гораздо больше хлопот, чем советскому командованию. То есть оптимальным вариантом действий Группы армий «Север» представляется

такой: наступать по левому берегу Волхова до Новой Ладogi, но при этом постараться выдавить 54-ю армию из котла, на правом берегу реки она будет далеко не такой страшной. Ну и даже не пытаться думать о дальнейшем наступлении на север для соединения с финнами, ни к чему хорошему это привести не могло.

Зато положение Ленинграда в случае успешной реализации этого плана сразу становилось действительно катастрофическим. В этом случае Дорога жизни просто не могла появиться. Как мы помним, первыми стали перевозки по озеру из Новой Ладogi в Осиновец, а после ледостава исходными пунктами стали Лаврово и Кобона. Но теперь эти поселки находились в руках немцев. Что мог дать кусочек необорудованного побережья от Новой Ладogi до Свирицы? Ничего. Говорить о снабжении города по воздуху не стоит. Ленинград действительно оказался бы в железном кольце, и совсем необязательной была встреча немцев с корпусом генерала Талвела. Но реально ли такое развитие событий?

К началу наступления группа армий фон Лееба почти полностью лишилась танков, 8-я танковая дивизия имела 91 машину, 12-я танковая дивизия — всего 71 танк. Требовалось срочно усилить их, и выход был найден: формирувавшаяся во Франции 101-я танковая бригада была спешно отправлена на Восточный фронт под Ленинград. В ее состав входили 203-й и 204-й танковые полки. Предполагалось на базе бригады сформировать 23-ю танковую дивизию, но чрезвычайные обстоятельства на фронте под Ленинградом вынудили командование вермахта отказаться от

этого замысла. Немцы даже не успели заменить часть призывников старшего возраста, набранных в пехотные подразделения. На всякий случай бригаду объединили с 254-й пехотной дивизией, создав «боевую группу Блехшнитт» по имени командира дивизии. Ей и предстояло сыграть главную роль в намеченном наступлении.

Немецкое наступление началось 16 октября ударом из Киришей на север вдоль железной дороги в направлении Волхова. На первом этапе операции фон Лееб задействовал только 8-ю танковую, 20-ю моторизованную и 11-ю пехотную дивизии. Хотя командир XXXIX корпуса генерал-oberст Рудольф Шмидт хотел использовать все свои силы, фон Лееб приказал задержать 12-ю танковую и 18-ю моторизованную дивизии позади для обеспечения левого фланга наступающей группировки. Впрочем, имеется подозрение, что фельдмаршал просто не желал наступать слишком быстро по указанной выше причине, ему совершенно не требовался еще один котел, с ликвидацией которого придется возиться. По той же самой причине группа Блехшнитта была сосредоточена в районе Мги, вероятно, фон Лееб предназначал ей роль поршня, который вытолкнет советские войска через бутылочное горлышко между Волховом и Новой Ладогой. Но в результате события развернулись так, как не ожидал совершенно никто.

Дело в том, что 20 октября началось запланированное ранее наступление советских 55-й и 54-й армий навстречу друг другу с целью прорыва кольца. Попытка наступления генерала Лазарева в направлении Синявина захлебнулась, хотя он и сосредото-

чил там превосходящие силы (9 стрелковых дивизий и 4 танковые бригады) против 5 немецких дивизий. Камнем преткновения для армии стал подготовленный еще летом второй противотанковый ров, проходящий от поселка Ям-Ижоры, пересекающий Октябрьскую железную дорогу и за зданием завода «Ленспиртстрой» выходящий на Неву. Практически все события первого года войны в армии связаны со штурмом этого рва, взятого и укрепленного противником. Задача «наступить в направлении Ульяновка, Тосно и совместными действиями с 54-й армией, наступающей с востока, окружить и уничтожить мгинскую группировку немцев» не была выполнена. Не помогли даже 60 тяжелых танков КВ, которым обороняющиеся не сумели противопоставить ничего, кроме противотанковых орудий. Дело в том, что фон Лееб категорически запретил вводить в бой свой последний резерв — танковую бригаду, так как предполагал использовать ее на противоположном направлении. И действительно, когда 54-я армия нанесла удар по позициям немецкой 207-й пехотной дивизии силами трех стрелковых дивизий (128, 286, 294-я) при поддержке 21-й танковой дивизии, немцы не выдержали. Генерал-лейтенант Хозин действовал более умело, чем Лазарев, но его подставила разведка, не сумевшая вскрыть сосредоточение немецких резервов у Мги. Группа Блехшнитта нанесла мощный удар во фланг наступающим войскам как раз в тот момент, когда они уже были готовы праздновать успех. Завязался жестокий встречный бой, в котором на данном этапе войны немцы были гораздо сильнее благодаря развитой и налаженной системе связи между частями

и подразделениями. В условиях динамичной, быстро меняющейся обстановки это оказывалось важнее численного превосходства, если только оно не было уже совсем подавляющим.

В результате успех Хозина обернулся против него же — ударная группировка 54-й армии была разгромлена и покатила назад, преследуемая немецкими танками, которые вскоре ворвались в Приладожский. Оргвыводы последовали незамедлительно: 26 октября Хозина меняет генерал-майор Федюнинский. Южнее обстановка также складывалась в пользу немцев. После недолгого, хотя и упорного, боя войска генерала Шмидта прорвали оборону 4-й армии под Киришами и двинулись в направлении Пчева — Городище. Дело в том, что командующий армией генерал Яковлев не имел в своем распоряжении достаточно сил для обороны выделенного ему участка фронта и совершенно вынужденно расположил войска в один эшелон, резервами он не располагал вообще. Расположенная южнее 52-я армия ничем помочь ему не могла, так как была еще более малочисленной. В результате фронт в очередной раз оказался расколот на отдельные участки с большими разрывами между ними.

Генерал Федюнинский попытался было остановить продвижение немецких танков вдоль побережья Ладоги встречным ударом имевшихся у него танковых бригад. Но и второй встречный танковый бой завершился неудачей, хотя продвижение немцев было немного приторможено. Это позволило Федюнинскому отвести свои стрелковые дивизии к Войбокало, где он намеревался организовать жесткую оборону. Как ни странно, но подобные действия во многом

отвечали планам фон Лееба, который совершенно не желал получить новый котел. Поэтому он приказал корпусу Шмидта задержаться в Городище и организовать надежную оборону. Шмидт пришел в бешенство от непредвиденной задержки, но был вынужден исполнить прямо приказ командующего группой армий. Достаточно вялые попытки советской 4-й армии нанести удар с правого берега Волхова были отбиты без труда.

После небольшой паузы 1 ноября группа Блехшнидта нанесла лобовой удар по Войбокало, а XXXIX корпус возобновил наступление по левому берегу Волхова на Теребачево и Вындин-Остров с намерением в конце концов выйти к городу Волхов. Советское командование, осознав размеры опасности, начало перебрасывать на Волховский фронт подкрепления — 2 стрелковые и танковую дивизии. Сначала предполагалось направить их в Тихвин, но когда выяснилось, что немцы в этом направлении не наступают, эшелоны, не разгружая, направили дальше — в Алексино. Оттуда свежие войска были направлены в Волхов.

Тем временем ожесточенные бои за Войбокало завершились, потрепанные дивизии 54-й армии не выдержали и откатились к Волхову и Новой Ладоге. Но эти бои дорого обошлись и противнику, группа Блехшнидта потеряла свой ударный потенциал и дальше катилась только по инерции. Но в результате командование на этом участке фронта перешло к генералу Яковлеву, ему же были переданы и свежие дивизии. На подступах к Волхову бои вспыхнули с новой силой, теперь уже фон Лееб был вынужден за-

действовать все, что только имел. XXXIX корпус ввел в бой 12-ю танковую и 18-ю моторизованную дивизию. В результате немцам удалось оттеснить войска 4-й армии на правый берег Волхова, но они отошли в относительном порядке. Преследовать их немцы не собирались, да и просто не могли. Корпус генерала Шмидта тоже окончательно выдохся.

Уже чисто по инерции войска фон Лееба попытались продолжить наступление на Новую Ладугу. При этом 12-я танковая дивизия двигалась по левому берегу Волхова, а ей навстречу вдоль берега Ладоги наступала 223-я пехотная дивизия. Однако генерал Федюнинский успел сосредоточить в этом районе сохранившие наибольшую боеспособность 3-ю и 4-ю гвардейские дивизии, сюда же была направлена из резервов фронта 44-я стрелковая дивизия, первоначально предназначавшаяся для 52-й армии. Наступление немцев захлебнулось на подступах к Новой Ладогe, причем определенную роль в этом сыграли корабли Ладожской флотилии, которые прямой наводкой расстреливали движущиеся вдоль берега немецкие войска. Попытки командующего немецкой 18-й армией генерал-оберста фон Кюхлера добиться поддержки Люфтваффе, чтобы устранить эту неожиданную угрозу, ничего не дали. Он получил довольно резкий ответ, что самолеты сейчас нужны под Москвой для поддержки операции «Тайфун» и что он должен справляться своими силами. Справиться своими силами не удалось, и войска Кюхлера взять Новую Ладугу не сумели, остановившись примерно в 10 километрах от города. План фон Лееба — полностью занять левый берег Волхова — не был выполнен, в руках Красной

Армии остался еще один пяточок, начинавшийся у Старой Ладogi. Он был побольше Невской Дубровки, но поменьше Ораниенбаумского.

Однако у советского командования тоже не было поводов для радости. Хотя немцы и были остановлены, Ладожская флотилия потеряла свою временную базу, так как Новая Ладога теперь находилась под обстрелом не только тяжелой, но и полевой артиллерии немцев. В результате корабли флотилии были вынуждены уйти в Осиновец и, что самое главное, была потеряна всякая возможность доставки снабжения в окруженный Ленинград по Ладоге. Практически невозможна оказалась погрузка на корабли в Новой Ладоге, более того, сгоряча был даже отдан приказ подготовить к уничтожению сооружения базы Новой Ладogi и корабли, но позднее его отменили. Рассматривавшийся ранее вариант доставки по льду Шлиссельбургской губы также исчез, поскольку весь восточный берег губы теперь находился в руках немцев. Хотя немецкие и финские войска так и не соединились на берегу Ладogi, Ленинград все равно оказался в тесной изоляции. Немцы начали спешно укреплять позиции на левом берегу Волхова, чтобы не допустить прорыва кольца окружения.

После этого фельдмаршал фон Лееб имел не слишком приятную беседу с фюрером, который требовал завершения начатого дела, но ему удалось убедить Гитлера, что положение окруженного города все равно стало совершенно безнадежным. Теперь фон Лееб мог приступить к исполнению полученного ранее приказа.

Gefechtsbefehl des Oberkommando des Heeres an
Heeresgruppe Nord, 28.09.1941

(Bundersarchiv/Militrarchiv, RM 7/1014)

Betrifft: Abschließung der Stadt Leningrad

An: Heeresgruppe Nord

Auf Grund der Weisung der Obersten Führung wird
befohlen:

1.) Die Stadt Leningrad ist durch einen möglichst nahe
an die Stadt heranzuschiebenden und dadurch Kräfte
sparenden Ring einzuschließen. Eine Kapitulation ist nicht
zu fordern.

2.) Um zu erreichen, daß die Stadt als Zentrum des
letzten roten Widerstandes an der Ostsee möglichst bald
ausgeschaltet wird, ohne daß größere eigene Blutopfer
gebracht werden, ist die Stadt infanteristisch nicht anzugreifen.
Sie ist vielmehr durch Niederkämpfen der Luftabwehr und
der feindlichen Jäger, durch Zerstörung der Wasserwerke,
Lagerhäuser, Licht- und Kraftquellen ihrer Lebens- und
Verteidigungsfähigkeit zu berauben. Die militärischen
Anlagen und Verteidigungskräfte des Gegners sind durch
Feuer und Beschuß niederzukämpfen. Jedes Ausweichen der
Zivilbevölkerung gegen die Einschließungstruppen ist — wenn
nötig unter Waffeneinsatz — zu verhindern.

3.) Durch Verbindungsstab Nord wird bei Finnischem
Oberkommando gefordert werden, dass die in der Karelisten
Landenge vorgehenden finnischen Kräfte die Einschließung
Leningrads von Norden und Nordosten her im Anschluß
an die über die Newa vorgehenden deutschen Kräfte
übernehmen und dass die Einschließung selbst nach obigen
Gesichtspunkten erfolgt.

Umgehende Verbindungsaufnahme zwischen Heeresgruppe Nord und Verbindungsstab Nord wegen Regelung der Einzelheiten wird von OKH zeitgerecht befohlen.

*I. A.
gez. Halder*

Приказ Верховного командования сухопутных войск (ОКН) Группе армий «Север», 28.09.1941

Предмет: Изоляция города Ленинграда
Кому: Группе армий «Север»

На основании директивы Верховного командования приказано:

1). Город Ленинград должен быть изолирован кольцом, стянутым как можно более тесно, для экономии сил. Капитуляцию не следует требовать.

2). Чтобы добиться как можно более скорой ликвидации города как последнего центра сопротивления Красных на Балтике, без того, чтобы понести излишние кровавые потери, не следует атаковать город силами пехоты. Его следует лишить жизненных средств и обороноспособности путем ликвидации вражеской ПВО и истребительной авиации, уничтожения системы водоснабжения, складов, электро- и теплостанций. Военные объекты противника и его обороноспособность должны быть подавлены артиллерийскими обстрелами и бомбардировками. Любые попытки гражданского населения приблизиться к нашим войскам следует пресекать, если потребуются — силой оружия.

3). Группа связи «Норд» должна потребовать от финского верховного командования наступления финских войск на Карельском перешейке, чтобы обеспечить

окружение города с севера и северо-востока во взаимодействии с немецкими войсками, которые нанесут удар через Неву. Окружение города должно проводиться согласно перечисленным выше пунктам.

В надлежащее время ОКН отдаст приказ о немедленном установлении контакта между Группой армий «Север» и группой связи «Норд» для урегулирования всех деталей.

Отдел I. А.

Подписано: Гальдер

То, что этот приказ не удастся реализовать по причине явного нежелания финнов играть более активную роль в операциях против Ленинграда, немецкое командование не смущало.

*Kriegstagebuch des Heeresgruppe Nord, 27.10.1941
(Bundesarchiv/Militärarchiv, RH 19III/168)*

2.) Die Frage Leningrad und besonders der dortigen Zivilbevölkerung beschäftigt O. B. [FM von Leeb] in starken Maße. Ob. d.H. [von Brauchitsch] hat vorgeschlagen, vorwärts der eigenen Linien Minenfelder anzulegen, um der Truppe den unmittelbaren Kampf gegen die Zivilbevölkerung zu ersparen... Auch dann wird ein großer Teil der Bevölkerung zu Grunde gehen, aber doch wenigstens nicht unmittelbar vor unseren Augen.

Военный дневник Группы армий «Север», 27.10.1941

2). Вопрос Ленинграда и особенно его гражданского населения особенно занимает главнокомандующего <фон Лееба>. Главнокомандующий сухопутны-

ми войсками <фон Браухич> предложил установить минные поля перед нашими линиями, чтобы освободить войска от непосредственной борьбы с гражданским населением... Даже если большая часть гражданского населения погибнет, это по крайней мере произойдет не непосредственно у нас на глазах.

И немецкое командование не слишком сильно ошибалось в своих расчетах. Положение с продовольствием в окруженном городе ухудшалось стремительно. Запасы сырья были весьма ограничены, продовольствие и топливо на исходе, и с 20 ноября суточный паек хлеба составлял 125–250 граммов. Это означало медленную голодную смерть.

Кстати, воздушные налеты на Ленинград были довольно слабыми. Вам привести пример сильного воздушного налета, предпринятого Люфтваффе? Вспомните Ковентри, ничего подобного в Ленинграде не происходило. Можно привести и другой пример: воздушный налет на Сталинград в ночь с 23 на 24 августа, который по числу участвующих самолетов и весу сброшенных бомб был самой массивной операцией Люфтваффе после 22 июня 1941 года. В нем приняли участие все авиакорпуса (I, IV и VIII) 4-го воздушного флота Рихтгофена вместе с эскадрильями транспортных Ju-52 и дальними бомбардировщиками с аэродромов в Керчи и Орле. Многие из пилотов сделали по три вылета, и более половины сброшенных бомб были зажигательными. Результат — огненный шторм и более 40 тысяч погибших. Ленинград такая участь миновала.

Учитывая отчаянное положение Ленинграда, советское командование начало готовить наступательную операцию с целью прорыва блокады Ленинграда. Предполагалось силами 4-й и 52-й армий нанести удар от Глажево и Киришей через Вороново в направлении Мги и Шлиссельбурга, чтобы прорвать кольцо блокады. Несколько немецких дивизий в этом случае оказались бы прижаты к берегу Ладоги и окружены. Однако на пути наступающих войск должны были встать несколько препятствий, причем первым и самым очевидным из них стала река Волхов в сочетании с ноябрьской погодой. Как выяснилось, немцы не только не собирались форсировать реку, но, наоборот, начали поспешно укрепляться на левом берегу. Поэтому пробная атака 52-й армии чуть севернее Новгорода была ими отбита без всякого труда.

Вообще вопреки уверенности советского командования, что вермахт вот-вот ринется на штурм «колыбели революции», дивизии фон Лееба поспешно окапывались и закреплялись и на внутреннем кольце, и на внешнем фронте. Это облегчало подготовку наступления, но советское командование допустило одну грубейшую ошибку. Все участвовавшие в операции армии действовали самостоятельно, хотя решали единую задачу. 54-я армия входила в состав Ленинградского фронта, а 4-я и 52-я вообще являлись самостоятельными с прямым подчинением Ставке. К тому же 52, 4, 54-я армии и Новгородская армейская группа начинали наступать не одновременно, а в зависимости от конкретно сложившейся обстановки на том или другом направлении. Создавалась

ситуация, сильно напоминающая басню про лебедя, рака и щуку.

Главный удар наносила 4-я армия от Киришей вдоль железной дороги на Мгу. Именно ей из резерва Ставки были выделены самые большие подкрепления, тогда как противостоявшие ей дивизии немецкой 18-й армии были потрепаны в предыдущих боях и в значительной степени обескровлены. Поэтому, когда 25 ноября 4-я армия начала наступление, сначала она добилась легкого успеха. Дело в том, что часть подразделений немецкой 291-й пехотной дивизии в запале наступления переправились через Волхов и заняли Кириши, образовав небольшой плацдарм на правом берегу реки. Хотя фон Лееб попенял генералу Херцугу за такое своеволие, но очистить плацдарм не приказал. И сейчас дивизия за это заплатила.

Новый командующий 4-й армией генерал Мерецков нанес мощный удар силами трех пехотных дивизий и танковой бригады. После недолгого сопротивления немцы были отброшены за реку, и советские войска на плечах отступающего противника пересекли мост. Теперь уже Красная Армия получила небольшой плацдарм на левом берегу Волхова. Фон Лееб, понимая всю опасность этого, приказал плацдарм ликвидировать любой ценой. Для этого в район прорыва была отправлена многострадальная 12-я танковая дивизия, которая сейчас по численности не превышала батальона. Однако силы немцев были слишком малы, фон Лееб не сумел ликвидировать ни одного из плацдармов — Невская Дубровка, Новая Ладога и Кириши так и остались в руках Красной Армии. Однако развить успех Мерецков не сумел.

И в этот момент в районе Волхова начала наступление 54-я армия генерала Федюнинского. У немцев просто не хватало сил, чтобы выдержать натиск по всей протяженности этого участка фронта — от Новой Ладogi до Волхова. 254-я дивизия не выдержала натиска и начала отход, пусть даже этот отход производился в идеальном порядке, тем не менее это все-таки было отступление. Фон Лееб бросил в район новой опасности свои последние резервы — 11-ю пехотную и 18-ю моторизованную дивизии. С колоссальным трудом, но немцам удалось зацепиться за станцию Войбокало, левый фланг 18-й армии теперь выходил к поселку Кобона на берегу Ладожского озера.

Вполне резонным будет вопрос: а почему в декабре 1941 года немецкие войска начали терпеть поражения по всему Восточному фронту? Ответ будет очень простым. Немцы элементарно не рассчитали свои силы, после провала графика «Барбароссы» требовалось срочно пересматривать всю стратегию. Однако и командование вермахта, и Гитлер, ослепленные формальными успехами в виде огромной занятой территории и миллионов пленных, не могли остановиться и продолжали гнать войска вперед, не замечая, что вермахт просто потихоньку растворяется на территории Советского Союза. В результате немцы просто надорвались, и в декабре последовал ряд болезненных поражений: на юге под Ростовом, под Москвой, в районе Ленинграда. Другое дело, что советским генералам не хватало квалификации, а войскам выучки, чтобы эти локальные неудачи превратились в катастрофы.

Существовала ли опасность того, что немцы сумеют замкнуть второе кольцо вокруг Ленинграда, выйдя

на соединение с финскими войсками на восточном берегу Ладоги? Теоретически — да, практически — нет. У Группы армий «Север» элементарно не хватало сил, чтобы создать прочный фронт по реке Волхов, что уж тут говорить о продвижении еще дальше. То же самое можно сказать и о наступлении финнов на юг, которое лишь увеличило бы их собственные проблемы.

Однако положение Ленинграда это с виду совершенно незначительное продвижение немецких войск на восток ухудшало очень сильно. Во-первых, в ноябре и декабре Дорога жизни просто не могла быть создана. В лучшем случае она могла появиться только в январе, причем в значительно более сложных условиях. Вместо Кобоны ее восточный конец оказался бы гораздо севернее, в Черном или Сумской, возникли дополнительные сложности с доставкой грузов. Если же вспомнить, что наиболее страшным периодом блокады было как раз начало зимы 1941/42 года, то становится понятным, что при данном варианте развития событий потери гражданского населения города были бы значительно выше. Хотя они и так оказались чудовищно велики. Но и эта альтернатива не могла предрешить судьбу Ленинграда.

«FESTUNG MOSKAU»

Совсем недавно в Екатеринбурге проходил ежегодный фестиваль фантастики «Аэлита-2010», лауреатом которого стал один из зачинателей жанра альтернативной истории в России питерский писатель Андрей Лазарчук. В то время, когда историки еще только рассуждали на тему: а допустимы ли в принципе какие-то альтернативные построения, содрогаясь от мысли о возможных победах Гитлера (сильны были кандалы Главпура и 5-го управления КГБ СССР), писатели-фантасты уже вовсю строили эфемерные дворцы разнообразных альтернатив. Но было в этих альтернативах что-то, что всегда заставляло рассматривать их как некую игру ума, а не как **реальную альтернативу**, как бы парадоксально ни звучало подобное определение. Вот и сейчас мы с Андреем заспорили на извечную тему: а могла ли Германия победить СССР? Он утверждал, что летом 1942 года это было более чем реально. Когда я попросил изложить логическую цепочку, которая привела к подобному выводу, он бодро начал: «Весной 1942 года немецкие войска повернули из Москвы на юг...» Стоп! Вот тут все и закончилось, не успев начаться. Это общая беда всех альтернатив — одно фантастическое допущение

объясняют с помощью другого, еще более фантастического. То есть победа Гитлера в 1942 году началась с того, что еще в 1941 году он занял Москву. Приехали.

Словом, он меня не сумел убедить, потому что я принадлежу к тем, кто уверен, что Россию/СССР/Россию невозможно победить военными средствами. Поражение этой страны может быть лишь результатом внутреннего политического краха, как в XIII веке, когда русские князья наперебой приглашали татарские орды, чтобы устранить брата-конкурента, и пример этому подал Александр Батыгович Невский, с помощью темника Неврюя превративший в пепелище половину Руси, только чтобы отобрать княжеский венец у родного брата Андрея. Дело в том, что Россия представляет собой идеальный пример одного из постулатов диалектики: переход количества в новое качество. Ее колоссальная территория лишает завоевателя возможности победить как на западный манер (заняв столицу), так и на восточный (прирезав очередного деспота). Занять столицу (не обязательно Москву) сложно, однако вполне возможно, но что делать с остальной территорией страны?! Ну, а гоняться за очередным лидером нации по одной шестой земного шара и вовсе бессмысленно, жизнь потратишь, но не догонишь. В Москву враги приходили, хотя лучше бы они этого не делали, мы ведь помним, чем это кончилось хотя бы для Бонапарта, не говоря уже о том, что к этому времени Россия превратилась в нечто невообразимое. Помните выражение «русский медведь»? Так вот, это «легендарное чудище, крылатое такое, с двумя головами. Оно налетает и похищает

прекрасных юношей, а рыцари их потом освобождают. Говорят, когда-то оно во множестве водилось. Потом пропало», по крайней мере, так утверждает другой фантаст — Александр Бушков. И если отрубить медведю московскую голову, это ничего не решает, еще торчит голова питерская. Подошедшие к Москве осенью 1941 года гитлеровские генералы этого не понимали, они надеялись, что после взятия Москвы все закончится. И действительно, оно там бы и закончилось, правда, не так, как это видели фон Бок, Гудериан и иже с ними.

Причем достижение политической победы осложняло еще одно обстоятельство. Немцы получали какие-то шансы на успех лишь в одном случае — если бы они объявили, что целью Восточного похода является только уничтожение большевизма. Собственно, многие немецкие генералы и предлагали это Гитлеру, однако фюрер не был бы фюрером, если бы не потребовал немедленно приступить к реализации своей расовой политики на просторах Остланда. Ну и, разумеется, сразу появились разнообразные территориальные претензии. После этого говорить о политической победе на Востоке было просто смешно. Несколько утрируя, можно сказать, что Бабий Яр поставил крест на завоевательных планах Гитлера. Народы СССР убедились, что ничего хорошего немецкая армия не несет, и осенью 1941 года война начала постепенно превращаться в Отечественную. Теперь гитлеровцев встречали уже не хлебом-солью, а только пулями.

Но ведь и столицу СССР еще требовалось взять, с этим у немцев тоже не получилось решительно ниче-

го. Снова сказались бескрайние русские просторы, и к стенам Москвы вермахт не дошел, а дополз на последнем издыхании. Для войны с Россией требовалась гораздо более крупная армия, что до немецкого командования дошло только к лету 1942 года, когда все было уже кончено бесповоротно. Ведь в 1941 году Германия даже не начала перестраивать свою промышленность на военный лад, а формирование новых дивизий шло в рамках реорганизации уже существующих, когда вокруг высвобождающихся избыточных полков строилась новая структура. Давайте сделаем минимальное допущение: немцы оказались **чуть** более предусмотрительными, чем на самом деле, и сделали кое-какие шаги в правильном направлении. Однако предполагать, что — сим-салабим! — из ниоткуда в декабре 1941 года под стенами Москвы возникла 6-я танковая армия СС, мы все-таки не будем. Несерьезно это, господа, ей-ей, несерьезно.

Итак, попробуем последовать совету А. Лазарчука и посмотрим, что у нас получится после взятия Москвы немцами. Исходная точка 30 сентября 1941 года, начало операции «Тайфун», 2-я танковая группа генерала Гудериана переходит в наступление на московском направлении. Гудериан сразу добился больших успехов, взял Орел, но под Мценском продвижение немецких танков затормозилось. Вообще после блестящего рывка на юг в России главному панцергенералу сильно не везло, как ни странно, генералы Гёппнер, Гот и Клейст добились более заметных успехов.

Однако немецкие войска продолжали наступление, 6 октября были захвачены Брянск и Карачев, в результате чего Брянский фронт оказался в окружении, в котел попали силы 3, 13 и 15-й советских армий: 27 дивизий, 2 танковые бригады, 19 артиллерийских полков РГК и управления 50, 3 и 13-й армий Брянского фронта. Но на этом неприятности Красной Армии не завершились.

Группа армий «Центр» добилась заметных успехов и на других участках фронта. 4 октября были захвачены Спас-Деменск и Киров, 5 октября — Юхнов, немецкие танки вышли в район Вязьмы. Для флангового контрудара по наступающей группировке была создана фронтовая группа генерала Болдина, однако в результате танкового боя в районе южнее Холм-Жирковского советские войска потерпели поражение. И уже на следующий день, 7 октября, образовался новый крупный котел в районе Вязьмы, в который попали войска Западного и Резервного фронтов. Это были 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК и управления 19, 20, 24 и 32-й армий (управление 16-й армии, передав войска 19-й армии, успело выйти из окружения).

Потери советских войск были колоссальными — только в плен попало около 700 тысяч человек. Однако странным образом все эти успехи никак не приближали немцев к их конечной цели — захвату Москвы. Более того, к концу октября появились первые признаки того, что немецкие войска выдыхаются. Начала сказываться недоукомплектованность дивизий, в особенности танковых. Во всяком случае, немцы еще сумели выдвинуть Красную Армию с Можайской

оборонительной линии, однако при этом глубокие прорывы обескровленным танковым соединениям уже не удавались. Вдобавок в самый неподходящий момент вспыхнули споры в немецком Верховном командовании, причем сразу образовались целых три фракции, так сказать, лебедь, рак и щука. Первую скрипку в этих склоках играло командование Люфтваффе.

Командование Группы армий «Центр» обвинило летчиков в том, что они в недостаточной степени поддерживают наступательные операции сухопутных войск. Командующий 2-м Воздушным флотом генерал Кессельринг, который уже держал в кармане приказ о назначении командующим Южным театром, вообще настаивал на немедленной переброске главной ударной силы флота — II авиакорпуса — на Средиземное море, полностью потеряв интерес к наступлению на Москву. В результате Геринг получил серьезный нагоняй от Гитлера и приказал Кессельрингу «показать, на что способны доблестные германские летчики». Кессельринг, в свою очередь, приказал спешно подготовить и провести операцию «Доннершлаг» — серию массированных налетов на Москву, постаравшись при этом не заметить заявок того же Гудериана на поддержку наступления на Тулу. Правда, вмешалась погода, которая вынудила отложить начало операции.

Оно совпало с новым рывком вермахта: 13 октября пала Калуга, 16 октября — Боровск, 18 октября — Можайск и Малоярославец. И все-таки немцы были остановлены на рубеже рек Протва и Нара. 16 октября началось генеральное наступление вермахта на

волоколамском направлении, где отличилась 316-я стрелковая дивизия генерал-майора Панфилова. Как раз в этот день и состоялся первый налет немецкой авиации на Москву.

Кессельринг выделил для этого самолеты KG 100, KG 2, KG 3, KG 53, и также только что сформированную KG 4 из состава 1-го Воздушного флота, временно переданную ему Герингом. И хотя налету недоставало мощи лондонского блица, тем не менее центральные районы города серьезно пострадали.

Этот налет и распространяющиеся слухи о якобы стремительном продвижении немецких войск вызвали в Москве настоящую панику. Говорили, что немецкие танки уже ворвались в Москву с севера и ведут бои в районе Речного вокзала. Еще 15 октября Государственный Комитет Оборона СССР принял решение об эвакуации Москвы. На следующий день началась эвакуация из Москвы (в Куйбышев, Саратов и другие города) управлений Генштаба, военных академий, наркоматов и других учреждений, а также иностранных посольств. Осуществлялось минирование заводов, электростанций, мостов. Это еще больше усугубило воцарившийся хаос. Толпы людей в панике покидали город, не обращая внимания на заградительные заставы. По шоссе Энтузиастов на восток так просто валили валом. Начались грабежи и мародерство.

Военное командование, столкнувшись с совершенно неожиданным вариантом развития событий, окончательно растерялось. Началось судорожное обучение оставшихся жителей ведению уличных боев. Просто представьте на минутку: вот вам, граждане,

граната, вот бутылки с зажигательной смесью, вот винтовка, а вот патроны. Ваш дом угловой. Обороняйте его, товарищи жильцы, стойко. Да следите, чтобы сигнальщики вражеские по ночам фонариками не светили, а то всех бомбами закидают. Сигнальщиков пускайте в расход сразу. А слухи, что, мол, товарищи из числа членов партии и правительства пятки смазывают, пресекайте немедленно. Хотя как раз правительство к этому времени уже покинуло Москву.

Степень паники и растерянности лучше всего характеризует предложение Берия, который вдруг выдвинул идею посыпать мостовые толченым тротилом, а когда появятся немецкие танки, взорвать его.

К сожалению, никто не знал, что в этот момент и немецкая армия находилась, что называется, «на последнем издыхании». К Москве она не подошла, а просто подползла из последних сил. Хотя 3-я танковая группа генерала Гота и сумела взять Калинин, она уперлась в спешно сформированный Калининский фронт генерала Конева, и дальнейшее продвижение ее застопорилось.

В этот момент Красная Армия получила неожиданную передышку — 18 октября пошли проливные дожди. В журнале боевых действий штаба Группы армий «Центр» 19 октября было записано: «В ночь с 18 на 19 октября на всем участке фронта группы армий прошли дожди. Состояние дорог настолько ухудшилось, что наступил тяжелый кризис в снабжении войск продовольствием, боеприпасами и особенно горючим. Состояние дорог, условия погоды и местности в значительной мере задержали ход боевых опера-

ций. Главную заботу всех соединений составляет подвоз материально-технических средств и продовольствия».

Оказалось, эту передышку лучше использовали немцы, и благодарить за это они должны были генерала Йодля. Еще в конце лета 1941 года он настоятельно потребовал начать формирование новых дивизий, как он тогда объяснил: «Для ведения боевых действий на новых театрах». В результате во Франции началось формирование 22-й и 23-й танковых дивизий на основе выведенных с фронта 204-го и 201-го танкового полков соответственно. Кроме того, он добился переформирования 141, 143 и 147-й резервных дивизий в настоящие пехотные дивизии. К осени 1941 года эти пять недоформированных дивизий и составляли все «стратегические резервы» вермахта. Понимая, что битва под Москвой складывается далеко не так, как хотелось бы германскому командованию, Йодль добивается их отправки на Восточный фронт, куда они прибывают как раз в момент этого вынужденного затишья.

Кстати, во время этой передышки немцы затеяли совсем неуместную организационную перестройку, танковые группы были переименованы в танковые армии, а генерала Гота сменил генерал Рейнхардт. Зачем это было сделано, вряд ли кто сумеет объяснить.

22-я танковая и 141-я пехотная дивизии были переданы 3-й танковой армии генерала Рейнхардта, который немедленно направил их в район Клина, где его войска были остановлены на самых подступах к Москве. Остальные дивизии получил Гудериан, который в этот момент уже завяз в кровопролитных и безрезультатных боях в районе Тулы. Эти жалкие

подкрепления позволили командующему Группой армий «Центр» фельдмаршалу фон Боку отменить уже отданный приказ о приостановке наступления к северу от Москвы.

Но не все немецкие генералы смотрели в будущее оптимистически. Генерал Кессельринг открыто заявил: «Налеты на Москву вызвали у меня большую тревогу. Сбитые экипажи приходилось списывать, эффективность русских зениток и прожекторов производит впечатление даже на летчиков, участвовавших в налетах на Англию. Настало время, когда русские истребители стали появляться все в больших количествах, к счастью, пока только в дневное время. Результаты не полностью оправдали мои ожидания, однако с учетом размеров цели следует признать, что наши силы были недостаточно велики». Результат не замедлил себя ждать. 25 октября Кессельринг сдает командование 2-м Воздушным флотом командиру II авиакорпуса генералу Лёрцеру и отправляется на Средиземноморский театр, но без своих самолетов. Поговаривали, что он еще легко отделался, так как вполне мог попасть под трибунал за пораженческие настроения.

4 ноября наконец ударил мороз, период распутицы закончился, и увязавший в грязи транспорт перестал быть сдерживающим фактором для войск обеих сторон. Германское командование подтянуло резервы и произвело перегруппировку. Для возобновления наступления на Москву вермахт развернул 56 дивизий, в том числе 15 танковых и 7 моторизованных. По замыслу немецкого командования Группа армий «Центр» должна была разбить фланговые части обо-

роны советских войск и окружить Москву. Вести бои в самом городе не планировалось.

Наступление немецких войск на Москву возобновилось с северо-запада 15 ноября, с юго-запада 18 ноября. На севере 3-я и 4-я танковые группы наступали в направлении Клин — Дмитров. В конце ноября немцы сумели захватить Клин, Солнечногорск, Истру и выйти к каналу Москва — Волга, они заняли Красную Поляну всего в 27 км от Москвы. У советского командования еще оставалась надежда остановить противника на рубеже канала, но именно в этот момент Гот ввел в бой свежие дивизии. Они одним ударом форсировали канал в районе Дмитрова, и наспех сформированная 1-я Ударная армия не сумела их остановить. 50-я и 44-я стрелковые бригады были смяты и рассеяны, и немецкие танки устремились к Загорску, где Гот намеревался повернуть на юго-восток к Ногинску, чтобы замкнуть кольцо окружения.

Хотя советское командование намеревалось взорвать водоспуски Истринского, Ивановского водохранилищ и водохранилищ канала имени Москвы, чтобы сбросить воду в канал, после чего форсировать его было бы невозможно, но сделать это не удалось. Немцы получили информацию об этих планах из источника, до сих пор остающегося неизвестным, и выбросили на плотины диверсионные группы из состава полка «Бранденбург».

На юге наступление Гудериана развивалось менее успешно. Его войска сумели прорвать фронт 50-й армии, однако на этом успехи самого знаменитого панцер-генерала и завершились. В советском фрон-

те образовалась брешь между 50-й и 3-й армиями, но это привело лишь к несоразмерному растягиванию фронта 2-й танковой группы. Главной проблемой Гудериана оставалась Тула, взять которую он никак не мог. Все атаки XXIV моторизованного корпуса были отбиты, а ведь Гудериана уже поторапливали, так как он должен был наступать на Каширу — Раменское — Ногинск, чтобы встретиться с Готом. Поэтому у него просто не оставалось иного выхода, кроме как бросить все силы вперед, не слишком заботясь о флангах. Он страшно рисковал, так как над его правым флангом нависала только что сформированная 10-я армия генерала Голикова.

В этот момент Гудериан вспомнил о своем успешном опыте взаимодействия с авиацией, который принес ему успех во Франции. Он лично отправился в штаб VIII авиакорпуса, чтобы договориться с генералом Рихтгофеном об авиационном ударе по позициям Красной Армии в Туле. Дело в том, что с помощью населения вокруг города были созданы три оборонительных рубежа, прорвать которые немцы пока так и не сумели. Одновременно ему пришлось договариваться с командующим 4-й армией фельдмаршалом Клюге, чтобы тот выделил войска для штурма Тулы, так как собственные силы Гудериана должны были двигаться на север, чтобы сохранить хоть какую-то надежду на успех операции.

Совещание проходило очень нервно, Рихтгофен доказывал, что оставшихся у него самолетов совершенно недостаточно для сокрушительного удара, подобного тому, что был нанесен под Седаном. II авиакорпус поддерживал наступление к северу от Москвы,

и у Рихтгофена осталась только одна пикировочная эскадра StG 2 «Иммельман». Попытка найти еще хоть какие-то самолеты привела лишь к новой перепалке, в которую были вовлечены фельдмаршал фон Бок и генерал Гот, который заявил, что не позволит забрать ни одного самолета со своего участка фронта.

В результате «орлам» Рихтгофена пришлось обходиться своими силами. Пикировщики 18 ноября совершили по 6 вылетов и сумели-таки взломать оборону города на западном фланге, куда и нанесли удар моторизованный полк «Гросс Дойчланд» и 131-я пехотная дивизия. Немецкая 3-я танковая дивизия имитировала атаку с востока и отвлекла на себя часть сил обороняющихся, внося свой вклад в успех штурма. Тулу удалось захватить, и нарыв на левом фланге танковой группы Гудериана был вскрыт. Однако немцы дорого заплатили за это, потому что 732-й зенитно-артиллерийский полк нанес такие потери вражеской авиации, что StG 2 в дальнейших боях участия не принимала. Во многом это и определило исход битвы за Москву.

Но пока что ход сражения складывался не в пользу Красной Армии, советское командование поставило задачу: «Остановить теперь противника на подступах к нашей столице, не пустить его, перемолоть в боях гитлеровские дивизии и корпуса... Московский узел является сейчас решающим... Пройдет еще немного времени, и наступление врага на Москву должно будет захлебнуться. Нужно во что бы то ни стало выдерживать напряжение этих дней». Однако ценой огромных потерь немцы продолжали продвигаться вперед.

Гудериан ввел в бой полученные свежие дивизии и к 25 ноября сумел захватить Каширу. Одновременно немецкий XX корпус нанес удар в направлении Апрелевки, фон Бок направил туда 339-ю пехотную дивизию из резерва группы армий, а XXXIII корпус после захвата Тулы повернул на север в общем направлении на Серпухов, и южный фланг Московского оборонительного рубежа начал рушиться.

Советское командование усилило опасные участки фронта резервами и пополнениями. Ставка ВГК приказала, кроме переданных Западному фронту из резерва Ставки 1-й Ударной, новых 10-й и 20-й армий, включить в состав Московской зоны обороны 24-ю и 60-ю армии. Однако остановить набравшие ход немецкие танки не удалось, 23-я и 17-я танковые дивизии сумели захватить Раменское и форсировать Москву-реку.

После этого Западный фронт фактически рассыпался. При этом 16-я и 5-я армии просто оставили позиции и начали стремительный отход на запад, несмотря на грозные приказы Ставки. 43-я армия также отошла на запад, она даже проскочила в тылу у наступавших танковых дивизий Гудериана, не попытавшись нанести им удар в спину. 50-я и 33-я армии растаяли, словно кусок сахара в стакане кипятка. 49-я армия, державшая оборону севернее Тулы, оказалась в мешке в районе Серпухова. Ей удалось оттянуть на себя части немецкого XIII корпуса, который не смог принять участие в общем наступлении.

После развала Западного фронта судьба Москвы была решена, и 7 декабря практически одновременно в нее вошли с севера 11-я танковая дивизия из 4-й

танковой группы генерала Гёппнера, а с юга — 29-я моторизованная дивизия из 2-й танковой группы Гудериана. Немцы очень опасались того, что советские войска втянут их в затяжные уличные бои и Москва превратится в некий «красный Верден», но этого не произошло. Сталин и Ставка покинули город еще накануне, войска прошли через город не задерживаясь, и все свелось к нескольким хаотичным перестрелкам с милицией и отставшими бойцами.

Немцы ликовали, им казалось, что долгожданная цель великого Восточного похода достигнута, победа в их руках. Берлинское радио торжественно оповестило весь мир, что отныне флаг со свастики развевается на Спасской башне Кремля, а фельдмаршал фон Бок принимает парад немецких войск на Красной площади, но именно этот самый парад вызвал у фон Бока самые нехорошие предчувствия. Дело в том, что дивизии, принимавшие в нем участие, находились в самом наиплачевном состоянии. Та самая 11-я танковая сейчас превратилась в пехотный полк неполного состава, так как не имела танков вообще. Генерал Гёппнер доложил командующему Группой армий «Центр», что имеет в своем распоряжении не более 90 танков, то есть его танковая группа превратилась в обычный танковый полк. Группы Рейнхардта и Гудериана выглядели немного лучше, но лишь потому, что получили недавно свежие дивизии и общая численность танков в них не превышала 20 процентов штатной. Хуже того, совершенно катастрофическим было положение с горючим. Именно из-за нехватки топлива сорвался план окружения советских армий в районе Москвы. Когда дивизии Рейнхардта и Гу-

дериана кое-как доползли до Ногинска, выяснилось, что образовавшийся котел к этому времени был совершенно пуст. Более того, следовавшая в арьергарде советской 16-й армии 1-я гвардейская танковая бригада в коротком бою разгромила и фактически полностью уничтожила 204-й танковый полк последней из боеспособных дивизий Рейнхардта — 22-й танковой. Причина была простой — оставшиеся без топлива немецкие танки были вынуждены действовать как стационарные огневые точки и стали легкой добычей советских танкистов. Учитывая все это, фон Бок сумел убедить Гитлера не прилетать в Москву на торжественный парад, заявив, что город еще не очищен от диверсантов и он, фон Бок, не может гарантировать безопасность фюрера. В общем, победа была одержана, теперь следовало разобраться, что же делать с этой самой победой.

А сейчас посмотрим, какая ситуация сложилась на московском участке Восточного фронта к середине декабря 1941 года. Положение немецкой армии было на самом деле гораздо более опасным, чем могло показаться на первый взгляд. Если перед началом операции «Тайфун» немцы имели сплошную линию фронта, то теперь она была лишь обозначена, войска располагались отдельными группировками, причем связь между ними была почти символической. В наиболее опасном положении находились LVI и XLVI моторизованные корпуса, которые оказались в районе Ногинска и Орехова-Зуева, так как между ними и остальными силами Группы армий «Центр» имелся разрыв около 50 километров. 3-я танковая

армия Рейнхардта пыталась организовать оборону на фронте от Калинина до восточных окраин Москвы, так как фон Бок, не дожидаясь приказов из Берлина, своей властью распорядился прекратить все наступательные операции и перейти к обороне. 4-я танковая армия и 4-я армия дислоцировались в треугольнике Москва — Серпухов — Волоколамск, причем командиры корпусов практически утратили контроль над своими дивизиями. Наиболее опасным было положение Гудериана. Его XXIV танковый корпус все еще торчал в районе Тулы, XLVII стоял в Москве, XXXV держал связь со 2-й армией генерала Вейхса, а самый слабый, XXXIV корпус, состоявший всего из двух дивизий, был растянут на фронте около 200 километров от Орехова-Зуева на юг до Сталиногорска. Это было самым слабым местом немецкого фронта.

Положение Красной Армии к этому моменту было ничуть не лучше. Катастрофа Западного фронта открыла зияющую брешь, сквозь которую немцы могли двинуться дальше, если бы только были в состоянии хотя бы просто пошевелиться. Эту брешь прикрывали такие же разрозненные группировки войск, и требовалось время, чтобы организовать сплошную линию фронта. Однако советское командование не собиралось делать этого, а предпочло сразу перейти в контрнаступление, благо к этому времени были подтянуты свежие резервы. Эта идея принадлежала маршалу Шапошникову, который резонно ссылался на опыт Гражданской войны, а также на успешные действия вермахта. В условиях маневренной войны этим можно было пренебречь, пока не образуется кольцо окружения вокруг вражеской группировки.

Правда, оставалась проблема: кто именно будет командовать наступлением? Разумеется, после катастрофы (размеры которой, между прочим, оказались меньше, чем представлялось сначала) были приняты меры. Сдачу Москвы простить было нельзя, поэтому никто не удивился аресту и расстрелу бывшего командующего генерала Жукова. Под раздачу попали командовавшие армиями генералы Власов, Говоров, Ефремов, как последыши Тухачевского, участники военно-фашистского заговора и наймиты гестапо. Однако логику сталинских решений не мог постичь никто и никогда, поэтому командующий 16-й армией генерал Рокоссовский не только не был наказан, хотя его армия отступала бок о бок с 5-й армией генерала Говорова, но даже был назначен командующим Московским фронтом, образованным вместо Западного. Перед ним была поставлена предельно ясная и конкретная задача — в кратчайший срок вернуть Москву. Рокоссовский сомневался в реальности этой задачи, но при этом понимал совершенно отчетливо: цена успеха или неуспеха — это его голова.

Но в то же самое время Рокоссовский видел, что предпосылки для успеха имеются, он решил попытаться нанести серию ударов, чтобы окончательно расчленил рыхлые боевые порядки Группы армий «Центр» и уничтожить по частям окруженные группировки. Первой жертвой были намечены вырвавшиеся вперед LVI и XLVI моторизованные корпуса. Между прочим, фон Бок предложил было ОКХ отвести их немного назад, к окраинам Москвы, однако Гитлер и Кейтель дружно запретили делать это, ведь на крайнем южном фланге Восточного фронта

немецкие войска уже потерпели первое поражение под Ростовом и были вынуждены оставить город, отступив на рубеж реки Миус. После этого какие-либо разговоры об отступлении стали просто невозможны, более того, Кейтель приказал выдвинуть вперед XLVII корпус, чтобы готовить наступление на Куйбышев. Это был полный бред, но фон Бок выполнил приказ.

Линия фронта на южном фесе Московского выступа проходила от Орехова-Зуева на Коломну и далее к Серебряным Прудам, Епифани, Ефремову. Как мы уже упоминали, там находились всего 2 пехотные дивизии немцев. Лучше всего было поручить операцию Юго-Западному фронту генерала Тимошенко, однако Рокоссовский убедил Ставку в том, что руководство первым этапом операции лучше сосредоточить в одних руках и лишь позднее, когда речь пойдет непосредственно об освобождении Москвы, в котором будет участвовать Калининский фронт, следует привлечь генерала Конева. Более того, Рокоссовский добился того, что ему передали из состава Брянского фронта 61-ю армию в составе 5 стрелковых и одной кавалерийской дивизий, а также танковую бригаду. Впрочем, это не освобождало генерала Черевиченко от обязанности нанести вспомогательный удар, чтобы не дать возможности немецкому XXXV корпусу прийти на помощь.

Наступление началось 12 декабря, причем немцы к этому времени не успели не то что укрепить свои позиции, но хотя бы просто обозначить их. Растянувшиеся более чем на 50 километров завесы 45-й пехотной дивизии были прорваны в первые же часы наступления. 61-я армия наносила удар от Егорьевска на

Раменское с тем, чтобы там повернуть на север и в районе Ногинска соединиться с 30-й армией. Предстоящее наступление получило название «операция «Минин».

Этот удар застал немцев врасплох, после падения Москвы они совершенно не могли представить, что противник немедленно нанесет ответный удар. Из допросов пленных немецких офицеров выяснилось, что все буквально со дня на день ожидали капитуляции Сталина и были уверены в успешном окончании очередной войны. А этих пленных оказалось более чем достаточно, так как панцер-генералы окончательно потеряли осторожность. Как позднее выяснилось, командир XXXIV корпуса генерал Метц пропал без вести, он отправился на фронт, пытаясь выяснить, что же происходит, и более его никто не видел. По всей вероятности, машина генерала просто подорвалась на mine.

Немцы не слишком верили в серьезность угрозы, но все-таки отреагировали на нее достаточно быстро, командир XLVIII корпуса генерал Кемпф приказал своей 9-й танковой дивизии нанести встречный удар прорвавшимся русским частям и уничтожить их. Но к этому времени от дивизии фактически остались 2 танковые роты с **очень** ограниченным запасом топлива, поэтому исход боя с 2 стрелковыми дивизиями и танковой бригадой предсказать было несложно. Дивизия прекратила существование, а сам Кемпф, также отправившийся в район боя, попал в плен. Он стал первым немецким генералом, попавшим в плен к советским солдатам.

Не менее успешным оказался и северный удар. В распоряжение командующего 20-й армией генерала Короля (он заменил расстрелянного Власова) были переданы свежие части — 3 стрелковые дивизии и 2 бригады. Умело организовав артиллерийскую подготовку наступления, он нанес удар от Загорска на Ногинск и также сразу прорвал немецкую оборону, хотя здесь ему противостояли 23-я пехотная и 6-я танковая дивизии. Однако танков в дивизии генерала Рауса осталось ровно 6 штук, поэтому их можно было не принимать в расчет. Не выдержав удара, немцы начали отступать, из-за нехватки топлива уцелевшие танки и автомобили были взорваны.

В результате этих двух ударов уже 15 января войска 20-й и 61-й армий встретились в Ногинске, а в образовавшемся котле оказались остатки 10 немецких дивизий, причем если армия Рейнхардта еще сохранила свой XLI корпус, то все до единой танковые дивизии Гудериана попали в ловушку. Более того, там очутился и сам командующий 2-й танковой армией, который привычно руководил действиями своих солдат прямо из боевых порядков. И теперь многое зависело от того, сумеет ли Красная Армия быстро ликвидировать образовавшийся котел и развить первоначальный успех.

По приказу Ставки лобовой удар по немецким позициям вокруг Орехова-Зуева нанесла 5-я армия, командование которой принял генерал Пронин. Неподготовленность позиций, нехватка топлива и боеприпасов, а также жесткий приказ Сталина, который можно было сформулировать двумя словами «Любой ценой!», привели к тому, что уже через 3 дня

котел был ликвидирован. Правда, Гудериан еще сумел организовать прорыв части сил на Ногинск — Люберцы, поставив во главе колонны сводную танковую роту. На большее просто не удалось найти топлива. Но спастись удалось не более чем пяти или шести тысячам человек. В котле были фактически уничтожены 3, 4, 7, 17, 18, 23-я танковые дивизии, 10, 14 и 29-я моторизованные, 129-я пехотная. Погибли командиры LVI моторизованного корпуса генерал Шаль и XXIV танкового генерал Гейр фон Швеппенбург, в плен попал командир XLVII танкового корпуса генерал Лемельсен. Сам Гудериан, руководивший короткой и безуспешной обороной Орехова-Зуева, отказался бросить своих солдат и, когда русские приблизились к дому, где находился его штаб, застрелился. В его предсмертной записке говорилось: «Наше наступление провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьезное поражение, которое из-за упрямства Верховного командования повело в ближайшие недели к роковым последствиям. В немецком наступлении наступил кризис, силы и моральный дух немецкой армии надломлены». Слова Гудериана оказались пророческими.

Уже 13 декабря, когда обрисовались первые успехи Красной Армии, фельдмаршал фон Бок спешно вылетел в Берлин, чтобы убедить Гитлера в необходимости срочного отвода войск от Москвы. Результат оказался вполне предсказуемым. Фюрер устроил ему страшный разнос и прямо тут же отстранил от командования. Запланированное награждение «победителя Москвы» бриллиантами к Рыцарскому кресту так и

не состоялось. Новым командующим был назначен фельдмаршал Клюге, который получил приказ любой ценой удержать в руках немцев Москву. Фельдмаршал был достаточно умен, чтобы понимать нереальность поставленной задачи, но спорить не посмел.

Самую большую опасность для немцев представлял огромный разрыв в линии фронта южнее Москвы, образовавшийся после гибели 2-й танковой армии. Единственный уцелевший XXXV корпус продолжал отходить на юг, постепенно загибая левый фланг, так как генерал Кемпф не хотел терять связь со 2-й армией генерала Вейхса, видя в этом единственный шанс на спасение своих солдат. Но в результате брешь продолжала расширяться.

В общем-то, ничуть не лучше было положение и самой Москвы, которую занимал только IX корпус генерала Гейера. Клюге должен был как-то укрепить позиции в ключевом пункте, не допустить образования разрыва между 3-й танковой армией в районе Калинина и 4-й армией у Москвы, но главное — любой ценой закрыть брешь. Это он приказал сделать 4-й танковой армии Гёппнера, тыловые службы получили распоряжение любой ценой обеспечить ее топливом. Но это было проще сказать, чем сделать, к тому же мы не должны забывать о плачевном состоянии дивизий Гёппнера.

И все-таки генерал-оберсту удалось сформировать боевую группу «Штумме» (Kampfgruppe Stumme), поставив во главе ее командира XL моторизованного корпуса. Фактически это был не более чем усиленный танковый полк, максимум сводная бригада, которой предстояло остановить две советские армии.

Дело в том, что Рокоссовский, не желая терять темп наступления, бросил в прорыв 49-ю и 10-ю армии, которые начали продвигаться на запад, не встречая сопротивления.

Положение немцев ухудшалось буквально с каждым часом. 19 декабря перешли в наступления войска Калининского фронта, 30-я и 31-я армии атаковали немцев в районе Дмитрова, успешно форсировали канал им. Москвы и начали продвижение в направлении Солнечногорска. Потрепанные дивизии 3-й танковой армии не сумели их остановить и начали откатываться на запад. 23-я пехотная дивизия, находившаяся в полосе наступления, просто исчезла. Увы, в дальнейшем ее судьбу разделили слишком многие немецкие дивизии.

К 20 декабря положение на фронте окончательно запуталось. Начались бои на восточных подступах к Москве, так как после ликвидации Орехово-Зуевского котла советские 5, 16, 20 и 61-я армии возобновили наступление. Конечно, они также понесли ощутимые потери, во многих дивизиях насчитывалось не более 3000 человек, но состояние немецкой 4-й армии, которую теперь возглавил генерал Герман Гейер, не оставивший командования своим IX корпусом, было заметно хуже. Многие ее дивизии теперь насчитывали по 3–4 сводных батальона, укомплектованных артиллеристами, шоферами, тыловыми обозниками. И все-таки Гейер начал энергичную подготовку к обороне, дома на окраинах города превращались в опорные пункты, рылись траншеи, хотя зимой это было очень нелегко. Гейер приказал VII корпусу своей армии также войти в город, тогда как XX корпус дол-

жен был обеспечить безопасность тылов на линии Волоколамск — Наро-Фоминск. Там же находились остатки танковой армии Гёппнера, который и принял командование войсками.

Наступление Калининского фронта вынудило немецкий V корпус против его воли также отойти к Москве. Таким образом, гарнизон города формально состоял теперь из 3 армейских корпусов (12 пехотных дивизий) и разрозненных танковых рот и взводов 3-й и 4-й танковых армий. Но общая численность гарнизона не превышала 30 тысяч человек, а обеспеченность боеприпасами, продовольствием и топливом была совершенно неудовлетворительной. И все-таки немцы не собирались сдаваться без боя. В этом их укрепляли обещания Клюге прислать подкрепления, но надо заметить, что сам фельдмаршал при этом предусмотрительно перенес свою ставку в Гжатск, который пока находился в глубоком тылу.

А сейчас мы посмотрим, что получилось из единственной попытки немцев активно противодействовать советскому плану — контрудара группы «Штумме». 21 декабря она столкнулась с 342-й и 346-й стрелковыми дивизиями в районе Алексина. Первый натиск батальоны Штумме отбили, несмотря на численное превосходство русских. Противотанковые орудия немцев сумели уничтожить около двух десятков танков, казалось бы, этому следовало радоваться. Но ведь задачей Штумме было не отражение русского наступления, а восстановление линии фронта в районе Каширы — Венева, поэтому после некоторых колебаний он приказал возобновить движение на восток. Это стало роковой ошибкой, хотя Георг Штумме пре-

красно понимал грозящие ему опасности. В результате группа, не пройдя и 10 километров, натолкнулась на импровизированную оборонительную позицию и при попытке штурмовать ее оказалась в мешке, так как теперь ей противостояли уже 4 стрелковые дивизии. А когда мобильная группа полковника Бахарова, сформированная на основе его 150-й танковой бригады, вышла в тыл немцам, все тут же и закончилось.

Однако, как выяснилось, неприятности Группы армий «Центр» только начинались. 23 декабря замкнулось кольцо окружения вокруг Москвы, но советское командование, прекрасно осознавая слишком малую мобильность окруженных корпусов, не стало останавливаться на этом, а продолжило развивать наступление на запад, не дав немцам времени закрепиться на планируемом рубеже. К наступлению подключился Северо-Западный фронт, которые нанес два удара по расходящимся направлениям. В нормальной обстановке это было бы рискованно, но когда немецкая армия разваливалась буквально на глазах, это было не просто правильно, но даже необходимо. В результате полетели клочья от немецкой 9-й армии, которая до сих пор сохраняла относительную боеспособность, потому что последнее время не участвовала в активных операциях. В районе города Демянск образовался еще один котел, в который попали 6 немецких дивизий, а южнее совместно с войсками Калининского фронта были уничтожены остатки 3-й танковой армии. После этого можно было с уверенностью сказать, что Восточного фронта как такового больше не существовало. Немецкая армия сохранила некое подобие порядка лишь на двух его участках: в

Прибалтике и Центральной России на северном участке фронта Группы армий «Юг». В результате нервы командующего Группой армий «Север» фельдмаршала фон Лееба не выдержали, и он приказал начать общий отход, так как его южное крыло теперь не имело никакой опоры, а советские армии выходили в тыл группы армий.

Попытка Гёппнера остановить русское наступление также провалилась с треском. Если в районе Ржева и Волоколамска советские войска удалось кое-как остановить, то на юге, пусть совершенно случайно, 49-я и 10-я армии Московского фронта вместо штурма Наро-Фоминска нанесли удар южнее на Медынь и Юхнов, обойдя слишком короткий оборонительный рубеж, и снова оказались в тылу у немцев. Вдобавок в этот момент Рокоссовский предпринял нестандартный ход — выбросил в тылу Гёппнера крупный парашютный десант — 4-й воздушно-десантный корпус. Причем опять же по случайному стечению обстоятельств районом высадки был назначен Гжатск, где находился штаб Группы армий «Центр». Фельдмаршал Клюге успел спастись, но управление войсками было окончательно нарушено. Уничтожение импровизированной группы Гёппнера не затянулось, и советские армии рванулись дальше, хотя к этому времени они тоже полностью исчерпали свой наступательный потенциал. Поэтому примерно к 7 января 1942 года наступление завершилось само собой с выходом Красной Армии на линию Великие Луки — Издешково — Сухиничи — Мценск. Немецкая Группа армий «Центр» перестала существовать.

Ах да, мы забыли об окруженных в Москве 3 немецких корпусах генерала Гейера. Вопрос об отходе из Москвы даже не возникал, хотя фронтовые офицеры понимали, что надежд на спасение практически не осталось. Впрочем, в Берлине смотрели на ситуацию иначе. Гитлер высокопарно заявил, что германский флаг будет вечно развеваться над бывшей еврейско-большевистской столицей, объявил Москву городом-крепостью — *Festung Moskau*, присвоил Гейеру звание генерал-оберст, но это никак не могло помочь осажденным удержать город. Сначала Сталин потребовал было освободить столицу к Новому году, но первые попытки штурма с востока немцы сумели отразить, хотя при этом израсходовали остатки боеприпасов. Обрадованный Гитлер прислал поздравительную радиogramму:

«Мой генерал-оберст Гейер! Уже теперь весь немецкий народ в глубоком волнении смотрит на этот город. Как всегда в мировой истории, и эта жертва будет не напрасной. Заповедь Клаузевица будет выполнена. Только сейчас германская нация начинает осознавать всю тяжесть этой борьбы и принесет тяжчайшие жертвы.

Мысленно всегда с вами и вашими солдатами.

Ваш Адольф Гитлер».

Но на этом помощь осажденным завершилась. Люфтваффе попытались было наладить снабжение гарнизона по воздуху, но плохая погода свела эти попытки почти к нулю. Поэтому оставались нерешенными только два вопроса: как долго продержатся

немцы и какие разрушения при этом получит город? Гейер еще мог попытаться уничтожить исторический центр Москвы, во многом обесценив любые успехи русских. Собственно, Гитлер и приказал ему сделать это, в штаб 4-й армии пришла радиограмма с требованием приступить к планомерному подрыву зданий Кремля.

Однако эту проблему Сталин разрешил быстро, жестко и эффективно. На город были сброшены листовки, в которых говорилось, что, если пострадают Кремль и другие важные объекты, пленным брать не будут. Но если город будет сдан в сохранности, всем пленным гарантировался нормальный уход и медицинская помощь. Немцы ни на секунду не усомнились в том, что Сталин выполнит свои обещания, поэтому особого желания сражаться до последнего патрона ни у кого не возникло. И все-таки Гейер отверг предложение советского командования о капитуляции, но в то же время на совещании командиров устно приказал командирам V корпуса генералу Руоффу и VII корпуса генералу Фармбахеру только обозначать сопротивление и при малейшем усилении натиска русских сразу капитулировать. Поэтому, когда 6 января 20-я и 43-я армии начали второй штурм Москвы, он развивался неожиданно успешно. Вместо тяжелых боев имели место лишь вялые перестрелки, и уже 9 января в здании НКВД на Лубянке генерал-oberст Гейер со своим штабом сдался командиру 352-й стрелковой дивизии полковнику Прокофьеву. Битва за Москву завершилась, впереди был неизбежный полный разгром Германии.

Какие же выводы можно сделать на основе всех этих событий? Они лишь подтвердили то, что было известно заранее — материальные ресурсы любой европейской армии недостаточны для военной победы над Россией. Вермахту следовало бы иметь вдвое больше дивизий, танков и самолетов, прежде чем вторгнуться на территорию СССР. Хорошо известна фраза Гитлера: «Если бы я только знал, сколько у них танков, я бы еще подумал, начинать ли войну». Но это уже второй аспект проблемы: абсолютно неадекватная оценка мобилизационных возможностей СССР. И опять-таки винить в этом немцы должны лишь самих себя. Вообще, оценивая в исторической перспективе все попытки вражеского вторжения в Россию, можно с твердой уверенностью сказать, что российские расстояния являются важнейшим стратегическим фактором в таких войнах, и этот фактор не сумел правильно оценить никто из врагов. Любая победа **любого** агрессора к востоку от линии Днепр — Двина совершенно объективно становилась шагом в пропасть, а занятие Москвы является смертным приговором захватчику, исходя из этого и следует рассматривать исторические альтернативы.

ПЯТЬ МИНУТ ИЗ ЖИЗНИ ЛИНКОРА «ТИРПИЦ»

Лето 1942 года можно назвать черным для антигитлеровской коалиции. Ее войска терпели поражения на всех фронтах. Красная Армия после разгрома под Харьковом покатилаь назад и докатилась аж до самого Сталинграда. В Африке корпус генерала Роммеля добрался до Египта. На Тихом океане после осечки при Мидуэе японцы устроили союзникам образцово-показательный разгром у острова Саво. В Атлантике немецкие подводные лодки десятками топили транспорты, идущие в Англию. В общем, все казалось висющим на волоске. Но это именно что казалось, при спокойном и трезвом анализе картина начинала выглядеть несколько иначе. Объяснение было простым: страны Оси откусили такой кусок, который не сумели проглотить. На всех театрах их победоносные войска испытывали серьезнейшие проблемы со снабжением. Это относится к армии Паулюса, это относится к корпусу Роммеля, это относится к японским дивизиям. Кстати, чувствуете по размерам задействованных соединений относительную важность этих театров?

Однако морские конвои с различными грузами шли не только в Англию, существовал еще один маршрут — арктический. По нему моряки союзников доставляли в Мурманск и Архангельск танки и самолеты, порох и взрывчатку, алюминий и легированную сталь, тушенку и яичный порошок. Да-да, в годы войны и последнее являлось важнейшим стратегическим ресурсом. Немцы старались этому помешать, хотя и не слишком активно, Гитлер рассчитывал уничтожить Советский Союз прямым ударом, поэтому поставкам оружия и сырья не придавал особого значения. Но немецкие авиация и флот регулярно наносили удары по конвоям, топили транспорты и военные корабли.

Главную угрозу конвоям представляла сосредоточенная в портах Северной Норвегии корабельная группировка немецкого флота, и ее основная сила — линейные корабли «Тирпиц» и «Шарнхорст», прежде всего, разумеется, «Тирпиц». Это был новейший корабль, вошедший в строй уже после начала войны, крупный и сильно вооруженный. Не следует делать из него ужасное пугало и награждать эпитетом «суперлинкор», как это часто происходит, но противник это был действительно очень опасный. В свое время англичанам стоило огромного труда и потерь потопить однотипный «Бисмарк», поэтому сейчас они не желали рисковать и выделяли каждому конвою такое прикрытие, которое могло бы справиться с немецкой эскадрой.

Кстати, здесь обязательно нужно заметить, что в советской истории устоялся пренебрежительный тон в отношении полярных конвоев. Усилиями адмиралов-пропагандистов они превращены в какую-то арифме-

тическую задачу. «Из пункта А в пункт Б следует... скорость... расстояние... Спрашивается: когда конвой прибудет в пункт Б?» Ну, или в пункт М, то есть Мурманск. Да еще при этом они причитали, что, дескать, союзники слишком редко посылают конвои. На самом же деле для британского флота проводка каждого из полярных конвоев превращалась в крупную стратегическую операцию, в которой участвовало больше кораблей, чем имел в то время весь советский ВМФ, вместе взятый! Наши адмиралы просто ни разу в жизни не проводили операций подобного масштаба, и потому их суждения являются не более чем разглагольствованиями политически ангажированных дилетантов. Мы уже не говорим о протяженности маршрута и погодных условиях Северного Ледовитого океана.

Каждый из конвоев имел соединение непосредственного сопровождения, группу ближнего прикрытия и соединение дальнего прикрытия. Первое формировалось из эсминцев и эскортных кораблей (фрегатов, корветов, траулеров). Второе — это крейсерская эскадра. Ну а третье — главные силы британского Флота Метрополии, обычно два линкора, авианосец, крейсера и эсминцы сопровождения.

Возьмем, к примеру, конвой PQ-17, вышедший из Исландии в Советский Союз в июне 1942 года. Он состоял из 35 транспортов, которые сопровождали 6 эсминцев, 3 корвета, 3 тральщика, 4 военных траулера, 2 подводные лодки. Ближнее прикрытие: 4 тяжелых крейсера и 3 эсминца под командованием адмирала Гамилтъона. Дальнее прикрытие: 2 линкора, авианосец, тяжелый крейсер, легкий крейсер, 14 эсминцев,

им командовал адмирал Тови, командующий Флотом Метрополии. Отдельные соединения прикрывали конвой на начальном этапе похода, должны были встретить на подходе к советским портам, группа снабжения обеспечивала дозаправку кораблей эскорта в пути. С целью дезориентации немцев в море вышел ложный конвой, англичане провели специальную операцию ES. Повторю, в сумме это чуть больше, чем весь состав советского ВМФ на тот день.

Рассказывать о печальной судьбе этого конвоя мы не будем, она прекрасно известна. Напомним лишь, что немецкая эскадра во главе с «Тирпицем» вышла в море на перехват RQ-17. Она состояла из линкора «Тирпиц» под флагом адмирала Шнивинда, карманного линкора «Адмирал Шеер» под флагом адмирала Кумметца, тяжелого крейсера «Адмирал Хиппер», 5 эсминцев и 2 миноносцев, то есть значительно уступала силам прикрытия. После этого в результате ошибок, допущенных британскими командирами разных уровней, конвой был расформирован, и транспортам пришлось самостоятельно добираться до советских портов. Немецкие подводные лодки и самолеты потопили 22 судна.

Кстати, когда адмирал Тови узнал, что RQ-17, как и предыдущий конвой, будет состоять из 35 судов, он предложил Первому Морскому Лорду разделить конвой на 2 части. При этом Тови подчеркнул, что по-прежнему считает большие конвои нежелательными. Во время телефонного разговора с Паундом по этому вопросу Тови впервые узнал, что Паунд предполагает распустить конвой, если тот в Баренцевом море будет атакован германской эскадрой, в составе которой

окажется «Тирпиц». То есть роковое решение было подготовлено вообще еще до отправки конвоя.

Ключевым для советской историографии является рассказ о событиях 5 июля. Советская подводная лодка К-21 капитана 3 ранга Н. Лунина обнаружила конвой и атаковала его. Лодка выпустила 4 торпеды в «Тирпиц», после чего спешно погрузилась. Советские моряки слышали два взрыва, но никто не видел результатов атаки. Позднее Лунин радировал на базу о встрече с противником и об атаке. При этом он не утверждал прямо, что попал в фашистский линкор, а лишь высказал предположение. Дело довершили штабисты, которые не только повредили сам «Тирпиц», но и потопили эсминец, который, дескать, принял на себя одну из торпед.

И вот после этого уже более полувека кипят споры относительно того, попал Лунин в «Тирпиц» или не попал? Для советских пропагандистов (а они никуда не исчезли) даже сам факт сомнений уже является преступлением, подлежащим наказанию «по законам военного времени», хотя никаких аргументов в свою пользу, кроме «я так считаю», они привести не в состоянии. И опять-таки мы не будем вдаваться в подробности спора. Мы ограничимся коротким отрезком времени: 17.36–18.01.

Вкратце события выглядели так: К-21 идет прямо навстречу «Тирпицу». В 17.45 лодка поворачивает, чтобы видеть бортовую проекцию линкора. В 17.50 немецкая эскадра выполняет поворот, и К-21 снова оказывается на встречном курсе с «Тирпицем», при этом она проскакивает сквозь завесу охранения. В 17.54 лодка поворачивает от нового курса линкора, чтобы снова

получить возможность стрелять в борт. Но в результате стрелять можно только из 4 кормовых торпедных аппаратов, тогда как в носу лодок типа «К» стоят 6 аппаратов. В 18.01 лодка дает залп, и далее, как говорилось выше.

А вот сейчас давайте рассмотрим альтернативный вариант действий К-21 с учетом имевшего место прецедента.

25 ноября 1941 года немецкая подводная лодка U-331 лейтенанта фон Тизенгаузена встретила на Средиземном море эскадру британских линкоров. Лодка прорвала завесу охранения и с дистанции 4 кабельтова выпустила 4 торпеды из носовых аппаратов в линкор «Барэм». 3 торпеды попали в цель, довольно быстро линкор перевернулся и затонул, погибло более 850 британских моряков. При этом заметим, что Тизенгаузен **все время шел навстречу британским линкорам.**

Итак, предположим, что в 17.54 Лунин не отворачивает в сторону, а следует прежним курсом или вообще стопорит машины. За 7 минут, прошедших до торпедного залпа, расстояние между лодкой и линкором увеличилось на 4 кабельтова (с учетом скорости К-21 в 3,5 узла), что внесло свой вклад в сомнительный результат атаки. Вот мы и предположим, что в 18.01 К-21 стреляет по «Тирпицу» с дистанции 10 кабельтовых из 6 носовых торпедных аппаратов. В этом случае шансы на попадание сразу увеличиваются в несколько раз, и лодка попадает в «Тирпиц», причем сразу несколькими торпедами...

Что произойдет дальше?

Произойдет и много и мало. Прежде всего, даже попадание всех 6 торпед не отправит на дно новейший линкор такого водоизмещение, как «Тирпиц», но повреждения могут оказаться довольно серьезными в зависимости от точного количества попаданий и их места. Напомним, что «Бисмарк» погубила одна-единственная торпеда, попавшая в самое уязвимое место огромного корабля — прямо в рули. Линкор потерял управление и был добит подоспевшими британскими кораблями.

Предположим, что «Тирпиц» получил 4 торпедных попадания. Учтем еще такой нюанс: торпеды в носовых аппаратах имели установку глубины, рассчитанную на попадание под броневой пояс. Торпеды из кормовых аппаратов если и попали куда-то, то лишь в толстую крупновскую броню, и никакого вреда кораблю причинить не могли в принципе. Первая торпеда попала в носовую часть в районе XXI отсека и разворотила топливные цистерны, нефть хлынула в море. Второе попадание пришлось под боевую рубку в XV отсек, третье — в VIII отсек в районе машинного отделения, четвертое и последнее — в III отсек чуть позади башни «Дора». В общем, залп получился достаточно удачным, попадания распределились по всей длине корабля (в одну точку торпеды не попадают), причинив обширные повреждения. Вопрос заключался в том, сумеет ли подводная защита выдержать такое испытание.

Она и не выдержала, тем более, что торпеды ударили под броневой пояс. Роковыми оказались два последних попадания. Третье попадание причинило тяжелые повреждения, так как сказались конструк-

тивные просчеты инженеров. Был затоплен бортовой отсек электрогенераторов, но, благодаря резервным установкам, это не сказалось. Хуже было другое. Треснуло крепление противоторпедной переборки к броневой палубе, и началось поступление воды в центральное машинное отделение, справиться с которым механикам не удалось. Максимум, что им удалось, — это замедлить затопление отсека. Вдобавок от мощного удара с места сдвинулась турбина, и линкор потерял треть мощности машин.

Если бы только это! На самом деле самым страшным оказалось четвертое, последнее попадание. Четвертая торпеда попала, судя по всему, в кронштейн левого гребного вала и уничтожила его. Вал был погнут, в результате начались сильнейшие биения, которые быстро разворотили сальник дейдвуда. В результате, прежде чем была остановлена левая турбина, были затоплены еще несколько отсеков. Линкор получил значительный крен на левый борт и временно лишился хода.

Немецкие эсминцы сразу начали охоту за подводной лодкой. Однако, хотя в море было выкинуто более сотни глубинных бомб, успеха немцы не добились. К-21 ушла от преследования без особого труда. Причина была простой и парадоксальной: низкая квалификация команд эсминцев! Как ни странно, за всю войну германские эсминцы не добились особых успехов в борьбе с подводными лодками союзников. Гораздо более опасными показали себя малые корабли — тральщики, охотники за подлодками, катера. Вообще сложно даже вспомнить, какие именно лодки сумели потопить немецкие эсминцы. Разве что

на Средиземном море британская лодка «Сплендид» попала «Гермесу»? Так и он был бывшим греческим кораблем, а не немецким.

Ну и понятно, что после этого ни о какой операции «Россельшпрунг» не могло быть и речи, конвой был избавлен от страшной опасности, однако это не повлияло на мнение адмирала Паунда. Первый Морской Лорд отдал приказ о расформировании конвоя, транспорты должны были далее следовать самостоятельно, что сделало их беспомощными жертвами немецких подводных лодок и самолетов. Причем этот приказ был отдан еще до того, как стало известно о выходе в море немецкой эскадры.

Теперь перед немцами встала гораздо более сложная задача: как спасти «Тирпиц», ведь его требовалось как-то довести до базы, что в данных обстоятельствах было совсем непросто, ведь недалеко находился британский флот. Узнают англичане о плачевном состоянии линкора или нет? А если узнают, что предпримут?

В 19.09 с К-21 была отправлена радиограмма об атаке, а буквально через 10 минут самолет-разведчик ВВС Северного флота обнаруживает немцев. В его радиограмме было указано, что линкор стоит на месте, окруженный большим нефтяным пятном. Командование флота постаралось немедленно известить об этом англичан, но в результате Адмиралтейство оказалось в дурацком положении. Конвой был распущен из-за угрозы атаки немецкой эскадры, а сейчас угроза висела как раз над ней самой. Поэтому Адмиралтейство не спешило информировать об этом адмирала Тови. На беду англичан, слишком хорошо

сработала служба радиоперехвата на американском линкоре «Вашингтон», входившем в состав эскадры адмирала Тови. В 20.15 прожектором с «Вашингтона» на «Дьюк оф Йорк» была передана потрясающая новость: немецкий линкор торпедирован русской подводной лодкой и стоит без хода! Адмирал Тови не слишком долго раздумывал и приказал эскадре повернуть на юго-восток, к берегам Норвегии. Тем самым он окончательно сделал неприглядной позицию Паунда. Что мог сделать Первый Морской Лорд? Запретить добивать немецкий линкор? Бред! В результате Паунд отправил невнятную радиограмму с предостережением — не приближаться слишком к берегам Норвегии, чтобы не подвергать корабли риску удара немецкой авиации. Одновременно он приказал любой ценой связаться с подводными лодками «Аншейкн» и «Анрайвелд», патрулировавшими поблизости, и направить их для атаки поврежденного «Тирпица».

То, что время шло к полуночи, решительно ничего не меняло, полярный день не обещал укрытия немцам. Машинная команда «Тирпица» отчаянно старалась привести в порядок турбину правого борта, чтобы линкор мог передвигаться. Одновременно предпринимались титанические усилия, чтобы остановить поступление воды и выправить нарастающий крен.

Тем временем британская эскадра полным ходом шла в указанную точку. Тови приказал крейсерам адмирала Гамильтона присоединиться к нему, так как допускал вероятность артиллерийского боя с немецкой эскадрой. Больших надежд на успех атаки авианосных самолетов он не возлагал. Торпедоносцы «Викториеса» могли в лучшем случае нанести до-

полнительные повреждения немецкому кораблю, но потопить его... Весь предыдущий опыт англичан подтверждал, что это несбыточная мечта. Действительно, что имел «Викториес» в этот момент? Эскадрилью истребителей «Фулмар», которым было лучше не встречаться даже с немецкими бомбардировщиками, и две эскадрильи торпедоносцев «Альбакор» — 21 машина. «Альбакоры» с гордостью носили название «аэроплан».

Однако у немцев имелись свои проблемы. Me-109, базировавшиеся в Петсамо, никак не могли обеспечить прикрытие эскадры с воздуха из-за своей слишком маленькой дальности полета. Да и на Me-110 нельзя было особо рассчитывать. В качестве импровизированной меры командование Люфтваффе в Норвегии предложило выслать пару бомбардировщиков Ju-88. В общем, ситуация сложилась такая, что плохо было абсолютно всем.

Адмирал Тови вместе со своими линкором, с тяжелым крейсером «Камберленд» и 8 эсминцами пошел вперед, оставив с авианосцем легкий крейсер «Нигерия» и 6 эсминцев. Вскоре к нему присоединилась эскадра Гамильтона, и теперь английское соединение имело решительный перевес над немецкой эскадрой.

А что немцы? «Тирпиц» все-таки сумел дать ход и сейчас полз обратно в Альтен-фиорд со скоростью 5 узлов. Предложение увести эскадру в Банак было отвергнуто из-за того, что эта база находилась слишком близко к линии фронта и не располагала абсолютно никакими ремонтными возможностями. Даже в лучшем случае немцам предстояло залатать «Тирпиц» в Альтен-фиорде, после чего линкору предстоя-

ло еще долгое и опасное путешествие в Германию для капитального ремонта.

Но сначала следовало добраться до промежуточного пункта базирования. Рано утром 6 июля Тови приказал поднять разведчики: 5 «Альбакоров» и 2 гидросамолета «Валрос» с «Нигерии». Ошибиться было сложно, полупарализованный линкор не мог уйти слишком далеко и был обнаружен. Через час с «Викториеса» взлетели 15 торпедоносцев и 4 «Фулмара» ударной группы. 8 истребителей остались прикрывать «Викториес», а один «Альбакор» был неисправен. Ударная волна получила приказ действовать на основе донесений разведчиков. Адмирал Тови напутствовал самолеты словами: «Прекрасный шанс добиться очень важных результатов. Пусть с вами будет Бог».

Через час наблюдатели на немецких кораблях заметили крошечные черные точки на горизонте, появились английские самолеты. Патрулировавшие в воздухе два «Юнкерса» бросились наперехват, но были встречены «Фулмарами» и к торпедоносцам не прорвались. Впрочем, этот бой можно считать завершившимся вничью — было сбито по одному самолету с каждой стороны.

Бдительные разведчики детально описали строй немецкой эскадры, поэтому торпедоносцы знали, что делать. «Адмирал Шеер» шел впереди поврежденного линкора, «Хиппер» — позади, с каждой стороны следовало по 3 эсминца, еще один держался впереди «Шеера». Действия англичан облегчало то, что немецкая эскадра еле двигалась, даже спустя несколько часов после торпедных попаданий скорость линкора не

превышала 7 узлов. Поэтому, если не считать зенитного огня, атака была выполнена как на полигоне.

9 «Альбакоров» 817-й эскадрильи зашли с правого борта, а 6 «Альбакоров» 832-й эскадрильи — с левого. Зенитный огонь немцев был плотным, но неэффективным, им удалось сбить всего один самолет, еще несколько машин получили серьезные повреждения. Первыми с расстояния 1200 ярдов под прямым углом сбросила торпеды 817-я эскадрилья, 832-я сделала это через 4 минуты. Маневрировать «Тирпиц» почти не мог, поэтому из 15 торпед в цель попали 6: две в левый борт, четыре в правый. Однако англичан подвело то, что немецкий линкор имел крен, поэтому попадания в левый борт пришлись прямо в броневой пояс. Зато попадания в правый борт оказали свое действие — «Тирпиц» окончательно потерял ход. Однако при всем при том непосредственной угрозы гибели корабля пока еще не было. Более того, даже крен снизился после затопления отсеков правого борта.

Но, как это ни парадоксально, роковой удар линкору нанесла немецкая авиаразведка. Через час после атаки торпедоносцев FW-200 «Кондор» заметил эскадру адмирала Тови. Ей еще оставалось несколько часов пути до встречи с немцами, но угроза постепенно становилась прямой и недвусмысленной. Однако немецкий пилот ошибся, опознавая корабли. Дело в том, что в эскадру Гамильтона входил тяжелый крейсер «Лондон», который после модернизации очень напоминал линейный корабль типа «Конг Георг V». В результате адмирал Циликакс получил известие, что к нему приближается эскадра, состоящая из трех линкоров, а также крейсеров и эсминцев. Бой с таким

противником, учитывая тяжелейшие повреждения «Тирпица», был форменным самоубийством, поэтому Цилиакс, немного поколебавшись, приказал снять команду с линкора и затопить его, что и было сделано с помощью подрывных зарядов. Через час «Тирпиц» повалился на левый борт и затонул кормой вперед. Немецкая эскадра сразу после этого дала полный ход и удрала раньше, чем адмирал Тови успел как-то среагировать на изменившуюся ситуацию. Во всяком случае, когда 10 исправных торпедоносцев прилетели, чтобы добить линкор, они не нашли ничего, кроме большого пятна нефти и плавающих обломков. Обнаружить исчезнувшую немецкую эскадру им не удалось.

Итак, совместными усилиями союзники одержали заслуженную и громкую победу, был уничтожен второй и последний немецкий линкор. Но что изменилось? Как ни странно, совершенно ничего. Мы сталкиваемся с тем редким случаем, когда даже блестящий успех ничего не изменяет. Прежде всего, отправка конвоев в Советский Союз все равно **была приостановлена**.

После катастрофы с PQ-17 Адмиралтейство потребовало от правительства согласия на приостановку русских конвоев до наступления полярной ночи. К этому времени кромка льдов отойдет на север, что позволит конвоям следовать на более значительном расстоянии от немецких аэродромов. Премьер-министр пишет, что в ответ на это предложение он захотел «поднять ставки, действуя по принципу «вопреки поражению». Он хотел бросить все силы нашего флота, чтобы разгромить противника, но Адми-

ралтейство выступило категорически против таких действий. Поэтому Черчилль был вынужден передать Сталину крайне неприятное известие, что он и сделал в телеграмме от 17 июля 1942 года. Он писал: «Суть проблемы заключается в том, чтобы сделать Баренцево море таким же опасным для немецких кораблей, каким они сделали его для наших. К этой цели мы должны стремиться, объединив наши ресурсы». Но Сталин смотрел на все это иначе. В своем ответе он заявил, что присутствие немецких тяжелых кораблей и авиации в Северной Норвегии — совершенно неубедительный предлог для отказа возобновить проводку конвоев. Русских понять довольно просто. Немецкие армии продолжали наступление к Дону и стремительно двигались вперед, несмотря на отчаянные усилия русских командиров, которые привели к колоссальным потерям в живой силе. Что значили для Сталина 23 судна и несколько сот человек по сравнению с жертвами его собственного народа? Победы Японии на Дальнем Востоке, армий Оси в Северной Африке, подводных лодок в Атлантике для него имели слишком маленькое значение по сравнению с петлей, которую противник затягивал на горле его страны.

Хотя чудовищные потери PQ-17 не заставили Адмиралтейство прекратить отправку конвоев, это могла сделать необходимость срочно доставить снабжение на Мальту. Туда был отправлен конвой «Пьедестал», сопровождать который пришлось практически всему Флоту Метрополии. Во всяком случае, и линкоры, и авианосцы, и даже эскортная группа, непосредственно прикрывавшая PQ-17, отправились на Средизем-

ное море. Вдобавок американские корабли, ранее сопровождавшие конвои, были отправлены на Тихий океан, что еще больше ослабило англичан. Поэтому было решено пересмотреть планы и возобновить конвои, когда ситуация станет более благоприятной.

И когда проводка арктических конвоев возобновилась, то выяснилось, что они по-прежнему тяжелым грузом висят на плечах Флота Метрополии. Да, «Тирпиц» был потоплен, однако в Норвегии по-прежнему находились линейный крейсер «Шарнхорст», карманные линкоры «Шеер» и «Лютцов», тяжелый крейсер «Хиппер». Поэтому снова каждый конвой приходилось прикрывать крупными силами, единственным отличием стало то, что в состав дальнего прикрытия теперь включался только один линкор вместо прежних двух. Все-таки «Шарнхорст» не считался достойным противником новым британским линейным кораблям, и выставять против него два таких корабля было непозволительным расточительством. А в остальном... В остальном все шло, как прежде.

ПЛАН «КАНТОКУЭН» В ДЕЙСТВИИ

Формально вопрос о нападении Японии на Советский Союз в разгар Великой Отечественной войны можно было бы отнести к группе самых любопытных альтернатив. Действительно, своевременный нанесенный удар в спину может опрокинуть почти любое государство. Но в том-то и дело, что «почти любое». Положение Советского Союза могло серьезно осложниться, но каким образом события где-то в Благовещенске и Владивостоке могут повлиять на положение на Восточном фронте, сказать невозможно. Но сначала нам придется углубиться в предысторию вопроса.

Политическая ситуация на Тихом океане осенью 1941 года была крайне сложной и запутанной. Япония уже вела тяжелейшую войну в Китае, но ощутимых успехов не добилась и, как часто бывает, попыталась решить одну проблему, создав другую, еще более сложную. Начался выбор направления нового удара — на север, по территории Советского Союза, или на юг, в район так называемых Южных ресурсов. Было выбрано второе направление. Однако советская, а следом за ней и российская историография продолжает утверждать, что императорская Япония с

самого начала вынашивала злобные и коварные планы уничтожения государства рабочих и крестьян и лишь в последний момент под влиянием случайных факторов повернула в другую сторону. Увы, в доказательство этого тезиса не приводится ни одного серьезного аргумента, кроме высосанных из пальца откровенных фальшивок. Воспринимать всерьез приведенный автором Имярек «Протокол заседания клуба японских банкиров» я, простите, не могу.

Дело в том, что ключевым для японской внешней политики уже на протяжении более чем полувека являлся китайский вопрос. Вспомним хотя бы еще один документ, подлинность которого оспаривается, — знаменитый «Меморандум Танаки». Он фигурировал на Токийском процессе, на него продолжают ссылаться и сегодня как на доказательство агрессивных планов японской военщины. Мимоходом заметим, что этот документ известен лишь по копиям с копий, а подлинник, в отличие от договора Молотова—Риббентропа, так и не обнаружен. В сжатом виде этот меморандум звучит так: «Чтобы завоевать весь мир, сначала надо завоевать Азию. Чтобы завоевать всю Азию, сначала надо завоевать Китай. Чтобы завоевать весь Китай, сначала надо завоевать Маньчжурию». Отлично, но, простите, в этой формуле ни Советский Союз, ни так называемые Северные территории не упоминаются, разве что в категории «вся Азия». Вдобавок осенью 1941 года Япония даже близко не подошла к завоеванию всего Китая.

Имевшие место пограничные конфликты являлись прямым следствием неточной демаркации границы (Хасан) или вообще полным отсутствием та-

ковой (Халхин-Гол). Между прочим, последующие конфликты с Китаем имели те же причины, например остров Даманский. Кстати, сегодня этот остров вообще уже не остров, а полуостров на китайском берегу реки. И как должна была выглядеть государственная граница России в этом случае? Халхин-Гол вообще был пограничным спором двух НИКЕМ не признанных государств — Внешней и Внутренней Монголии, Маньчжоу-Го и Монгольской Народной Республики. Для справки: марионеточную МНР на тот момент, кроме СССР, признавала только еще более марионеточная Тувинская республика.

Китайский вопрос для Японии означал возможность пользоваться сырьевыми и людскими ресурсами континентального Китая. Однако японская промышленность была слишком слаба и примитивна, чтобы соперничать с европейской и американской, поэтому Японию совершенно не устраивали принципы «открытых дверей» и «равных возможностей». Экономическое проникновение и, будем говорить прямо, экономическое закабаление Китая Япония просто вынуждена была заменить прямой военной оккупацией. Началось это в Маньчжурии, наиболее развитом в промышленном отношении районе Китая.

Но к осени 1941 года Япония сумела оккупировать лишь северные районы Китая, граничащие с Маньчжурией, и несколько крупнейших портов. Покорение Китая проходило отнюдь не так гладко, как хотелось бы японцам, достаточно вспомнить уничтожение целого японского корпуса под Тайэрчжуанем весной 1938 года. В целом гоминьдановцы медленно проигрывали войну, однако настолько медленно, что

эта война пока приносила Японии только убытки, а не дивиденды.

Зато агрессия Японии в Китае заметно осложнила ее отношения с западными демократиями. Здесь приходится напомнить, что Китаю Англия и США поставляли военную технику и снаряжение все 8 лет войны — с 1937 по 1945 год с незначительными перерывами. Скажем лишь о полуанекдотическом ввозе якобы контрабандных американских истребителей через Гонконг, который долгое время был кратчайшим путем поставок Гоминьдану. Уже летом 1940 года Соединенные Штаты наложили эмбарго на ряд стратегических материалов.

Впрочем, Япония не признавала себя агрессором, протестовала против эмбарго и называла его «недружественным актом». Но это не подействовало, и 10 декабря 1940 года был запрещен вывоз еще целого ряда продуктов. Не менее болезненным было сокращение поставок нефти из Голландской Ост-Индии, которое было предпринято под давлением Великобритании.

На фоне этой острейшей политической борьбы смехотворными выглядят вялые советско-японские переговоры относительно рыбных и угольных концессий, которые, похоже, не интересовали особо ни одну из сторон. Приходится констатировать, что никаких серьезных экономических противоречий между Японией и СССР не существовало, и, как следствие, не существовало причин для войны. Отметим также, что тема какого-либо эмбарго на советско-японских переговорах даже не возникала. Зато 2 июля 1940 года на переговорах Молотова и японского посла в Мо-

ске Того начинает обсуждаться проект советско-японского договора о нейтралитете.

Перешла в наступление и японская дипломатия. 1 августа 1940 года правительство принца Коноэ опубликовало документ «Об основных принципах национальной политики», в котором говорилось о создании Великой Восточноазиатской сферы процветания. В нее японцы включали Индокитай, Индонезию, Таиланд, Малайю, Бирму, Британское Борнео, Филиппины. Как видите, налицо прямая угроза агрессии в юго-восточном направлении, зато нет ни единого слова об интересах на севере. Но даже сегодня, цитируя все указанные документы и многие другие, российские историки продолжают бормотать о каких-то «неразрешимых противоречиях» между Японией и Советским Союзом.

Япония продолжала продвижение на юг. 30 августа было подписано соглашение с Виши, по которому Япония получала право военной оккупации Северного Индокитая, а 23 сентября Япония оккупировала Французский Индокитай полностью. Началось строительство авиабаз в Тонкине, которые ставили под угрозу позиции Англии в Малайе, но никаким образом не могли угрожать Владивостоку. 4 октября японское правительство принимает «Проект плана действий в отношении южных районов». В нем идет речь о прямой оккупации Малайи, Сингапура и Индонезии. И это при том, что Соединенные Штаты уже успели официально заявить, что военные действия в этом направлении будут считаться ими *casus belli*.

В начале 1941 года японская дипломатия начинает оказывать давление на голландскую администрацию

Ост-Индии, пытаясь добиться увеличения поставок нефти. Однако, опираясь на заверения Лондона и Вашингтона, голландцы отвечают категорическим отказом. Они даже начинают сокращать уже согласованные поставки. Более того, 4 апреля в Маниле начинается совещание военных представителей Англии, США и Голландии по координации усилий с целью защиты своих владений.

И в этой обстановке миролюбивый Советский Союз совершает шаг, который полностью аналогичен по своим последствиям подписанию пакта Молотова—Риббентропа. 13 апреля во время визита японского министра иностранных дел Мацуоки в Москву внезапно был подписан пакт о нейтралитете. Именно внезапно. Дело в том, что все переговоры Мацуоки с Молотовым завершились безрезультатно. 12 апреля японский министр уже начал протокольные визиты вежливости по театрам и передовым предприятиям, когда поздно вечером его пригласили к Сталину. После двухчасовой беседы был согласован вопрос о подписании пакта, а на следующий день в 14.45 он был подписан. Даже если учесть, что в его основу были положены ранее прорабатывавшиеся варианты, подготовка такого важного документа менее чем за сутки впечатляет. Япония, как и ранее Германия, обезопасила себе тыл на случай удара по западным союзникам. А потом имел место совершенно беспрецедентный случай. На вокзал провожать Мацуоку приехали Сталин и Молотов. Ни до, ни после того Сталин не провожал никого из иностранных дипломатов. Риббентропа, кстати, он тоже не провожал. Москва дала зеленый свет агрессии еще одного хищника. Мож-

но, опять-таки, повторить набор затертых клише про «коварство самураев» и прочую дребедень, но все-таки никто в истории XX века не подписывал подобных документов с намерением нарушить их менее чем через полгода.

А теперь представим на минуту, что Япония напала не на Соединенные Штаты, а на Советский Союз. Каковы будут ее перспективы в этой войне? Да очень плохие перспективы. Главным козырем Японской империи являлся современный мощный флот. В войне против СССР он был практически бесполезен. Сухопутные войска Японии были откровенно слабыми и отсталыми. Они не имели современных танков (старых тоже было очень мало), почти не имели тяжелой артиллерии, почти не имели радиостанций. С рациями и у нас было неважно, но у японцев положение было еще хуже. В боях на тропических островах, в непроходимых джунглях, все эти недостатки нивелировались характером местности. Но при войне на широком фронте в Приморье и на Дальнем Востоке они проявились бы неизбежно, в чем японцы уже смогли убедиться на Халхин-Голе.

Япония, начав агрессию против Советского Союза, могла получить лишь еще одну тяжелую, затяжную войну с неопределенными (это в наилучшем случае!) перспективами. При этом она ни на шаг не приближалась к решению сырьевой проблемы. Наоборот, расходование стратегических запасов пошло бы ускоренными темпами с учетом масштабов такой войны. Даже в случае захвата каких-то территорий (допустим, жалко, что ли) Япония не приобретала ни капли нефти, ни грамма олова, свинца, цинка, кау-

чука. Ничего этого в сибирской и якутской тайге не наблюдалось. Про освоение японцами Норильска не будет говорить даже сумасшедший. То есть японская агрессия против Советского Союза была бы просто бессмысленной, что подтверждалось событиями, происшедшими после 22 июня.

25 июня 1941 года в Токио состоялось совместное заседание правительства и Императорской ставки. Министр иностранных дел Мацуока требовал начала военных действий и оказался в полном одиночестве. Против него дружно выступили военный и морской министры, а премьер-министр Коноэ высказался в том плане, что появляется возможность расторжения Тройственного пакта. 27 июня на новом заседании Мацуока вновь требует начала войны против СССР, на этот раз против него совместно выступают начальники Генеральных штабов армии и флота. Против оказалось даже командование Квантунской армии. Нападение следовало предпринимать в максимально благоприятных условиях, а для этого оставался отрезок времени менее месяца: с 15 августа по 10 сентября. Ранее японцы не могли сосредоточить превосходящие силы, а позднее начинался период осенних дождей, мешавших любому крупному наступлению. Вопрос был закрыт окончательно.

Итак, если кратко просуммировать, то можно сказать, что в течение 1940–1941 годов между СССР и Японией не существовало никаких серьезных противоречий. Они не имели никаких серьезных общих интересов, что подтверждается вялыми и достаточно беспредметными переговорами, в то время как вокруг «китайского вопроса» и «проблемы Южных ре-

сурсов» шла напряженная дипломатическая борьба (в которой СССР не участвовал), завершившаяся лишь с началом войны.

И все-таки представим, что каким-то чудом японцы сумели преодолеть свои разногласия с Соединенными Штатами. Допустим, они пошли на какие-то уступки в Китае, пообещав в дальнейшем уступить еще больше, и поставки сырья, прежде всего нефти, возобновились. Вполне вероятно, что может начаться отвод войск к побережью, особенно на юге, хотя он будет проводиться с максимально возможными проволочками. Не исключена даже возможность начала каких-то переговоров с правительством Чан Кайши. Но, как мы уже сказали, в правительстве возобладала точка зрения Мацуоки, и было решено двинуть войска на север. Здесь сразу возникают два вопроса: когда и куда?

Альтернатива начинается!

Первый искус японцам предстояло преодолеть зимой 1941 года, когда вермахт стоял у ворот Москвы. Но это говорится так, для красного словца. Начать наступление в Приморье в декабре месяце способен только сумасшедший, ни один нормальный генерал на такое не решится, будь он хоть трижды самураем. Нет, мы помним песню про «штурмовые ночи Спасска, волочевские дни», однако на то она и была Гражданская война, чтобы опрокидывать все каноны военного искусства, в регулярной войне такое не случается. Воевать в 40-градусные морозы, которые в Приморье отнюдь не диковина, мягко говоря, сложно. К тому же имеются сильнейшие сомнения, что японская армия была

подготовлена к ведению активных боевых действий зимой. Помните ехидные замечания В. Суворова насчет отсутствия у вермахта зимней смазки? Можно подумать, что японцы ее разрабатывали. Кроме того, наступающему в таких условиях всегда приходится гораздо сложнее, чем обороняющемуся. Вдобавок хваленая Квантунская армия уже уступала по своей численности советским войскам на Дальнем Востоке, причем уступала серьезно, хотя японцы об этом не догадывались.

На 1 декабря 1941 года в составе Дальневосточного фронта числились 19 стрелковых дивизий и 9 стрелковых бригад, 1 кавалерийская дивизия, 2 танковых дивизии и 6 танковых бригад, 18 артполков, 4 истребительные, 6 смешанных и 1 бомбардировочная дивизии, а также 13 УРов. Более мелкие части и подразделения мы просто не перечисляем. Однако имелся еще и Забайкальский фронт, в который входили 5 стрелковых и 1 кавалерийская дивизии, 6 артполков, 2 танковых дивизии и 1 механизированная бригада, 2 истребительные, 3 смешанные, 1 штурмовая и 2 бомбардировочных дивизии. На фоне этого 24 дивизии, выделенные японцами для наступления, смотрятся неубедительно, даже если согласиться с предположением японских генералов, что их дивизия на 15 процентов превосходит по силам советскую. Да, немецкие войска летом 1941 года доказали, что воевать нужно не числом, а умением, но ведь японская армия во время конфликта на Халхин-Голе такого умения не показала. Возникло предложение перебросить на север часть сил из Китая, но это уже была откровенная игра с огнем, ведь, как мы уже указали,

японцы в Китае особых успехов не добились. Не говоря уже о том, что из результатов Советско-финской войны японские генералы сделали правильные выводы. Красная Армия способна вести активные боевые действия в суровых зимних условиях, и соперничать с ней не хотелось. Поэтому было решено отложить начало наступления на север как минимум до весны. Хурма еще не достаточно созрела.

Но пришло жаркое лето 1942 года. Положение Красной Армии на Восточном фронте снова резко ухудшилось, немецкие войска прорвались на юге и начали наступление на Сталинград и Кавказ одновременно. 24 июля немецкие войска вышли к Волге. Казалось бы, вот она, долгожданная победа. И японские генералы не выдержали искушения, первую скрипку здесь сыграло командование Квантунской армии, жаждавшее поквитаться за разгром на Халхин-Голе, особенную энергию проявлял командующий армией генерал Умэдзу.

Был подготовлен так называемый «План 51», согласно которому предполагалось наступление силами 30 дивизий. Главный удар наносился из Маньчжурии в восточном направлении, на Приморье. Однако японцы даже представить не могли, какие силы им противостояли. Разведка сообщала, что «перевоска советских войск с востока на запад не вела к ослаблению группировки Красной Армии, пополнявшейся за счет местных резервов». Увы, японцы даже представить не могли, что за прошедшие полгода численность советской группировки не только не сократилась, но чуть ли не утроилась. Теперь им противостояли только в одном Дальневосточном фронте

42 стрелковые дивизии и 23 бригады, 4 кавалерийские дивизии, 29 воздушно-десантных бригад, 137 (!) артполков, 44 танковые бригады. А ведь имелся еще и Забайкальский фронт. Грозный японский флот ничем не мог помочь наступлению, вопрос высадки десанта в Петропавловске-Камчатском был рассмотрен и тут же отвергнут по причине полнейшей бессмысленности.

Мало того, японцам приходилось считаться с угрозой вступления в войну западных союзников. Однако на совещании в Императорской ставке было решено, что опасность этого невелика. Скорее всего, Англия и Соединенные Штаты все-таки объявят войну Японии, однако никаких активных действий они предпринимать не будут. Пример откровенной пассивности на Европейском театре казался убедительным.

Здесь нам придется более подробно рассмотреть вопрос о действиях американского правительства. Как известно, президент Рузвельт очень хотел втянуть Соединенные Штаты в войну, собственно, так называемый «Нейтральный патруль» в Атлантике уже ничем не отличался от настоящей войны, хотя она пока еще не была объявлена. Можно предположить, что, несмотря на возможные инциденты и стычки между американскими кораблями и немецкими подводными лодками, сломить сопротивление изоляционистов Рузвельту не удастся, хотя уже с октября 1941 года начались поставки по ленд-лизу. То есть формально нейтральные Соединенные Штаты помогали воюющему Советскому Союзу. И нападение Японии на Советский Союз станет для Соединенных Штатов просто даром небесным. Впрочем, можно

предположить, что Рузвельт и здесь предпочтет спрятаться за чужую спину, предоставив сыграть первую скрипку Великобритании.

Итак, 24 июля немцы вышли к Волге, и в этот же день командование Квантунской армии приступило к исполнению «Плана 51», начав сосредоточение и развертывание войск. К 30 июля вся подготовка будет завершена, а 1 августа японские войска перейдут границу.

1-й фронт в составе 2, 3, 4, 20-й армий наносил главный удар в направлении на Уссурийск, имея дальнейшей целью захват Владивостока и Находки. 2-й фронт в составе 4-й и 8-й армий наносил удар через Благовещенск и далее на Белогорск и Свободный с целью перерезать Транссиб. Но, как мы уже говорили, японцы совершенно неправильно рассчитали свои силы. Плюс самое главное — уроки 22 июня 1941 года были в полной мере учтены командующим Дальневосточным фронтом генералом И. Апанасенко, никакого внезапного нападения у японцев не получилось.

Попытка форсировать Амур в районе Благовещенска провалилась с треском. Войска, пытавшиеся прорваться в Марково, Игнатьев и Гродеково, были отброшены пограничниками, штурмовать сам Благовещенск прямо в лоб японцы не рискнули. Совершенно неожиданным для японцев оказалось участие в боях Зее-Бурейской бригады речных кораблей, которая была сформирована в предвидении именно такой возможности. Перед войной она базировалась в районе Благовещенска, в поселках Сазанка, Астрахановка и Малиновка. В состав бригады входили мо-

нитор «Активный» и 5 канонерских лодок, не считая мелких кораблей. Выйдя в район переправ, корабли огнем прямой наводкой буквально смели японскую пехоту, пытавшуюся переправляться на шлюпках и подручных средствах. Попытки японской артиллерии воспрепятствовать действиям кораблей оказались безуспешными. Сказался органический недостаток японской армии — нехватка тяжелых орудий. Стандартная японская дивизия имела в своем составе полк полевой артиллерии, вооруженный всего лишь легкими 75-мм пушками, лишь некоторые дивизии так называемого типа «А» могли противопоставить советской артиллерии 105-мм гаубицы. Советская стрелковая дивизия имела на вооружении 16 122-мм гаубиц образца 1910/30 года, ничего подобного японцы не имели, так как японская 105-мм гаубица Тип 91 уступала ей по всем параметрам. После того как оборонявшиеся дивизии развернули свою артиллерию, завязалась дуэль, которая, впрочем, не затянулась. Вскоре японские батареи были приведены к молчанию. При этом монитор «Активный» получил несколько попаданий и на нем возник пожар. Корабль пришлось спешно отбуксировать в Благовещенск. Но в целом попытка японского наступления на северном направлении провалилась с самого начала.

Несколько больший успех имели японцы на восточном направлении, причины этого были очевидны. Здесь им не требовалось форсировать такую реку, как Амур, и здесь они сосредоточили гораздо больше сил. Однако сломить сопротивление пограничников им удалось лишь ценой больших потерь и огромных уси-

лий. Впрочем, и здесь японское наступление заглохло примерно на линии Пограничный — Мраморная — Красный Утес — Бамбурово — Пойма. Главную роль в этом сыграл своевременный контрудар 75-й и 77-й танковых бригад. Как выяснилось, японская армия со времен Халхин-Гола так и не сумела научиться отражать массированные танковые атаки. Единственным новшеством стало использование тактики таи-атари, предложенной командующим 5-й армией генерал-лейтенантом Иимурой. Обвязавшиеся взрывчаткой добровольцы бросались под танки, подрывая их. Это позволило на первых порах, используя фактор неожиданности, остановить советские войска, но никак не помогло развить начальный «успех».

Вялая попытка наступления на Сахалине была отбита советскими войсками без особого труда.

Единственным реальным успехом стал налет японской авиации на Владивосток, хотя, как выяснилось довольно быстро, лучше бы этого успеха не было. Так как в это время крейсера «Калинин» и «Каганович» еще мирно достраивались, основной удар пришелся по стоящим в порту эсминцам и подводным лодкам Тихоокеанского флота. Бомбами были потоплены эсминцы «Сталин», «Резвый» и «Расторопный», получил повреждения эсминец «Рьяный». Были также потоплены 5 подводных лодок. Был нанесен некоторый ущерб береговым сооружениям базы. Однако во время налета были сбиты 15 японских бомбардировщиков и 1 истребитель из 85 и 12 соответственно, участвовавших в налете. Хотя советские летчики дрались мужественно, старые истребители И-16 и И-153 не могли противостоять новейшим японским «Зеро»,

поэтому советская авиация потеряла 27 самолетов. Еще 15 самолетов были сожжены на аэродромах.

И вот теперь мы подходим к самому главному. Кроме военных кораблей в порту были уничтожены 5 торговых судов, но самое страшное для японцев — в их число попал американский транспорт типа «Либерти»! «Джон Лэнгдон» прибыл во Владивосток с грузом автомобилей и там попал под японские бомбы. После этого администрация президента Рузвельта не стала изобретать ничего нового и поставила на патефон заезженную пластинку «Помни «Мэн»!». Вожделенный *casus belli* появился! Однако Рузвельт, как человек предусмотрительный, не стал форсировать события, а предпочел хорошо подготовиться. В частности, были приведены в полную готовность гарнизоны Филиппин и Уэйка, на этот остров были переброшены дополнительные истребители. Сделать что-либо с Гуамом было невозможно, так как остров был демилитаризован, однако оттуда спешно самолетами были вывезены женщины и дети. Свои меры предосторожности приняли и англичане, так как дальнейшее развитие событий просчитывалось без труда. Гарнизон Сингапура был приведен в состояние готовности, по тревоге были подняты войска в Малайе. Но англичанам, как и американцам, приходилось заранее смириться с некоторыми убытками, потому что защитить Гонконг не представлялось возможным. Голландия предпочла не вмешиваться в разборки великих держав и заявила о сохранении нейтралитета в Тихоокеанской войне, однако поставки нефти из Ост-Индии в Японию все-таки прекратила под совместным давлением Англии и Соединенных

Штатов. А пока что западные союзники готовились и с любопытством следили за развитием событий на только что возникшем новом фронте.

События развивались чем дальше, тем хуже для японцев. После перегруппировки сил, подтянув резервы, 6 августа 1-я Краснознаменная армия перешла в контрнаступление. Главный удар был нанесен по левому флангу наступающей группировки силами 59-го стрелкового корпуса, 18-го кавкорпуса и трех танковых и мотострелковой бригад в направлении Дуннин — Лоцзыгоу с выходом в тыл японской группировке. Одновременно началось наступление 2-й Краснознаменной армии на Хайхэ — Эрчжань. Однако здесь советские войска столкнулись с теми же трудностями, какие ранее пришлось преодолевать японцам, форсирование Амура оказалось делом очень сложным. На самом юге Приморья после небольшой подготовки 25-я армия начала наступление на Юки — Расин — Сейсин.

И здесь генерал Умэдзу совершил грубую ошибку, приказав своим войскам жестко удерживать занятые позиции, не допуская ни малейшего отступления. Что поделать, пехотная японская армия оказалась совершенно не готова к реалиям современной маневренной войны. Сначала это японцам до какой-то степени удавалось, но потом командование Забайкальского фронта подтянуло к участку прорыва часть сил 35-й армии, справедливо полагая, что на ее участке японцы теперь даже не попытаются форсировать реку Уссури. Спешно сформированная для наступления японская 2-я армия не выдержала удара, попытки удержать фронт привели к тому, что 5-я и 32-я пехотные ди-

визии были просто уничтожены, и северный фланг 1-го фронта рухнул. Одновременно генерал И. Апанасенко решил воспользоваться имеющимся у него козырем и приказал выбросить крупный воздушный десант в Харбине, чтобы окончательно парализовать действия японского тыла. Эта наспех подготовленная операция дала двусмысленные результаты. Три воздушно-десантные бригады, высаженные в районе города Харбин, понесли огромные потери, но тем не менее ключевой для японцев железнодорожный узел был полностью выведен из строя. В результате вся восточная ударная группировка японцев, формально пока еще не окруженная, оказалась в полной изоляции, потому что к этому времени советская 15-я армия перерезала вторую железнодорожную ветку Сейсин — Муданьцзян. Примерно к 12 августа 1942 года обозначился решительный успех Красной Армии.

Вот в этот момент президенту Рузвельту удалось дожать свой конгресс, который далеко не единодушно, но все-таки согласился объявить войну Японии. После некоторых колебаний (все-таки отдавать Гонконг очень не хотелось) 14 августа войну Японии объявила и Великобритания. На следующий день Германия объявила войну Соединенным Штатам, а 16 августа это сделала Италия, и тоже совершенно против своего желания. Война стала поистине мировой.

Как выяснилось довольно быстро, с одной стороны, союзники сильно переоценили риски войны с Японией, с другой — столь же сильно их недооценили. Прежде всего в связи с катастрофической ситуацией на советско-японском фронте японское командование было вынуждено спешно перебросить

в Северный Китай и Маньчжурию крупные силы авиации с Формозы — 21-ю и 23-ю воздушные флотилии. В результате наступление на Филиппины просто не состоялось по причине отсутствия поддержки с воздуха. Более того, японцам пришлось убрать свою авиацию из Французского Индокитая, чтобы прикрыть Формозу. Операции в Малайе также пришлось отменить. Дальше — больше. Поскольку Япония в принципе не могла позволить себе потерять сырьевую базу в Маньчжурии, так как это означало немедленную остановку большей части японской тяжелой промышленности, уже погруженная на транспорты 25-я армия генерал-лейтенанта Ямаситы вместо отправки на юг, в Сиамский залив, двинулась на север, в Порт-Артур.

Однако не все шло гладко. Командование американского флота во исполнение довоенных планов решило проявить активность, предложенный план основывался на разработанном еще в 1941 году плане WPPac-46. Командующий Тихоокеанским флотом адмирал Киммель надеялся выманить японцев в район Маршалловых островов и там дать генеральное сражение, которое завершится разгромом противника. Самое странное, что это полностью отвечало планам японского командования, которое тоже уповало на «новый Трафальгар». Но вот почему-то никто из адмиралов не желал помнить, что при Трафальгаре сражался не только Нельсон, но и Вильнев. Впрочем, последнюю роль для себя не предусматривали ни Киммель, ни Ямамото. План американцев был достаточно простым. Авианосное соединение в течение нескольких дней бомбит и обстреливает Маршалло-

вы острова, имитируя подготовку к высадке десанта. Японцы неизбежно бросят туда свои силы, чтобы парировать угрозу. По пути им предстояло пройти через заранее развернутую завесу подводных лодок, хотя это не считалось обязательным. После этого где-то между Маршалловыми островами и островом Уэйк состоится генеральное сражение линейных флотов — розовая мечта всех адмиралов первой половины XX века. Нет, конечно, участие авианосцев предполагалось, но им заранее отводилась вспомогательная роль. Как сказал Козьма Прутков: «Перед лицом 16-дюймовых пушек сколь презренны все самолетики». Хотя, кажется, он этого не говорил. Своей главной задачей адмирал Киммель считал согласование действий новых быстроходных линкоров и старых кораблей, которые уступали им в скорости 7–8 узлов. Всего он собирался ввести в дело 11 линкоров (3 новых быстроходных) и 5 авианосцев против 11 японских линкоров (только 1 новый, но при этом 4 слабо бронированных старых линейных крейсера) и неизвестного числа авианосцев. Впрочем, Киммель предполагал, что и в авиации он будет иметь паритет.

Англичане пока продолжали занимать выжидательную позицию. Да, для совместных действий в Юго-Восточной Азии было создано объединенное командование АБА (Австралия—Британия—Америка), и часть британских кораблей из Сингапура перешла на Филиппины, но пока все боевые действия в этом районе ограничивались полетами разведывательных самолетов. Даже то, чего сильно опасались японцы — налеты «Летающих крепостей» на Формозу, — пока не проводилось.

А в Маньчжурии дела у японцев день ото дня становились все хуже. Во многом этому способствовало то, что японская авиация была спешно переброшена обратно на юг, чтобы участвовать в сражении с американским флотом. После упорных и тяжелых боев войска 2-й Краснознаменной армии прорвали оборону японцев на Малом Хингане. Но советское командование повторило уже использованный прием: часть сил 15-й армии со спокойного участка фронта была переброшена в полосу наступления, поэтому, несмотря на потери, темпы наступления увеличились, и советские войска двинулись на Цицикар. Вторая волна воздушного десанта полностью овладела Харбином, окончательно разрушив систему тыловых коммуникаций Квантунской армии. На восточном участке фронта ударная группировка была усилена еще 4 танковыми бригадами. Это позволило ей не только отрезать пути отступления японским войскам, вторгшимся на территорию СССР, но и без особого труда прорвать пояс пограничных укреплений, которые фактически остались без гарнизонов. После этого советские танки двинулись на Муданьцзян и далее на Харбин, получалось нечто вроде блицкрига. Японцы попытались остановить их и бросили навстречу сформированную всего месяц назад 1-ю бронетанковую бригаду. Бой не продлился и дня, о результате можно догадаться без труда. Наступление 25-й армии вдоль побережья было временно приостановлено до окончательного разрешения вопроса с японской ударной группировкой.

Японцы отступить не собирались, а прорывать оборону, пусть даже и наспех подготовленную, ге-

нерал Апанасенко не захотел. Вместо этого он сосредоточил почти всю имеющуюся артиллерию и начал массированную артиллерийскую подготовку наступления в стиле Первой мировой войны. Мало-подвижные японские пехотные дивизии оказались почти беззащитны против такого приема. После того как более 50 артполков более двух суток перепахивали полевые укрепления противника, наступающие войска не встретили серьезного сопротивления. Разрозненные контратаки в стиле таи-атари доставляли определенные неприятности, но не более. Все четыре японские армии, вторгшиеся на территорию СССР, были уничтожены. Далее основной помехой наступлению советских войск была лишь их слабая подготовленность к операциям столь крупного масштаба, поэтому, после того как они вышли на линию Цицикар — Дацин — Харбин, пришлось сделать паузу для перегруппировки и пополнения запасов.

Именно в период недолгого затишья в Маньчжурии и начал действовать американский флот. 2 сентября американские самолеты бомбили атоллы Вотье и Малоэлап. На следующий день бомбардировка была продолжена, но вдобавок их обстреляли американские крейсера. Японцы попытались перебросить туда часть самолетов с Марианских островов, однако они были тут же уничтожены. В общем, японское командование действительно поддалось на уловку американцев и решило, что противник готовит высадку. Гарнизоны Маршалловых островов в то время были откровенно слабы и шансов отразить десант не имели, поэтому командование Объединенного Флота двинуло все имеющиеся силы в угрожаемый район.

Киммель довольно точно определил силы противника, хотя в этом его заслуг не было, просто часть кораблей японского флота в это время проходила плановый ремонт. В результате адмирал Ямамото имел 10 линкоров (1 новый), 5 тяжелых и 2 легких авианосца. Он довольно умело обошел почти все завесы американских подводных лодок и лишь в последний момент уже в районе атолла Эниветок подводная лодка «Скипцжек» торпедировала и потопила старый линейный крейсер «Хизэй». Впрочем, эта потеря не остановила Ямамото.

Но вот дальше события пошли совсем не по американскому сценарию. Японцы не рванулись напролом, а предпочли сначала нанести авиационный удар, причем дальность действия их авиационных самолетов неприятно поразила американцев. Противник не вошел в зону действия дальних разведчиков с Мидуэя и остался сначала незамеченным. Удар японских пикировщиков и торпедоносцев дорого стоил американцам — они потеряли 2 старых линкора и 2 авианосца потопленными, был поврежден новый линкор «Вашингтон» и еще один авианосец. Лишь после этого разведывательный самолет с Уэйка обнаружил японский флот, и американские авианосцы нанесли ответный удар. Он был далеко не таким успешным. Американская авиагруппа понесла большие потери, но пикировщики все-таки сумели тяжело повредить авианосец «Сёкаку». Начавшиеся пожары потушить не удалось, и к утру следующего дня корабль затонул. На следующий день японская авиация нанесла повторный удар по отходящему американскому флоту, добила поврежденный авианосец «Хорнет» и потопила

пила крейсер, однако остальные корабли сумели спастись.

Генеральное сражение не состоялось, обе стороны понесли потери, но силы ни американского, ни японского флота не были подорваны. И все-таки после окончания сражения возле атолла Уэйк Рузвельт отправил телеграмму Сталину: «На Тихом океане идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Адмиралу Киммелю очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте в Маньчжурии в течение сентября и любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть».

Впрочем, судьба кампании решалась не на просторах океана. После небольшой передышки 25 сентября советские армии возобновили наступление в общем направлении на Мукден, где японцы сосредоточили остатки Квантунской армии, усилив их переброшенной с юга 25-й армией и частями 14-й армии. Это окончательно избавило от угрозы вторжения не только Малайю, но и Филиппины. Продвижение советских дивизий шло почти без противодействия неприятеля. Лишь в районе Гирина японцы попытались задержать левый фланг Дальневосточно-

го фронта, но сводный заградительный отряд был быстро уничтожен. 300 километров до спешно созданной оборонительной позиции севернее Мукдена были пройдены всего за 6 дней. Одновременно 25-я армия возобновила наступление вдоль корейского побережья на Гензан.

Вторая попытка японцев остановить советское наступление оказалась ничуть не более успешной, чем первая. Генерал Апанасенко теперь имел в своем распоряжении 30 танковых бригад, поэтому он не стал мудрствовать, а после двухдневной передышки 4 октября нанес удар по обоим флангам японской группировки крупными силами танков и кавалерии. В результате был реализован план маршала Ойямы, и в районе Мукдена состоялись идеальные Канны, но пострадали именно японцы. Уже через 4 дня вся японская группировка, которая насчитывала 10 дивизий, оказалась в котле. Снова о капитуляции не шло даже речи, и снова уничтожение окруженных войск не затянулось. Главную роль в этом опять сыграла советская тяжелая артиллерия. Через неделю бои завершились, генерал Ямасита и его начальник штаба генерал Судзуки совершили харакири, как и многие офицеры штаба.

Представить дальнейшее можно без особого труда. Советские войска спокойно вошли в Порт-Артур и легко заняли всю Северную Корею. Как мы уже говорили, промышленная база Японии была подорвана, она лишилась железной руды и угля, поступавших из Маньчжурии, запасы нефти также подошли к концу. Однако японское командование упрямо отказывалось капитулировать. Сталин желал как можно бы-

стрее покончить с неприятностями на Дальнем Востоке, чтобы без опасений сосредоточить все силы для борьбы с Гитлером. Его предложение о мире японцы отвергли, тогда советские войска заняли оставшуюся территорию Кореи и освободили южную часть Сахалина. После этого Сталин обратился с предложением к президенту США Рузвельту, от которого тот не сумел отказаться. Американцы были совсем не против решить свои проблемы чужими руками. Был подписан пакт Молотова—Хэлла относительно раздела сфер влияния на Тихом океане после победы.

Весной 1943 года при помощи американского флота советские войска высадились на острове Хоккайдо. Одновременно были высажены десанты на нескольких островах Курильской гряды. Японский флот, лишенный топлива, не мог этому противодействовать. Несколько подводных лодок, вышедших на перехват десантной армады, были быстро потоплены. На своей территории японцы упорно сопротивлялись, однако силы были слишком неравны. При поддержке американской авиации и флота советские войска заняли Хоккайдо и форсировали Сангарский пролив. После появления советских танков в Аомори и Хиросаки японское правительство запросило мира.

23 августа 1943 года был подписан мирный договор. Согласно его условиям Советский Союз вернул себе южную часть Сахалина и Курильские острова. После долгих споров с американцами (не японцами!) Сталин добился того, что к Советскому Союзу отошел и остров Хоккайдо. Вопрос о принадлежности Маньчжурии и Кореи на этих переговорах не поднимался. Впрочем, Сталин проявил несвойственное ему благородство,

в результате чего была создана Южно-Корейская Народно-Демократическая Республика. Зато наша страна пополнилась сразу тремя новыми республиками: Маньчжурской ССР, Северо-Корейской ССР и Японской ССР.

Вот к таким результатам могла привести попытка японцев летом 1942 года напасть на Советский Союз. Стремительный разгром Квантунской армии не должен никого удивлять. Экономика Японии не могла создать одновременно мощную армию, мощную авиацию и мощный флот. В положении пасынка оказалась именно армия, которой не хватало танков, не хватало автоматического оружия, не хватало тяжелой артиллерии, не хватало средств связи... Даже сложно сказать, что японская армия имела в достатке, кроме винтовок. Уже Халхин-Гол совершенно очевидно показал, что в условиях современной маневренной, моторизованной войны японская армия просто беспомощна. Это на каком-нибудь атолле невозможно ввести в дело танковую бригаду, а там, где она сумеет развернуться и атаковать согласно уставу, все заканчивается быстро.

ЗИМНЯЯ ГРОЗА

Контрнаступление советских войск под Сталинградом и последовавшее окружение армии Паулюса повергли немецкое командование в столбняк. Во всяком случае, адекватно отреагировать на резкое изменение стратегической ситуации оно не сумело, самое странное, что этого не сделал и сам Паулюс. Сначала он бодро сообщил в Берлин, что при надлежащей организации снабжения его армия продержится достаточно долго. Впрочем, Паулюс достаточно быстро спохватился и буквально через день начал просить разрешение на выход из Сталинграда, но было уже поздно. Как оказалось, этот истерический оптимизм разделяли буквально все. Гитлер приказал стоять до конца, Геринг пообещал наладить снабжение армии по воздуху, кто-то там, на земле, заявил, что быстро деблокирует окруженную армию, хотя кто именно ляпнул последнее, сейчас установить уже невозможно. Манштейн и прочие позднее дружно открещивались и утверждали, что они всё-всё-всё знали с самого начала. И все-таки с учетом приказа Гитлера не уходить из Сталинграда у немецких генералов не оставалось иного выхода, кроме как попытаться снова прорваться к городу. Однако прорываться было некому и не с

чем — сил в излучине Дона у немцев практически не осталось, поэтому Манштейн, которому поручили командовать операцией, был вынужден изворачиваться и собирать войска буквально по взводам.

Единственной реальной силой, имевшейся в его распоряжении, оказалась 6-я танковая дивизия генерала Рауса, которая закончила отдых и переформирование во Франции и прибыла на Восточный фронт. Этого было откровенно мало, поэтому мы будем просто вынуждены начать анализ реальной операции «Wintergewitter» с ее завершающей стадии. На Восточный фронт началась спешная переброска танкового корпуса СС в составе дивизий «Дас Райх» и «Тотенкопф». Гитлер надеялся, что Паулюс продержится достаточно долго и они успеют прорваться к Сталинграду. Но перевозка такого количества войск и техники дело долгое, и дивизии прибыли в район Харькова только во второй половине февраля 1943 года, когда в Сталинграде все уже закончилось. Однако давайте предположим, что все-таки... Мытарства 6-й танковой дивизии во время переброски в Котельниково хорошо описал ее командир генерал Раус, трудно поверить, чтобы по той же хилой железнодорожной ветке протиснулись еще две сильные дивизии, и все-таки давайте сделаем такое допущение.

Итак, 21 ноября 1942 года генерал Манштейн, находившийся в Витебске, получает приказ отправиться на юг в район катастрофы и там сформировать новую Группу армий «Дон», чтобы попытаться «вернуть позиции, ранее занятые немцами». Прибыв туда, Манштейн обнаружил почти 400-километровый разрыв

фронта и ошметки нескольких дивизий, пытающиеся что-то сделать. Верховное командование обещало ему к началу декабря 3-ю горно-стрелковую, 306-ю пехотную и 17-ю танковую дивизии — не слишком много. 27 ноября новая группа армий была создана, Манштейн получил свежесформированный LVII танковый корпус генерала Киришнера, штаб которого прибыл с Кавказа из 17-й армии, 6-я танковая дивизия, как мы уже говорили, вернулась из Франции, а 23-ю танковую дивизию забрали у 1-й танковой армии. Вот такой винегрет и должен был стать главной ударной силой Манштейна, причем в 23-й танковой осталось не более 70 танков. Обещанные три дивизии по разным причинам так и не появились, зато — зато! — Манштейн получил 5-ю и 8-ю румынские кавалерийские дивизии. Предполагалось нанести два удара: один из района Котельниково силами LVII танкового корпуса и из Нижне-Чирской силами XLVIII танкового корпуса генерала фон Кнобельсдорфа, но второй удар носил обеспечивающий характер. Предполагалось захватить переправы у Калача и открыть дорогу 6-й армии, не более того. Но этот корпус был заметно слабее, так как в него входили потрепанная 11-я танковая (около 70 танков), 336-я пехотная и 7-я авиаполевая дивизии. Боеспособность последней была более чем сомнительной, но другого под рукой не имелось. Этот корпус входил в состав поспешно сформированной армейской группы «Холлидт», которая, кроме всего прочего, при помощи румын должна была удерживать фронт на реке Чир, чтобы не допустить удара в тыл наступающему LVII танковому корпусу. Причем и здесь немцы не удержались

от соблазна нанести удар по расходящимся направлениям: 11-я танковая и 7-я авиаполевая дивизии шли на северо-восток к Калачу, а 336-я пехотная — на юго-восток вдоль реки Мышкова на соединение с LVII танковым корпусом.

Вдобавок план немедленно начал разваливаться, так как советский 1-й танковый корпус нанес удар во фланг едва успевшей развернуться 336-й пехотной дивизии и смял его. Положение спасла также успевшая подойти в последний момент 11-я танковая дивизия, она отбросила советские танки, однако о наступлении на этом участке пришлось забыть. Стало ясно, что генералу Холлидту нужно думать только о том, как удержать фронт на реке Чир. Но у Манштейна не оставалось иного выбора, как начать наступление, хотя и у него дела тоже пошли наперекосяк. 6-я танковая дивизия прямо на станции Котельниково была вынуждена вступить в бой с частями советского 4-го кавалерийского корпуса и, хотя одержала победу, понесла некоторые потери и не сумела передвинуть исходный рубеж наступления ближе к Сталинграду. В общем, только 12 декабря LVII танковый корпус начал наступление вдоль железной дороги, ведущей на Сталинград. Первый удар пришелся по частям советской 51-й армии, которые не выдержали и начали отходить. Собственно, это было сложно сделать, так как армия имела в своем составе пять стрелковых дивизий и один кавалерийский корпус, сформированный в Средней Азии. Боеспособность этих соединений нельзя было считать высокой.

Танки генерала Киршнера двинулись к реке Аксай-Есауловский, форсировали ее и вышли к се-

лению Верхне-Кумский. Однако уже на следующий день в районе Верхне-Кумского 6-я танковая дивизия столкнулась с 4-м механизированным корпусом, который возник совершенно внезапно, как чертик из коробочки, потому что на самом деле входил в 57-ю армию. Командир дивизии генерал Раус проявил незаурядную смекалку и с помощью оригинального тактического приема выиграл это танковое сражение, нанеся противнику серьезные потери. Однако на сей раз уже и сама дивизия понесла потери и потеряла день. Все это время 23-я танковая дивизия двигалась параллельным курсом справа, но в боях участия не принимала, зато левый фланг LVII танкового корпуса просто висел в воздухе.

В общем, положение немецкой ударной группировки выглядело все более и более сомнительным. Но в этот момент произошло то, что позволило Манштейну переломить ход сражения на своем участке фронта, — прибыла задержавшаяся 17-я танковая дивизия и, что гораздо важнее, танковый корпус СС обергруппенфюрера Хауссера, причем в составе обеих его дивизий имелись тяжелые танки «Тигр». Манштейн, не задумываясь, сразу бросил их в бой, но это «сразу» оказалось несколько отсроченным.

Впрочем, пока что общая ситуация складывалась для немцев плохо. Проблемы возникли там, где и следовало ожидать, — организовать полноценный воздушный мост немцы не сумели. Если командование Люфтваффе в Берлине считало снабжение 6-й армии по воздуху возможным, то командиры на местах — генералы Рихтгофен (4-й Воздушный флот) и Фибиг (VIII авиакорпус) — уже 22 ноября заявили,

что это невозможно. Командование 6-й армии требовало доставлять каждый день 750 тонн грузов (хотя даже этого было мало) и допускало кратковременное снижение до 500 тонн в день. Увы, Люфтваффе это было не по силам, хотя была собрана вся имеющаяся транспортная авиация, к работе привлекли даже самолеты, совершенно не предназначавшиеся для роли транспортных.

Но Гитлера и Геринга это не волновало. У них перед глазами стоял пример Демянского котла, где немцам удалось благополучно вывернуться. А потому эти двое не желали слушать никаких возражений.

Кстати, очень быстро выяснилось, что «отправить груз» совсем не означает «доставить груз». Командование советских ВВС очень тщательно организовало воздушную блокаду котла. Много самолетов было потеряно в дороге, а после того, как советские танки заняли аэродромы Питомник и Гумрак, грузы пришлось сбрасывать на парашютах, что еще больше снизило и без того небольшую эффективность воздушного моста.

В общем, операция по организации воздушного моста провалилась, за два с лишним месяца немцам лишь два раза удалось доставить 360 тонн за день, а в среднем получилось... Мало того, попытка организовать воздушный мост дорого обошлась Люфтваффе. Советское командование заявило об уничтожении 1065 немецких самолетов, что было преувеличением, но не слишком большим. На самом деле за этот период немцы потеряли 266 Ju-52 (треть всех имевшихся!), 165 He-111, 42 Ju-86, 9 FW-200, 5 He-177, один Ju-290. Тут уж никакие альтернативные варианты не

помогали, разве что чисто фантастические? Но мы ведь не об этом...

Несостоятельность воздушного моста, кроме совершенно очевидных последствий, имела и не столь явные. Дивизии 6-й армии стремительно теряли боеспособность и подвижность. Собственно, ни о какой подвижности уже через месяц не могло быть и речи, армия превратилась в толпу пехотинцев в самом буквальном смысле этого слова. Причем полуголодных, измученных и слабосильных пехотинцев. Отсиживаться в блиндажах и траншеях и кое-как отстреливаться они еще могли, но вот совершить многокилометровый бросок из Сталинграда — ни при каких условиях. Но не будем о грустном.

Собственно, пока что они ни о чем таком и не думали, они занимались другим. Совершенно неожиданно в штабе 4-й танковой армии разгорелась склока, сцепились генерал Киршнер и обергруппенфюрер Хауссер, которые никак не могли выяснить, кто кому подчиняется. Сам командующий армией генерал Гот тоже находился в двусмысленном положении — формально командовал операцией именно он, но фактически все приказы отдавал через его голову командующий группой армий Манштейн. Поэтому Гот не стал вмешиваться в склоку командиров корпусов, что в итоге вылилось в весьма странное предложение «координировать действия LVII танкового корпуса и Танкового корпуса СС». Впрочем, Хауссер не терял время попусту и успел разгрузить свои дивизии в Котельниково, дальше двигаться по железной дороге он не рискнул. Дивизия «Дас Райх» имела 120 танков, дивизия «Тотенкопф» — 100, однако их основной

силой были старые машины Т-III, хотя и перевооруженные новой 60-калиберной 50-мм пушкой. Танков Т-IV было мало, а «Тигров» — еще меньше, не более десятка в каждой дивизии, но немцы продолжали надеяться на магическую силу этих тяжелых танков. Несогласованность была основной характерной чертой действий немцев в этой операции, ведь, как мы уже говорили, та же 23-я танковая дивизия лишь наблюдала, как генерал Раус пытается прорваться к Сталинграду. При этом Манштейн даже успел протиснуть 17-ю танковую дивизию вперед эсэсовцев, хотя всерьез рассчитывать на ее оставшиеся 60 танков не приходилось. Но результатом всего этого стал кавардак, воцарившийся на станции Котельниково. Выяснилось, что действовать планомерно в чрезвычайной ситуации немцы не умеют, начинается лихорадочная суэта.

Однако и советское командование не сидело сложа руки. Параллельно с организацией воздушной блокады котла сразу были приняты меры по укреплению внешнего кольца окружения, о внутреннем особо волноваться не приходилось, плачевное состояние армии Паулюса не было секретом ни для кого. На помощь 51-й армии, которая так неудачно попыталась остановить 6-ю танковую дивизию, были двинуты 5-я ударная и 2-я гвардейская армии, кроме того, тут же находилась 5-я танковая армия. В целом ситуация оставалась несколько неопределенной, хотя шансы немцев на успех таяли буквально с каждым часом.

Лишь 17 декабря 6-я и 17-я танковые дивизии немцев сумели сломить сопротивление русских в районе Верхне-Кумского и продвинуться к реке Мышко-

ва. Но именно здесь они столкнулись с частями 2-й гвардейской армии генерала Малиновского (три гвардейских стрелковых корпуса) и застряли намертво. Подключение к атакам слабой 17-й танковой дивизии ничего не решило, немцам удалось форсировать Мышкову, однако они так и остались прижаты к мостам, захваченные клочки земли нельзя было назвать плацдармами даже при самой буйной фантазии. В довершение всех неприятностей возникает опасность на правом фланге ударной группировки, если ранее 23-я танковая дивизия лишь сопровождала ударный кулак, теперь ей приходится отражать атаки 13-го танкового корпуса. Кстати, он тоже взят из состава 57-й армии! Напомним, что левый фланг корпуса Киришнера по-прежнему прикрывают только румынские кавалеристы.

И в этот момент Манштейн бросает на стол своего козырного туза — Танковый корпус СС Хауссера, который наконец-то закончил выгрузку из эшелонов в Котельниково и выдвинулся к реке Аксай-Есауловский. При этом он совершенно игнорирует катастрофу, стремительно надвигающуюся с севера, ведь советские войска начали операцию «Малый Сатурн», фронт итальянской 8-й армии разваливался прямо на глазах, импровизированная армейская группа «Холлидт» была слишком слаба, чтобы удержать протяженную линию фронта на реках Чир и Дон. На итальянцев и румынскую 3-ю армию надежда была слабая. Но приказ Гитлера гнал войска Манштейна вперед. Наиболее предусмотрительным в этот момент показал себя генерал Гот, у которого в самый подходящий момент обнаружилось воспаление лег-

ких. Суровая русская зима, вы же сами понимаете... Поэтому он отбыл в Германию на лечение.

Так или иначе, но 19 декабря дивизии СС «Дас Райх» и «Тотенкопф» нанесли удар по советским войскам, закрепившимся на северном берегу реки Мышкова, используя мосты, захваченные танкистами генерала Рауса. Несмотря на все усилия, разрушить их артиллерия Красной Армии не сумела. Но при этом более важным оказался другой фактор — советское командование опередило немцев в развертывании сил, и теперь на этом рубеже танки Хауссера готовилась встретить 2-я гвардейская армия генерала Малиновского в составе двух гвардейских стрелковых и гвардейского механизированного корпусов: 6 стрелковых дивизий и 3 гвардейские мехбригады. Малиновскому также была передана 87-я стрелковая дивизия из резерва Сталинградского фронта, 4-й кавалерийский корпус из состава 51-й армии и 4-й мехкорпус из 57-й армии, то есть под его командованием объединялись все советские войска, развернутые на реке Мышкова. 51-я армия получала задачу оказать давление на правый фланг немецкой ударной группировки, на большее она пока не была способна.

Но остановить мощные эсэсовские дивизии не удалось. После тяжелых боев дивизия «Дас Райх» сумела отеснить 1-й гвардейский стрелковый корпус от берега реки в районе селения Нижне-Кумский и прочно закрепиться на северном берегу Мышковы. Дивизия «Тотенкопф», наступавшая через Капкинский, такого успеха не имела, однако оборона 87-й стрелковой дивизии, усиленной остатками 4-го мехкорпуса, была значительно ослаблена, и стало ясно,

что повторного натиска они могут не выдержать. Зато закрепившийся в Громославке 13-й гвардейский стрелковый корпус без труда отбил вялые попытки 6-й танковой дивизии форсировать реку, несмотря на то что ей был придан 39-й танковый полк из состава 17-й танковой дивизии. Это легко было понять, потому что дивизии были измотаны предыдущими боями.

20 декабря стало решающим днем в боях на Мышкове. В Верхне-Кумский, где располагался штаб Хауссера, ночью примчался сам Манштейн. Он приказал обергруппенфюреру либо прорваться к 6-й армии в течение одного дня, либо прекращать наступление, потому что ситуация на реке Чир продолжала ухудшаться. При этом оставалось совершенно непонятно, что собирается делать Манштейн после прорыва к Сталинграду. Дело в том, что 18 декабря Гитлер подтвердил свой запрет 6-й армии оставлять город, поэтому план операции «Donnerschlag» — прорыва из Сталинграда — повисал в воздухе. Впрочем, выяснилось, что и сам Манштейн совершенно не готов к выводу 6-й армии, тыловые службы наспех созданной Группы армий «Дон» просто не имели достаточного количества транспорта для доставки снабжения в котел по разбитым зимним дорогам, да и то, что имелось, застряло, не добравшись до Котельниково. Причина была совершенно очевидной: эшелонам Танкового корпуса СС был отдан высший приоритет, поэтому топливо, боеприпасы и продовольствие так и застряли где-то позади, в районе Тацинской и Лиховской, причем эти районы сейчас тоже перестали быть безопасными.

Поэтому Манштейну осталось лишь, скрипнув зубами, подписать приказ Паулюсу: «6-й армии в ближайшее время перейти в наступление согласно плану «Зимняя гроза». При этом необходимо предусмотреть в случае необходимости установление связи с LVII танковым корпусом и Танковым корпусом СС через реку Донская Царица для пропуска колонны машин с грузами». Говорить о том, что пресловутые машины пока благополучно торчат в районе в глубоком тылу, Манштейн не стал.

В этот день немцы нанесли второй мощный удар по войскам Малиновского, первыми не выдержали дивизии 1-го гвардейского стрелкового корпуса, которые начали поспешное отступление. Танки дивизии «Дас Райх» нависли над тылами 2-й гвардейской армии, а после того, как дивизия «Тотенкопф» повторила удар, была прорвана оборона и в районе Капкинского. Большую помощь танкистам оказали пикировщики III./StG 2, ведь, в нарушение обычных правил, они были напрямую подчинены так называемому Воздушному командованию «Дон», поэтому не возникало обычных трений между Люфтваффе и армией.

Фронт 2-й гвардейской армии просто рассыпался, но при этом 13-й гвардейский стрелковый корпус начал отход не на северо-восток к Сталинграду, а на восток к Гнилоаксайской в расположение 51-й армии. По пути корпус прошелся по тылам эсэсовцев, наделав немало переполоха. Дело в том, что на его пути совершенно неожиданно оказался штаб дивизии «Тотенкопф». Танки дивизии уже ушли вперед к Верхне-Царицынскому, и штаб оказался практически

без прикрытия. В результате короткого, но ожесточенного боя штаб был уничтожен, командир дивизии обергруппенфюрер Эйке погиб. Мало того, «отступающие» дивизии корпуса невольно нанесли удар с тыла 23-й танковой дивизии немцев и отбросили ее к Шестакову. В результате ударная группировка Манштейна окончательно оказалась висящей в воздухе, не имея прикрытия с обоих флангов. Но зато она выполнила свою задачу и вышла к Верхне-Царицынскому и Бузиновке, оказавшись всего в 10 километрах от кольца окружения. Теперь на пути Хауссера, который принял на себя командование обезглавленной «Мертвой головой», оставалась только 57-я армия.

Теперь самое время рассмотреть события, происходившие немного севернее. Мы не будем изобретать никаких альтернатив, здесь дела для войск Оси и так пошли хуже некуда. Еще 13 декабря Ставка выпустила директиву: «Операция «Сатурн» с выходом на рубеж Каменск — Ростов была задумана при благоприятной для нас обстановке, когда у немцев не было еще резервов в районе Боковский, Морозовск, Нижне-Чирская, когда танковая армия успешно наступала в сторону Морозовска и когда предполагалось, что удар с севера будет поддержан ударом с востока в сторону Лихой». Но теперь ситуация резко изменилась, и направление главного удара было изменено. Вместо выхода к Ростову, что теоретически позволяло отрезать все немецкие войска в Придонье и на Северном Кавказе, был намечен удар на Морозовский и Тацинскую, что позволяло уничтожить базы снабжения ударных сил Манштейна и, безусловно, подписывало смертный приговор 6-й армии Паулюса. Для этого

Юго-Западный фронт получил солидные подкрепления, в том числе два танковых и два механизированных корпуса, которым и предстояло сыграть главную роль в предстоящем наступлении.

Особых сомнений в успехе операции не возникало. Если ранее были разгромлены румынские армии, прикрывавшие фланги Паулюса, то теперь предполагалось нанести удар в полосе итальянской 8-й армии, боеспособность которой была ничуть не выше, и поспешно сформированной армейской группы «Холлидт». Единственной более или менее реальной силой на пути советских войск являлась потрепанная 11-я танковая дивизия. Разве можно было воспринимать всерьез 7-ю авиаполевую дивизию генерал-майора Клессмана?! Вместо положенных двух полков она имела всего лишь три пехотных батальона (ни одного полкового штаба!), батальон истребителей танков и артиллерийский батальон. То есть по численности эта дивизия не превышала пехотного полка, ну а сравнивать ее с каким-нибудь кадровым пехотным полком, имеющим за плечами три года войны, просто смешно.

Главный удар наносился с севера от Верхнего Мамона силами 1-й гвардейской армии. После прорыва обороны итальянцев на оперативный простор выходили сразу три танковых корпуса, которым предстояло наступать на юг. Навстречу им наступала 3-я гвардейская армия, и в результате сходящихся ударов итальянские войска оказывались в котле. Но это была лишь промежуточная цель, главным было последующее развитие успеха и выход к Тацинской, Лиховской, Морозовску. В этом случае единственная же-

лезная дорога, по которой велось снабжение Группы армий «Дон», оказывалась перерезанной на большом протяжении, и было непонятно, успеет ли спастись ударная группировка Манштейна. В случае успеха советские войска перекрывали ей пути отхода на запад, единственное, что оставалось немцам, — отступить на юг через калмыцкие степи к Салу и Манычу в сомнительной надежде на соединение с частями 4-й танковой армии, застрявшими на Кавказе. Не требовалось даже окружать эту группировку, дикая зимняя степь все прекрасно сделает сама.

Советское командование пошло на определенный риск, сосредоточив в полосе главного удара максимум сил. Например, на участке 1-й гвардейской армии участок в 100 километров занимали 2 стрелковые дивизии, тогда как ударной группировке из 5 стрелковых дивизий и 3 танковых корпусов были выделены 20 километров. Но этот риск был чисто теоретическим. Ожидать каких-то активных действий от итальянцев явно не приходилось, тем более что их единственными «ударными силами» были 12 танков Т-IV, переданных немцами.

В общем, можно удивляться только тому, что, когда 16 декабря началось советское наступление, итальянцы сумели продержаться целый день. Впрочем, во многом им помогла погода, которая полностью парализовала действия авиации, лишив советские войска поддержки с воздуха и разведки. Кстати, в эти дни практические бездействовал и немецкий воздушный мост. Но к 18 декабря фронт итальянцев был прорван в нескольких местах и развалился окончательно. В районе Алексеевско-Лозовское в окружение попали

пехотные дивизии «Пасубио», «Торино», «Им. принца Амедео, герцога д'Аосты» и приданная итальянцам немецкая 298-я пехотная дивизия. Недалеко от них в персональный котел попала дивизия «Сфорцеска».

В такой ситуации представитель Ставки А. М. Василевский принимает оригинальное решение. Он приказывает 57-й армии пропустить ударную группировку Манштейна в Сталинград, понимая, что выписывает еще двум немецким корпусам билет в один конец. Этому способствовала определенная организационная неразбериха, потому что 57-я армия генерала Толбухина, преграждавшая путь танкам Хауссера и Киршнера, несколько раз передавалась из состава Сталинградского фронта Донскому и обратно. Командующие Донским и Сталинградским фронтами К. К. Рокоссовский и А. И. Еременко не сразу согласились с его предложением, причины были вполне понятными. Но Василевский, не вдаваясь в пустые споры, просто воспользовался своей властью. Еременко бросился звонить в Москву, чтобы заручиться индульгенцией Сталина, но тот отделался уклончивым заявлением, что Василевский понимает, что делает. То есть в случае неудачного исхода операции с Василевского снимут голову, однако на вопрос о сохранности собственной головы Еременко определенного ответа так и не получил.

В результате, когда 22 декабря 6-я армия обозначила удар из кольца от Нового Рогачика на Бузиновку силами 14-й танковой дивизии, которая до этого располагалась в районе аэродрома Питомник, 38-я стрелковая дивизия не оказала особого сопротивления и отошла на юго-восток, кольцо окружения ока-

залось разомкнуто. Однако немецкие танки не сумели воспользоваться полученной свободой по вполне прозаической причине — у них не хватало топлива. Хотя в этом ударе участвовало не более 40 танков и двигались они по кратчайшему пути, то есть по прямой, они не сумели дойти до вожделенной Бузиновки и застряли в районе Средне-Царицынского. Первыми к ним подошли танки дивизии «Дас Райх», состоялась трогательная встреча братьев по оружию, после которой перед группенфюрером Кепплером во весь рост встал неприятный вопрос: а что, собственно, делать дальше? Бензовозы не шли в боевых порядках дивизии, ближайшая тыловая база осталась в Котельниково, вдобавок, как мы уже упоминали, не запланированный никем маневр 13-го гвардейского стрелкового корпуса спутал немцам все карты, полностью дезорганизовав работу тыловых служб, и подвесил их коммуникации в воздухе, так как 23-я танковая дивизия с задачей обеспечения фланга не справилась. Кепплер в панике запросил по радио Хауссера о дальнейших инструкциях, но командир корпуса в это время пытался восстановить управление дивизией «Тотенкопф» и не ответил. Попытка обращения в штаб LVII танкового корпуса тоже успеха не имела. Генерал Киршнер довольно раздраженно ответил, что у него хватает своих проблем, он должен пробиваться на Мариновку и при этом удерживать связь с частями армейской группы «Холлидт», поэтому пусть эсэсовцы выпутываются самостоятельно. В общем, к вечеру 22 декабря немцам удалось пробиться к котлу и образовать нечто вроде статичной завесы фронтом на юго-восток, начинавшейся у Верхне-Кумского.

У корпуса Хауссера еще оставались кое-какие запасы топлива, но их уже не хватило бы на то, чтобы вернуться в Котельниково, он мог лишь какое-то время удерживать позиции.

А в это время на северо-востоке складывалась еще более запутанная и неприятная ситуация. Итальянская 8-я армия была уничтожена в нескольких небольших котлах, практически не задержав советские танковые корпуса, которые сейчас рвались на юг. Удар 1-й гвардейской армии генерала Лелюшенко пришелся по позициям румынской 3-й армии и немецких частей генерала Холлидта. Румыны в панике бежали, и Холлидт мог полагаться только на немецкие дивизии. Однако 1-й гвардейский мехкорпус просто смахнул с дороги 7-ю авиаполевую дивизию, даже не заметив этого. 336-я пехотная дивизия пыталась удержать важный плацдарм и мосты в районе Верхне-Чирской, в надежде, что подойдут танки LVII корпуса, которые потом повернут на Калач и Мариновку. У самого Холлидта сил для наступления на Сталинград уже не было. 11-ю танковую дивизию он был вынужден поспешно снять с фронта и бросить к аэродрому в Тащинской, ведь советские танки угрожали в любой момент захватить этот наиважнейший пункт, после чего рушилась западная опора воздушного моста. Зато ему еще предстояло подумать о том, как заделать огромную брешь в линии фронта, образовавшуюся после исчезновения двух союзных армий.

Более того, проблемы Манштейна нарастали, словно снежный ком, катящийся с горы. Катящиеся на юг советские танковые корпуса представляли страшную угрозу для всего южного крыла немецкого фрон-

та. Если вдруг они повернут на Ростов, то возникнет опасность нового сверх-Сталинграда, в котором окажется уже почти миллион немецких солдат. Главное было даже не в том, что будут отрезаны пути отхода двум группам армий, удержать такую массу войск пара танковых корпусов, конечно же, не сумеет. Опаснее было другое — эти танки могли перерезать единственную железнодорожную линию, по которой доставлялось снабжение этих армий.

Собственно, в несколько меньших масштабах это уже произошло, когда 24-й и 25-й танковые корпуса стремительным броском вышли к Тацинской. Генерал Баданов в своих мемуарах пишет, что советские передовые танковые части застали немецкие огневые позиции и опорные пункты пустыми. Экипажи самолетов тоже были в своих бункерах. «Все мирно спали», — констатирует генерал. Согласно его воспоминаниям, сигнал к атаке подала минометная батарея. Несколько часов спустя жизненно важный центр снабжения окруженного Сталинграда пал без существенного сопротивления. Мало того, что был разгромлен основной аэродром, с которого велось снабжение Сталинградского котла, так была перерезана железная дорога от Ростова на Сталинград. Манштейн запросил подкреплений, но Гитлер ответил ему, что он уже получил Танковый корпус СС, который в одиночку способен переломить ситуацию. О том, что пора спасать самих эсэсовцев, Манштейн уже не рискнул заикаться.

Первая попытка отбить Тацинскую, которую предпринял по собственной инициативе генерал Холлидт, провалилась. 11-я танковая дивизия оказалась слиш-

ком слаба для этого. Тогда Манштейн пошел ва-банк. Он оставляет в районе Верхне-Чирской 336-ю пехотную дивизию и 23-ю танковую с приказом прикрывать тыл эсэсовцам, командование ими принимает генерал Киршнер. И все равно — северная стенка рукава, ведущего в Сталинград, выглядит по меньшей мере ненадежно. 6-я танковая дивизия — последнее мобильное соединение Манштейна, сохранившее реальную боевую ценность, передается Холлидту с приказом любой ценой выбить пробку у Тацинской. Одновременно Манштейн приказывает обергруппенфюреру Хауссеру самостоятельно прорываться в Котельниково, чтобы восстановить связь с тыловыми базами снабжения. Авантюра? Да. Но ничего иного имеющимися скудными силами Манштейн сделать не мог.

25 декабря начинается сражение за Тацинскую. Немецкими дивизиями командовали опытные и умные генералы Балк и Раус, которые сделали все, что было в их силах. В качестве «пехоты» они получили остатки 62-й дивизии — 183-й гренадерский полк, который был скорее обузой, чем помощью. И все-таки немцы добились определенных успехов прежде всего потому, что генералы Баданов и Павлов столкнулись с той же самой проблемой, что и Хауссер. У их танков почти кончилось горючее, тогда как у немцев еще оставались некоторые резервы. Поэтому к 28 декабря Балк и Раус сумели окружить Тацинскую, но ведь требовалось еще и ликвидировать эту язву. Первые попытки штурма провалились, хотя советские танковые корпуса оказались в окружении.

Началась битва за Тацинскую. Советские танкисты вели бой в полном окружении, отрезанные от своих основных сил. Генерал Ватутин отправил на помощь Баданову два моторизованных корпуса и две стрелковые дивизии, их встретила 6-я танковая дивизия, генералу Раусу какое-то время удавалось сдерживать натиск извне. Боеприпасы у окруженных корпусов таяли с ужасающей скоростью, поэтому 29 декабря генералы Баданов и Павлов принимают решение прорываться из кольца. В ночь на 30 декабря они сливают все оставшееся топливо в баки части танков и наносят удар навстречу частям 1-го гвардейского мехкорпуса. После ожесточенного боя им удается прорваться в направлении Ильинки и встретиться с подходящими подкреплениями. Корпуса понесли очень тяжелые потери, но главная задача рейда была выполнена — основная база снабжения 6-й армии в критический момент была парализована, и почти все собранные запасы были уничтожены. Вдобавок две танковые дивизии немцев были отвлечены с фронта.

Что в это время происходило на других участках так называемого фронта, больше напоминавшего подвижные участки боев времен Гражданской войны? Так называемого, потому что разрозненные участки боев и узлы сопротивления никак не походили на правильную линию фронта. Командир дивизии «Дас Райх» группенфюрер Кепплер принял почти такое же решение, как генералы Баданов и Павлов. Он собрал имеющееся топливо, заправил им часть своих бронетранспортеров и отправил их назад в Котельниково с приказом восстановить связь с тылом. Это немцам удалось без труда, особенно потому, что

никто им не преграждал дорогу. Да, это была одна из ошибок советских командиров — в суматохе, начавшейся после удара Танкового корпуса СС, никто не подумал о рейде на Котельниково в тот момент, когда эта база снабжения находилась под чисто символической охраной ошметков румынских дивизий. Поэтому панцер-гренадеры Кепплера без труда пробились туда. Но это был ложный успех, потому что главный маршрут, продолжавшийся на Тацинскую и Лиховскую, был перерезан далеко в тылу, и ударная группировка Манштейна могла рассчитывать лишь на те запасы, которые находились непосредственно в Котельниково. А их хватало в лучшем случае самим эсэсовцам, ни о каком обеспечении 6-й армии не могло быть и речи.

Но хуже было другое. Хауссер развернул свой корпус фронтом на юг, что было вполне логично, так как ему противостояли войска 51-й и 57-й армий. При этом он был уверен, что северный фас рукава держит группа Холлидта, хотя на самом деле этого северного фаса не существовало как такового. Имелась корпусная группа «Киршнер», застрявшая в Верхне- и Нижне-Чирской, корпусная группа «Холлидт» в Тацинской и еще дальше на западе только что сформированная группа «Фреттер-Пико». А вот единого фронта не было, и каждая группа была вынуждена действовать самостоятельно, решая свои собственные задачи. Собственно, в этот момент Манштейн понял, что ни о каком спасении 6-й армии уже не идет речи, нужно пытаться вытащить войска Группы армий «Юг», застрявшие на Северном Кавказе, и восстановить фронт, растаявший после уничтожения итальян-

ской 8-й армии. Поэтому он просто махнул рукой на происходившее в районе Сталинградского котла, но при этом не отменил ни одного из приказов Гитлера, правильно рассудив, что это будет наилучшим оправданием за все неизбежные провалы.

Командир LVII танкового корпуса генерал Киршнер был вынужден решать сложную проблему: как обеспечить северный фас рукава, ведущего к Сталинграду, и в то же самое время удержать фронт на реке Чир, имея в своем распоряжении всего две дивизии: 336-ю пехотную и 23-ю танковую. Иначе как жестом отчаяния не назовешь поспешное формирование так называемой «дивизии фон Штумпфельд» из эстонских полицаев и русских предателей, которую Манштейн подчинил ему. А в это самое время на данный узел сопротивления накатывалась 5-я танковая армия генерала Романенко — 8 стрелковых дивизий, танковый и кавалерийский корпуса, не считая прочих частей и соединений. Киршнер мог рассчитывать лишь удержать свои позиции, но не остановить этот прилив. Так, собственно, и произошло. По приказу А. Василевского генерал Романенко выделил заслоны, чтобы прикрыться от угрозы со стороны Верхне-Чирской, и повел главные силы армии в прорыв между этим пунктом и Калачом. То, что он мог встретить по пути, называлось 6-м румынским корпусом, но на самом деле остатки разгромленных 2-й и 18-й дивизий по силе не превышали пары полков, поэтому нет ничего удивительного в том, что советские войска не встретили серьезного сопротивления и легко вышли к реке Мышкова. Форсировав ее, 1-й танковый и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса

повернули к реке Аксай и форсировали ее в районе Генераловского. Киршнер, опасаясь окружения, поспешно оставил позиции на реке Чир, которые никто особо и не штурмовал, и отвел свои дивизии сначала к Морозовской, а потом и к Тацинской. Лишь там, соединившись с танковыми дивизия Холлидта, он сумел организовать подобие фронта. Прикрывать отход он оставил ту самую «дивизию фон Штумпфельд», и судьба ее оказалась печальной. 31 декабря 5-й механизированный корпус, приданный 5-й танковой армии, нанес удар по Верхне-Чирской и, несмотря на отчаянное сопротивление гарнизона, занял ее. В плен полицаев и изменников никто не брал.

В результате эсэсовцы Хауссера получили удар в спину в тот момент, когда совершенно этого не ожидали. Организовать заправку танков и бронетранспортеров немцы не успели, поэтому на остатках топлива они отошли к Средне-Царицынскому и Варваровке, где с помощью 14-й танковой и 29-й моторизованной дивизий Паулюса кое-как организовали оборону. Они даже были вынуждены бросить танки «Тигр», причем часть из них попала в руки советских солдат неповрежденными. Уцелела лишь часть полка «Дойчланд», который был послан в Котельниково. Он успел отступить еще дальше на юго-запад. В результате, когда к 5 января активные действия советских войск на этом участке фронта временно прекратились, выяснилось, что единственным результатом операции «Wintergewitter» стало небольшое расширение Сталинградского котла на юг. Манштейну не только не удалось спасти Паулюса, но хуже того, в котел были загнаны еще две лучшие немецкие танковые дивизии

СС — «Дай Райх» и «Тотенкопф». Остается вопросом, стоит ли принимать всерьез загнанные вместе с эсэсовцами в котел 5-ю и 8-ю румынские кавалерийские дивизии, потому что от них осталась лишь горстка солдат. Но с формальной точки зрения теперь в котле находились уже 27 дивизий Гитлера и его союзников!

Дальнейшее прекрасно известно. Хотя окруженные войска сопротивлялись с упорством обреченных, а советское командование не проявило особой изобретательности в борьбе с ними, больше сосредоточившись на развитии успешного наступления на запад, ко 2 февраля 1943 года операция «Кольцо» завершилась. В плен попало более 100 тысяч солдат, точное количество погибших остается неизвестным до сих пор. Из котла успели улететь генералы Хубе (командир XIV танкового корпуса) и Пикерт, а также обергруппенфюрер Хауссер. Генерал Гот, вовремя улизнувший с фронта, был направлен в резерв Генерального штаба, а фактически в отставку. Манштейн потерял благоволение фюрера, особенно после провала мартовского контрудара под Харьковом, который мог увенчаться успехом, если бы в нем участвовал Танковый корпус СС. Увы, его дивизии остались в Сталинградском котле. В результате попытка летнего наступления, предпринятая немцами с Орловского выступа (Курская дуга просто не образовалась), с треском провалилась, и вся летняя кампания 1943 года прошла под знаком наступления Красной Армии.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПРОХОРОВКА

Как хорошо известно, последней надеждой Гитлера на успех в Восточной кампании была операция «Цитадель» — летнее наступление под Курском, целью которого было срезать Курский выступ и уничтожить окруженные советские армии. Нет особого смысла детально рассматривать предысторию этой операции, скажем лишь, что многие немецкие генералы не разделяли надежд фюрера по одной-единственной веской причине — немецкая армия совершенно откровенно выдохлась, ей элементарно не хватало сил. Поэтому заявления того же Манштейна, что-де наступление получилось бы успешным, если бы его начали сразу после окончания Харьковской операции, то есть в апреле 1943 года, можно рассматривать лишь как очередную попытку очередного генерала спрятаться за хилую спину германского национального лидера. Мол, во всем виноват Гитлер, но не его генералитет. По нашему мнению, даже если бы наступление и началось в апреле, оно могло принести немцам в лучшем случае какой-то локальный успех. Однако фюреру этого было мало, ему требовался перелом характера войны на Восточном фронте! Вот отсюда и проистекала затяжная подготовка операции.

Манштейн требовал и другого. Он утверждал, что все танковые дивизии, необходимые для намечаемых ударов, находятся на западном фланге группы армий, поэтому их надо снять с рубежа реки Миус. Но менее всего Гитлер был готов создать возможность для большого оперативного успеха в духе плана Группы армий «Юг» путем отказа — хотя и временного — от Донбасса. На совещании в штабе Манштейна в марте в городе Запорожье он заявил, что совершенно невозможно отдать противнику Донбасс даже временно. Если Германия потеряет этот район, то лишится возможности обеспечивать сырьем свою военную промышленность. Прежде всего это касалось никопольского марганца, значение которого вообще нельзя выразить словами, потому что он был жизненно необходим для производства легированных сталей. Потеря Никополя (на Днепре, юго-западнее Запорожья) означала бы конец войны. Далее, как Никополь, так и Донбасс не может обойтись без электростанции в Запорожье. Результат — нужно удерживать все и везде. Фельдмаршалу оставалось только скрипнуть зубами и согласиться.

Далее Манштейн предлагал пересмотреть всю стратегию действий на Восточном фронте, исходя из того, что у вермахта осталось слишком мало сил для того, чтобы переломить ход войны. Вместо крупных стратегических операций он хотел проводить локальные наступления, но уже не с целью захвата территории, как это было в 1941 и 1942 годах, а лишь для того, чтобы нанести противнику максимальные потери и сорвать его генеральное наступление. Таким образом фельдмаршал надеялся свести войну на Вос-

токе к ничьей. Если он писал это искренне, можно было бы в очередной раз посмеяться над политической наивностью генералов. Однако Манштейн недаром считался одним из самых талантливых полководцев этой войны, и он сделал оговорку:

«Сейчас говорят, что мысль о ничейном результате на востоке уже в 1943 году была только мечтой. Мы не будем теперь говорить о том, было ли это действительно так. Мы, солдаты, не могли судить, существовала ли с политической точки зрения весной 1943 года возможность достичь соглашения с Советским Союзом. Если бы Гитлер был на это готов, то такая возможность, вероятно, полностью не была бы исключена».

Однако Гитлера не привлекала вся эта мышиная возня в виде «местных наступлений», «эластичной обороны», «изматывания противника». Ему требовалась не меньше чем очередная грандиозная победа. По его приказу вермахт начал готовить решительный контрудар под Курском, чтобы расквитаться за Сталинград, нанести очередное крупное поражение Красной Армии и доказать, что летнее наступление было, есть и навсегда останется прерогативой германской армии. Фюрер рассчитывал снова перехватить стратегическую инициативу. Предполагалось одновременными ударами с севера и юга срезать Курский выступ и загнать в котел полтора миллиона бойцов Красной Армии. Операция «Цитадель» должна была стать факелом для всего мира, как высокопарно объявил Гитлер. Впрочем, мы уже не раз имели возможность убедиться, что трескучие фразы и громкие названия слабо повышают боевую эффективность частей и подразделений.

Советское командование также неплохо подготовилось к началу немецкого наступления, и немцы натолкнулись на хорошо подготовленную, глубоко эшелонированную оборону. Говорят, что советская разведка поднесла своему командованию на блюдечке с голубой каемкой планы операции «Цитадель», но верится в это очень слабо. Разведка обоих противников продемонстрировала полную беспомощность за годы войны. Достаточно упомянуть такие катастрофические провалы, как неспособность советской разведки предсказать летнее наступление 1942 года на южном участке Восточного фронта или слепоту хваленого абвера, полностью прохлопавшего Белорусскую операцию 1944 года. Просто сама конфигурация линии фронта кричала: наступление начнется именно в районе Курской дуги! Поэтому я не думаю, что сообщения Николая Кузнецова стали большим сюрпризом для советского командования. И 5 июля 1943 года это наступление началось просто потому, что не могло не начаться.

Впрочем, в какой-то момент мелькнула интересная мысль. Все тот же Манштейн, зная о подготовке глубоких оборонительных позиций и обширных минных полей, предложил интересный вариант наступления: не пытаться срезать Курский выступ, а нанести удар прямо в лоб, прорвать позиции 60-й армии генерала Черняховского, прижать занимающие выступ армии к собственным минным полям и уничтожить. Кстати, вот еще один вариант альтернативного хода Курской битвы. Но Гитлер отверг этот план без размышлений.

В результате немцы в операции «Цитадель» изменили сами себе, отказавшись от тактики блицкрига, столько раз приносившей им успех. Вместо удара по уязвимым пунктам, прорыва обороны силами пехоты и ввода в прорыв подвижных соединений они использовали свои танковые соединения в качестве кувалды, которая должна была проломить советскую оборону. Фактически была возрождена концепция танка Первой мировой войны как орудия подавления обороны противника, грозные немецкие танки все как один превращались в *Sturmpanzer's*.

Кстати, Курская битва еще раз доказала, что на стратегическую разведку нельзя полагаться. Советская сообщила, что главный удар будет нанесен на северном фланге, где противнику была подготовлена теплая встреча. Зато немцы, более или менее точно оценив глубину советской обороны, даже не заподозрили о наличии Степного фронта, развернутого позади выступа. Собственно, эта ошибка была типовой для немецкой разведки, за всю войну она ни разу не сумела точно оценить численность советских резервов.

Поэтому совершенно неудивительно, что наступление на северном фланге развивалось очень медленно, застопорилось уже на третий день операции, а 10 июля войска Моделя окончательно остановились. Этот день можно считать окончанием операции «Цитадель», потому что план германского командования провалился. Однако наступление на юге продолжалось, хотя Манштейн был вынужден пересмотреть свои задачи. Он явочным порядком перешел к исполнению своего замысла и намеревался с помощью отборных эсэсовских дивизий навязать советским

войскам встречное танковое сражение и, используя техническое превосходство (новые тяжелые танки и гораздо более надежную и гибкую систему связи), нанести противнику как можно более тяжелые потери, что подорвало бы наступательные возможности Красной Армии. Поэтому дивизии Манштейна продолжали рваться вперед, хотя направление наступления было несколько изменено. Вместо удара навстречу армии Моделя Манштейн постарался вывести свои дивизии в район, более отвечавший изменившемуся замыслу. Открытая местность в районе Прохоровки идеально подходила для встречного танкового боя, в котором немцы могли использовать преимущества своих машин: мощные орудия и превосходную оптику.

Но все успехи танковых корпусов Манштейна очень походили на бег по болоту, они все глубже забирались в трясину. Мы уже говорили, что у немцев не хватало сил для проведения операции, и сейчас сложилась классическая картина — сильная ударная группировка уходила все дальше, а ее фланги прикрывали крайне слабые соединения. И очень интересно посмотреть, что могло произойти, если бы советское командование не поддалось на провокацию фельдмаршала и не ввязалось бы в кровавую мясорубку рядом с Прохоровкой, а постаралось, как и предписывают все учебники стратегии, подрезать немецкий клин у основания. Удар с севера рассматривать не стоит, оба противника по молчаливому согласию держали на Курском выступе минимум сил, а вот удар с юга заслуживает детального анализа.

Итак, ударный кулак Манштейна — 4-я танковая армия генерала Гота силами XLVIII танкового корпуса генерала фон Кнобельсдорфа и II танкового корпуса СС обергруппенфюрера Хауссера наступала на северо-восток в соответствии с уже провалившимся планом операции «Цитадель». Чуть южнее, но в том же самом направлении пыталась наступать армейская группа «Кемпф», точнее, ее единственное реально боеспособное соединение — III танковый корпус генерала Брейта. Первый удар танков генерала Брейта принес определенные успехи, но именно в этих успехах таилась главная опасность для немцев. Все больше и больше растягивался правый фланг группы «Кемпф», который прикрывали откровенно слабые корпусная группа «Раус» и XLII корпус генерала Достлера. Кстати, часто встречается утверждение, будто этим корпусом командовал генерал Маттенклотт, но это не так, 22 июня он отправился в отпуск, передав командование генералу Достлеру.

5 июля танки Брейта и пехота Рауса форсировали реку Донец и начали бои в глубине первой полосы обороны 7-й гвардейской армии. Продвижение шло медленно, гораздо медленнее, чем предусматривалось планом операции, но тем не менее немцы двигались вперед. А между тем генерала Рауса одолевали дурные предчувствия. Для обороны фронта на реке Донец имелся только XLII корпус, состоявший из 3 пехотных дивизий, причем одна из них — двухполкового состава. Зато ему выделили участок фронта протяженностью 145 километров! Далее правый фланг III танкового корпуса вдоль реки Нежеголь до Корочи, а это еще более 50 километров, должен был прикры-

вать корпус Рауса, который состоял из 2 дивизий. Из-за нехватки артиллерии Раус был вынужден использовать тяжелые зенитные батареи для огневой поддержки своей пехоты. В таких условиях немцы должны были вести себя тише воды ниже травы, но вдруг, чтобы ввести противника в заблуждение, пехота XLII корпуса накануне наступления обозначила активность в своем секторе...

Вот и предположим, что генералу Достлеру удалось обмануть советское командование, оно поверило, что немцы с какой-то непонятной целью наносят еще один удар на юго-восток, и командовавший Юго-Западным фронтом (а это происходило именно в его полосе) генерал Малиновский решил парировать его. Либо, как вариант, он отреагировал на основное наступление немцев классическим способом — попытался подрезать клин под основание. Сил у него для этого было достаточно, Малиновский мог просто перебросить в полосу 57-й армии генерала Гагена часть сил, а то и вообще всю 3-ю гвардейскую армию генерала Хетагурова, ведь было совершенно понятно, что на остальных участках Восточного фронта противник не предпримет ничего серьезного.

Главным препятствием в полосе наступления были не немецкие дивизии, а река Северский Донец. Однако войска генералов Брейта и Рауса сумели ее форсировать, значит, она не была такой уже серьезной преградой. И вот утром 10 июля, когда наступление немцев на северном фланге Курской дуги было окончательно остановлено, а на юге танки Манштейна еще двигались вперед, с колоссальным трудом прогрызая

советскую оборону, генерал Малиновский нанес свой удар. Причем после некоторых колебаний он решил наступать не от Шебекино, то есть прямо на стыке корпусов Рауса и Достлера, а южнее, в районе Чугуева, чтобы напрямую выйти к Харькову, который являлся основной тыловой базой Группы армий «Юг».

Удар пришелся как раз по самой слабой 39-й пехотной дивизии, которую, собственно, и дивизией было назвать сложно. Она имела в своем составе всего два полка и была сформирована в июле 1942 года в рамках программы «Валькирия-II» для замены дивизий, переброшенных с берегов Ла-Манша на Восточный фронт. К соединениям, сформированным в рамках этой программы, приклеилось нелестное прозвище «эрзац-дивизии». Генерал Хетагуров в первом эшелоне развернул 34-й гвардейский стрелковый корпус, то есть 3 дивизии, придав ему 5-ю гвардейскую механизированную бригаду. При этом генерал Малиновский предполагал в случае успеха бросить в прорыв части фронтового резерва — механизированный и два танковых корпуса.

Ну и если приходит беда, то, как говорится, открывай ворота. 39-я дивизия едва успела оправиться от потери одного командира (15 мая генерал-лейтенант Лёвенек ухитрился заехать на минное поле, где и погиб), как сейчас потеряла второго. Генерал-майор Хюnten попал под залп реактивных минометов и тоже погиб! Позиции 113-го гренадерского полка были прорваны буквально в первый же час наступления, и войска Хетагурова сумели закрепиться на западном берегу реки. Легкость, с которой все это было проделано, даже несколько озадачила советских генералов,

они заподозрили хитрую ловушку немцев и даже на какое-то время растерялись. Трудно было представить, что грозный бронированный кулак Манштейна стоял буквально на песке и южнее участка наступления фронт фактически лишь обозначался слабыми завесами. Однако после недолгих колебаний генерал Малиновский подтвердил свой приказ: продолжать наступление на Харьков!

И теперь уже в крайне сложном положении оказался командующий Группой армий «Юг» Манштейн. С одной стороны, Гитлер пока еще не отменил операцию «Цитадель»; с другой — уже было понятно, что первоначальный план провалился. И совершенно неожиданно возникла третья сторона медали: крупные силы русских неожиданно появились в тылу ударной группировки. Распутывать этот клубок у фельдмаршала времени не было, требовалось принимать решения немедленно, причем ошибка грозила непоправимыми последствиями. Надо полагать, кто-то наверху решил, что этих проблем немцам совершенно недостаточно, 10 июля союзники высадились в Сицилии. Непосредственно на операциях на Восточном фронте это пока не сказалось, но появление нового фронта в долгосрочной перспективе резко ухудшало положение Оси.

К этому времени все находящиеся в районе операции немецкие войска были брошены в бой, и их нельзя было просто так снять с линии фронта. Более того, наконец на фронте III танкового корпуса намечился определенный успех, появилась возможность совместно со II танковым корпусом СС окружить и уничтожить в треугольнике Гостищево — Ржавец —

Лучки 69-ю армию генерала Крученкина. Дивизия «Тотенкопф» сумела форсировать реку Псел и создать небольшой плацдарм, что позволяло продолжить наступление на Курск. Наверное, в этот момент Манштейн не раз поминал ласковым, незлобивым словом фюрера германской нации. Дело в том, что в распоряжении Группы армий «Юг» имелись достаточно сильные резервы — целый XXIV танковый корпус в составе 5-й танковой дивизии СС «Викинг» и 23-й танковой дивизии, но... Но! Этот корпус был вынужден сторожить пресловутый Миус-фронт и находился в районе Изюма, то есть не слишком далеко, но и не настолько близко, чтобы можно было просто приказать ему совершить марш и с ходу вступить в бой. Ах, если бы только чуть ранее Гитлер разрешил оставить Донбасс! В результате Манштейн приказал начать переброску дивизии «Викинг» в район Харькова, но при этом он даже не стал доводить до сведения командиров корпусов информацию о начале советского наступления на юге. «Цитадель» должны была продолжаться любой ценой!

День 11 июля поставил окончательный крест на плане «Цитадель», потому что советские войска нанесли несколько сильных ударов в полосе обороны немецкой 2-й танковой армии, то есть в тылу Орловского выступа. Возникла отдаленная, но вполне реальная угроза тылам 9-й армии Моделя, которая наступала на Курск с севера. Модель, как человек гораздо более осторожный, чем Манштейн, начал отводить свои войска на север, тем более что ему так и не удалось добиться сколь-нибудь заметных успехов.

III танковый корпус тем временем после тяжелых боев сумел сломить сопротивление советских войск и продолжал наступать на Прохоровку с юга через Ржавец. II танковый корпус СС такими же невероятными усилиями прокладывал себе дорогу к Прохоровке с запада. Советское командование бросило в бой 5-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую армии из состава Степного фронта и к вечеру 11 июня остановило танки Хауссера. Но главные события в этот день происходили все-таки на юге. XLII корпус Достлера не выдержал натиска и рассыпался. В результате вечером 11 июля 34-й гвардейский стрелковый корпус при поддержке 11-й танковой бригады вошел в Харьков, сломив сопротивление немецких тыловых частей. Генерал Малиновский, предвидя развитие событий, бросил им на помощь часть фронтового резерва — 1-й гвардейский механизированный и 2-й танковый корпуса, поставив им задачу занять оборону фронтом на юго-восток, потому что только оттуда могла подойти помощь. Перехватив железнодорожные линии в районе Харькова, советские войска полностью изолировали танковые корпуса Гота и Кемпфа. Обеспечить снабжение двух армий с помощью одного только автотранспорта немцы не могли. Вдобавок в руки советских войск попали все склады и ремонтные мастерские Харькова. Предвидя попытку удара с севера, генерал Малиновский передал в подчинение Хетагурову обе танковые бригады 57-й армии и обратился в Ставку с просьбой выделить ему дополнительные силы, так как создалась реальная возможность разгромить 4-ю танковую армию и армейскую группу «Кемпф». Нет, речь не шла о том, чтобы окружить эту

группировку, она была слишком сильной и слишком мобильной. Однако появилась возможность, перерезав линии снабжения, превратить танковые дивизии немцев в пехотные, ведь уже имелась масса примеров того, как немецкие танкисты бросали свои машины, израсходовавшие топливо. А подорвут они эти танки или нет — вопрос уже несущественный.

Поэтому на совещании, спешно проведенном ночью 11/12 июля, командующие Воронежским и Юго-Западным фронтами согласовали свои дальнейшие действия, изменив первоначальные планы. В значительно большей степени это относилось к Воронежскому фронту генерала Ватутина. Первоначально он планировал бросить в лоб танкам Хауссера 5-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковые армии, чтобы остановить эсэсовцев. Для удара по III танковому корпусу была поспешно сформирована сводная группа из двух механизированных и одной танковой бригады плюс одна стрелковая дивизия. Но теперь не имело особого смысла пытаться останавливать немцев, поскольку каждый новый шаг вперед означал для них еще один шаг в трясину. Чем дальше зайдут немецкие танковые дивизии, тем меньше шансов у них останется на благополучное возвращение. Поэтому Ватутин приказал генералам Жадову (5-я гвардейская армия) и Ротмистрову (5-я гвардейская танковая армия) только сдерживать натиск немцев, не пытаясь удержать любой ценой. Идеальным был вариант заставить Манштейна продолжать наступать, неся потери и расходуя топливо, запасы которого они пополнить не могли. Ну а фронтовой резерв (35-й гвардейский и 2-й гвардейский танковый корпуса) Ватутин перевел

на фланг армейской группы «Кемпф», развернув их на фронте корпусной группы «Раус». Он намеревался нанести еще один удар в направлении Харькова, теперь с северо-востока.

Не менее напряженно проходило совещание и в штабе Группы армий «Юг», на котором присутствовали Манштейн, Гот, Кемпф, Кнобельсдорф, Хауссер и Брейт. Они пытались решить, что, собственно, следует делать дальше. В результате после некоторых колебаний было решено начать отвод войск, однако для того, чтобы постараться удержать противника в неведении, по предложению Хауссера, на утро 12 июля был намечен удар ограниченными силами. Одновременно Манштейн приказал командиру дивизии «Викинг» обергруппенфюреру Гилле любой ценой отбить Харьков.

Поэтому первые бои на рассвете 12 июля начались юго-восточнее Харькова на рубеже Бисквитное — Рогань — Зеленый Колодезь. Гилле был достаточно опытным командиром, поэтому он не стал ломиться к Харькову, очертя голову, а выдвинул вперед разведывательную группу, которая и была остановлена. После этого Гилле развернул дивизию в боевые порядки и начал наступление, уповая на то, что за сутки русские не успеют подготовить нормальную оборону. Как мы уже говорили, ему противостояли 1-й гвардейский механизированный и 2-й танковый корпуса, но генерал Хетагуров развернул на этом направлении также 266-ю и 78-ю стрелковые дивизии. И хотя создать надежную линию обороны действительно не удалось, тем не менее были поставлены импровизированные минные поля, которые уже причинили так

много неприятностей немецким танкистам на Курской дуге. Вот этого сюрприза Гилле не ожидал, и в результате его главная ударная сила — 5-й танковый полк СС — уже к полудню перестала существовать. В его составе к началу операции числилось всего около 40 танков, причем четверть из них составляли танки Т-III и Т-IV старых моделей. В результате к вечеру наступление дивизии «Викинг» захлебнулось, и Гилле был вынужден радировать Манштейну, что не может прорваться к Харькову. Его пехота понесла серьезные потери в бесплодных атаках, особенно сильно пострадал эстонский добровольческий батальон, практически полностью уничтоженный.

Манштейн приказал подтянуть от Изюма 23-ю танковую дивизию и утром возобновить атаки, подчеркнув, что Харьков следует взять во что бы то ни стало. Однако ведь неспроста XXIV танковый корпус находился в резерве! Его дивизии были измотаны предыдущими боями и обескровлены. 23-я дивизия находилась не в лучшем состоянии, чем «Викинг», хотя имела целых 50 танков. Напомним, что дивизии, наступавшие на острие главного удара, имели по 100–110 танков, то есть были вдвое сильнее.

И что же делали эти дивизии 12 июля? После совещания с Хауссером Манштейн выбрал для демонстративного удара на Прохоровку с запада дивизию «Лейбштандарт». С юга должна была действовать 6-я танковая дивизия с приданным ей 503-м тяжелым танковым батальоном, то есть на обоих направлениях решил использовать тяжелые танки Т-VI. Фельдмаршал рассчитывал, что спровоцирует советских генералов на лобовой удар, после чего скажется пре-

восходство «Тигров» в огневой мощи, которое позволит им расстреливать советские танки издали. Однако развитие событий поставило в тупик сначала командовавших дивизиями бригадефюрера Виша и генерал-майора фон Хюнерсдорфа, а следом за ними и Манштейна. Когда немецкие танки рано утром после короткой артподготовки двинулись вперед, русские встретили их плотным огнем, что и предполагалось. Но это был в основном огонь противотанковых орудий. Да, на обоих направлениях были замечены советские танки, однако в крайне незначительных количествах. После того как немецкие танки изобразили остановку под огнем противника, русские танки двинулись вперед, но их маневр был столь же вялым и нерешительным, как и немецкий.

Ничего не понимающий Виш приказал своим танкистам повторить ложную атаку, и ее результат оказался довольно неожиданным. После некоторого замешательства русская пехота оставила первую линию окопов и подалась назад. Это нельзя было назвать отступлением, но все-таки немцы добились успеха, на который даже не рассчитывали. Виш поспешно связался с Хауссером и попросил ввести в бой новые силы, так как рассчитывал прорвать оборону, выйти в тыл советским войскам и соединиться с 6-й танковой дивизией, хотя Манштейн ничего подобного не планировал.

И Хауссер решился! Собственно, он уже показал себя достаточно своевольным командиром чуть ранее, во время битвы за Харьков, когда посмел послушаться самого Гитлера и оставил город вопреки прямому приказу фюрера. Вот и сейчас обергруппенфюрер решил

воспользоваться благоприятной, как он считал, тактической обстановкой, чтобы добиться максимального результата. Он приказал дивизии «Тотенкопф» прекратить отход и усилить атаку «Лейбштандарта». Дивизия «Дас Райх» должна была отходить, как и запланировано, потому что именно ее Манштейн намеревался использовать для атаки Харькова с севера, хотя это означало предварительный стокилометровый форсированный марш со всеми неизбежными последствиями: потерей части машин и главное — расходом драгоценного горючего, причем рассчитывать на пополнение запасов теперь не приходилось. Конечно, немцам могла помочь авиация, но именно в этот день небо затянули тяжелые свинцовые тучи, и немецкая авиация не проводила никаких полетов, даже разведчики остались на аэродромах. Впрочем, советская авиация в этот день также была крайне пассивна.

После некоторой паузы II танковый корпус СС снова пошел вперед. Однако теперь он встретил гораздо более упорное сопротивление, все-таки Ватутин не собирался безоговорочно отходить перед немцами, и теперь на пути эсэсовцев встали 29-й и 18-й танковые корпуса. При этом командующий 5-й гвардейской танковой армией генерал Ротмистров был связан категорическим запретом на любые активные действия без санкции Ватутина. Поэтому никакого встречного танкового боя не получилось, немцы были вынуждены в очередной раз прогрызать подготовленную оборону. Когда Манштейн узнал, какой сюрприз ему поднес один из подчиненных, он при-

шел в бешенство, тем более что события на юге принимали откровенно катастрофический оборот.

Войска генерала Хетагурова отбили и вторую попытку XXIV танкового корпуса прорваться к Харькову с юга. А вдобавок, как и предполагалось, 35-й гвардейский и 2-й гвардейский танковые корпуса нанесли удар по 320-й пехотной дивизии немцев и смяли ее. Теперь в немецкой обороне появился большой разрыв, который мог привести к катастрофическим последствиям. Отчасти выправить положение помогли действия генерала Брейта. В отличие от Хауссера он не рискнул нарушать полученный приказ и сейчас просто переориентировал 7-ю и 19-ю танковые дивизии на другое направление. Вместо отхода на юго-запад, к Белгороду, Брейт приказал им двигаться прямо на юг и нанести удар во фланг вклинившейся в оборону немцев советской группировке. В предыдущих боях эти дивизии понесли большие потери и сейчас имели в общей сложности не более 50 танков, но Брейт столь же оперативно придал им 228-й отдельный батальон штурмовых орудий. И вот в районе Шебекино действительно произошло встречное танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало до 200 танков и самоходок. Несмотря на почти трехкратное превосходство, 2-й гвардейский танковый корпус был разбит и понес большие потери, но в то же самое время и немцы не добились поставленной цели. Дивизии генерала Брейта не сумели ликвидировать вклинение советских войск. Генерал фон Функ, командир 7-й танковой дивизии, сообщил командиру корпуса, что не может пробиться к Харькову и рекомендует начать отход на запад.

Пытаясь исправить положение, генерал Раус придал 106-й пехотной дивизии свое единственное танковое подразделение — 905-й батальон штурмовых орудий — и приказал повторить удар. Но эта попытка привела лишь к тому, что части корпусов Брейта и Рауса перемешались между собой и начали совместный беспорядочный отход на запад. Положение немцев стремительно ухудшалось, потому что теперь возникла серьезная угроза окружения ведущей бои 6-й танковой дивизии. В результате генерал Брейт командовал общим отход, пытаясь вывести свои части из намечающегося котла.

Как всегда бывает в подобных случаях, любое действие проигрывающей стороны, даже самое разумное, ведет только к ухудшению ситуации. Отступающий корпус Брейта оказался на пути дивизии «Дас Райх», и в результате все планы Манштейна полетели кувыркком. Более того, к вечеру 12 июля ситуация на фронте немецкой 4-й танковой армии осложнилась настолько, что генерал Гот потребовал срочного разрешения на отвод всех войск, потому что теперь корпуса XLVIII танковый и II танковый СС оказались внутри узкого клина, который можно было перерезать в любой момент. И вдобавок, как и следовало ожидать, в дивизиях «Лейбштандарт» и «Тотенкопф» начала ощущаться нехватка топлива. Боеприпасы еще имелись в тыловых службах, но топливо предполагалось доставлять из Харькова, который сейчас прочно удерживал генерал Хетагуров.

В результате Манштейну пришлось забыть обо всех своих планах и заняться распутыванием петли, которая грозила затянуться на шее 4-й армии. Фельд-

маршал в очередной раз доказал, что он обладает ледяным хладнокровием и способностью мгновенно оценивать ситуацию. Поскольку все это происходило недалеко от его полевого штаба, он сам примчался на место происшествия. Вмешательство Манштейна помогло восстановить порядок, вдобавок он приказал 6-й и 7-й танковым дивизиям Брейта присоединиться к «Дас Райх», чтобы вместе штурмовать Харьков. После недолгих колебаний он также принял решение о немедленном отводе застрявших под Прохоровкой эсэсовских дивизий. Прикрывать отступление было приказано XLVIII корпусу Кнобельсдорфа, у которого Манштейн отобрал 11-ю танковую дивизию. То есть теперь армии Хетагурова, занимавшей Харьков, предстояло выдержать два последовательных сильных удара: сначала боевой группы «Брейт» (6-я, 7-я танковые дивизии и «Дас Райх»), а затем II танкового корпуса СС, усиленного 11-й танковой дивизией. Но у Манштейна не было выбора, любой ценой ему нужно было получить в свое распоряжение железнодорожную магистраль. Этой же ночью фельдмаршал имел резкий разговор с генералом Зайдеманом, командовавшим VIII авиакорпусом. Он потребовал, чтобы летчики любой ценой обеспечили поддержку удара на Харьков. Зайдеман, которого буквально трясло после пережитого ужаса — его штаб располагался в Харькове, и генерал едва успел удрать до появления советских танков, — сразу согласился. И хотя здесь возникли определенные трудности, так как с полевого аэродрома в Грайвороне командовать было не слишком удобно, все-таки немецкие летчики со своей задачей справились.

Зайдеман не стал размениваться на мелочи, и на рассвете 13 июля по Харькову нанесли удар одновременно StG 2, StG 77 и SG 1. После этого на штурм пошли танки генерала Брейта, к которым присоединили торчавшую в тылу 168-ю пехотную дивизию. Она имела только половинную численность, но сейчас это была столь необходимая для штурма города пехота. Немцами двигало отчаяние, и в результате после ожесточенных боев, понеся тяжелые потери, к вечеру они ворвались в Харьков, заняв северную часть города. Но этого было мало, требовалось освободить весь город.

Штаб Малиновского не сразу отреагировал на отчаянные просьбы Хетагурова, но это не его вина. Прежде всего ошиблась Ставка, не придав особого значения боям на юге. Советское Верховное командование было твердо уверено, что главные бои разыграются на севере под Прохоровкой, а события на юге не имеют особого значения. Поэтому все резервы направлялись генералу Ватутину.

14 июля немцы возобновили штурм Харькова, 207-я истребительная авиадивизия, которую советское командование выделило для прикрытия войск Хетагурова, не сумела сдержать немецкую авиацию. С северного фаса Курской дуги ночью была переброшена StG 1, и теперь три эскадры пикировщиков под прикрытием JG 52 начали прокладывать дорогу танкам. На этот раз 34-й гвардейский корпус не выдержал, и Харьков уже в четвертый раз за три месяца перешел из рук в руки. Опять главную роль в занятии города сыграли эсэсовские дивизии. Манштейн немедленно приказал начать восстановление желез-

нодорожного узла, задействовав для этого все имеющиеся средства, саперные подразделения не только армейского подчинения, но и собрать все корпусные и дивизионные.

А на севере командующий Воронежским фронтом генерал Ватутин напрасно ждал нового наступления немцев в направлении Прохоровки. Когда ему сообщили об отводе немецких войск, он решил, что это не более чем обманный маневр и на самом деле Манштейн только перегруппировывает силы перед новым решающим ударом. Позиции эсэсовцев заняла дивизия «Гроссдойчланд», но при этом ее командир начал, согласно приказу Манштейна, медленный отход на юг.

В конце концов советские генералы не выдержали соблазна, и 14 июля 5-я гвардейская танковая армия все-таки нанесла удар по немцам. Это странным образом совпадало с желаниями Манштейна, однако теперь удар советских танков встречали совсем не те силы, на которые он рассчитывал. Бой произошел на полпути между Прохоровкой и Лучками. Танковый полк «Гроссдойчланда» с помощью 52-го танкового батальона, пусть и потерявшего от поломок половину своих «Пантер», все-таки сумел сдержать наступление. Дело в том, что генерал Ротмистров практически в первые же часы наступления потерял управление войсками, его корпуса вступали в бой поодиночке. В результате 29-й и 18-й танковые корпуса понесли потери, лишившись 200 танков из 360 имевшихся утром. Немцы потеряли уничтоженными и поврежденными около 40 машин. Положение спас 2-й гвардейский танковый корпус из армии Жадова, который

был спешно переброшен к месту боя. Немцы не выдержали натиска и отступили, оставив поле боя.

Это позволило на следующий день отремонтировать значительное количество поврежденных танков, что, однако, не спало генерала Ротмистрова. Он был отстранен от командования армией. Как позднее писали историки: «Основной причиной высокой убыли танков и невыполнения задач 5-й гвардейской танковой армией явилось неправильное использование танковой армии однородного состава, игнорирование приказа Наркома обороны СССР № 325 от 16 октября 1942 г., в котором был аккумулирован накопленный за предыдущие годы войны опыт применения бронетанковых войск. Распыление стратегических резервов в неудачном контрударе оказало существенное негативное влияние на итоги завершающего этапа Курской оборонительной операции». От более серьезных неприятностей Ротмистрова спасли действия 5-й гвардейской армии Жадова, которой удалось оттеснить XLVIII танковый корпус Кнопельсдорфа, что позволило объявить этот бой безусловной победой. Но главную роль сыграли, разумеется, действия Юго-Западного фронта под Харьковом. Хотя генералу Малиновскому и не удалось изолировать войска Манштейна, его контрудар полностью сорвал все планы немецкого фельдмаршала. Сначала он отказался от наступления на Курск, которое было навязано ему Гитлером, а потом провалился и его собственный план обескровить советские войска. Если бы вместо одной дивизии «Гроссдойчланд» танки Ротмистрова встретил II танковый корпус СС, результат мог бы оказаться просто ужасным.

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

В результате поспешного отступления немцы были вынуждены бросить большое количество поврежденной техники. Даже временная потеря единственной железнодорожной ветки привела к серьезным последствиям, хотя, если бы 3-я гвардейская армия сумела удержать Харьков, три немецких танковых корпуса лишились бы всех своих танков просто по причине отсутствия топлива. Но даже достигнутый половинчатый успех позволил советскому командованию практически без задержки перейти в наступление и на южном фланге Курской дуги. На севере операция «Кутузов» началась 12 июля, а на юге советские войска перешли в наступление уже 20 июля.

ГЕРМАНИЯ С ГИТЛЕРОМ И БЕЗ НЕГО

Весьма любопытной развилкой в истории Германии могло бы стать любое из успешных покушений на Гитлера. Но, увы, все они с треском провалились. Говорить о довоенных попытках правых, левых и полусредних не имеет смысла, в этом случае война почти наверняка не началась бы, и сказать что-то определенное о путях развития истории Европы просто невозможно. Единственное, что могло быть реализовано — так это любимая тема ополоумевших от переизбытка патриотизма фантастов: война Единой Европы, а то и Объединенных Наций против СССР, хотя такое было возможно только после **неспровоцированного** нападения Советского Союза на Польшу и Германию. Негитлеровская Германия войну не развяжет, при всем желании взять реванш за Версаль, а вот про Сталина такого не скажешь. Вспомним, что даже вторжение в Финляндию вызвало крайне резкую реакцию мирового сообщества, если бы к этому времени основные игроки на мировой шахматной доске не увязли по уши в войне, результат мог оказаться более чем неожиданным. Однако даже здесь следует сделать одну оговорку. Это был явно не тот повод, который президент Рузвельт мог бы использовать для

вовлечения Соединенных Штатов в войну, да и американские интересы все это не особо задевало. Впрочем, агитаторы, заходящиеся бешеной пеной при одном только упоминании проклятого Пиндостана, но обучающие своих детишек, конечно же, во всяких там гарвардах и йелях, здесь со мной, разумеется, не согласятся.

Гораздо интереснее варианты успеха покушений, предпринятых в годы войны. Речь идет о покушении фон Трескова 13 марта 1943 года и о знаменитом покушении фон Штауффенберга 20 июля 1944 года.

Прежде всего следует отметить, мягко говоря, осторожность, которую проявляли заговорщики. Не очень понятно, чего они хотели больше — устранить фюрера или, в первую и главную очередь, уцелеть самим. Как ни странно, но почти до самого конца в ставке Гитлера никто офицеров не обыскивал и оружие у них никто не отбирал. Казалось бы, чего уж проще — доставай личный «вальтер», и всю обойму в проклятого диктатора! Так ведь нет же! Почему-то избираются хитрые и ненадежные адские машины, которые закладываются туда и сюда (кстати, без особых проблем! Вот так Гитлера охраняли) и не срываются. И ведь не скажешь, что заговорщики люди трусливые, тот же фон Штауффенберг свое мужество на фронте доказал. Или мы имеем дело с достаточно распространенным явлением: вражеские пулеметы — это вещь совсем нестрашная, а вот неудовольствие начальников никак не пережить? Как ни относишься к народовольцам, но в марте 1881 года они прекрасно понимали, на что идут, и не колебались. То же самое можно сказать и о Каляеве, убившем великого кня-

зя Сергея Александровича. Впрочем, зарубежные покушения также удавались, если исполнитель думал об успехе покушения, а не о гарантиях собственной безопасности. Леон Чолгош, убийца американского президента МакКинли, никак не мог рассчитывать на спасение. Гаврила Принцип, Владо Черноземский или Мехмет Али Агджа тоже не питали никаких иллюзий относительно своей судьбы. А вот германские генералы как-то не рвались восходить на Голгофу. Понятно, что «вальтер» в изуродованной левой руке Штауффенберга будет смотреться дико, но полковник вполне мог взорвать бомбу без всякого замедления. Однако он так не поступил.

Почему мы выбрали именно эти два даты: март 1943 года и июль 1944-го? Потому что стратегическая картина войны, какой она представлялась немецким генералам в эти моменты, различалась кардинально. Итак, март 1943 года. Только что завершилось последнее успешное наступление вермахта, Харьковская операция. Советским войскам нанесен тяжелый удар, хотя немцы очень сильно преувеличивали его значение, ни о каком коренном переломе на Восточном фронте не могло быть и речи. Немцы начали подготовку наступления на Курской дуге, положение на Средиземноморском театре оставалось сложным, но далеко не безнадежным. Сложно сказать, насколько искренним был оптимизм немецких генералов перед последней попыткой генерального наступления, однако он все-таки имел место быть.

И совершенно иная ситуация сложилась к июлю 1944 года. Прежде всего, это разгар операции «Багратион». Советские войска ведут успешное наступление в Белоруссии, Группа армий «Центр» превращена в

пыль, фактически перед Красной Армией открылась прямая дорога в Польшу и далее на Берлин. Союзники к этому времени уже высадились в Нормандии, и хотя их первые действия были не совсем удачными, тем не менее Германия получила то, что всегда было кошмаром ее военного командования, — второй фронт. Авиация союзников начинает массированные бомбардировки немецких городов, Битва за Атлантику к этому времени проиграна окончательно и бесповоротно. То есть положение Германии к этому времени стало откровенно плачевным, и в этот момент...

А что в этот момент? Здесь нам придется немного отвлечься от дел чисто военных и попытаться проанализировать роль Адольфа Гитлера в государственном механизме и общественной жизни Германии. И если присмотреться повнимательней, то без труда можно обнаружить, что Третий рейх был государством одного человека. Не первым, к слову сказать, вспомните хотя бы империю Александра Македонского. Она ведь после смерти основателя не просуществовала и трех дней, диадохи сразу перегрызлись между собой, договариваясь, кому что достанется, тут империи и конец пришел. Или та же империя Чингисхана... Заметьте, что **обе** гнилые демократии поменяли своих правителей в годы Второй мировой войны, однако это никак не повлияло на политику Соединенных Штатов и Великобритании и на действия их армий. А вот Третий рейх, несмотря на наличие официально назначенного преемника — Германа Геринга, все равно оставался государством одного человека. И наличие официального преемника сильно осложняло задачу «вчерашних», так можно назвать, заговорщиков: отставной обер-бургомистр Лейпцига Герде-

лер, отставной фельдмаршал Витцлебен, отставной генерал-oberст Бек. Собственно, единственной крупной фигурой из действующих военных, поддержавших заговорщиков, был командующий оккупационными войсками во Франции генерал Штюльпнагель, который вдобавок оказался единственным, кто начал было активные действия.

Может показаться, что второй из предложенных вариантов совершенно фантастичен, но я бы поостерегся выносить столь категорические суждения. Вспомните, что происходило в Кремле и вокруг него после смерти Сталина. Если бы в этот момент у действующих лиц прямо под рукой оказались бы верные войска, смена диктатора вполне могла вылиться в вооруженную междоусобицу. Ну а про устранение Берия я уже вообще промолчу. Ведь в Москву танки ввели! И только если бы этот «величайший шпион всех времен и народов» не проглядел первый же заговор против себя, если бы его не ослепила самоуверенность, верные ему войска МВД/МГБ вполне могли схватиться с армейскими частями.

Следует также сказать несколько слов о настроениях немецких генералов. Да, они поддерживали Гитлера, особенно в период военных успехов Германии, но нет свидетельств того, что старая аристократия и кадровые военные питали к нему особо теплые чувства. Скорее всего, просто мирились и терпели выскочку ефрейтора. Но когда читаешь нечто вроде: «В конце 1943 генерал фон Тресков попросил фельдмаршала Эриха фон Манштейна, который высоко ценил его как способного штабного работника, перевести его в штаб Группы армий «Юг», рассчитывая на

то, что это также поможет ему в организации покушения. Однако Манштейн, зная о ярко выраженных антинацистских взглядах фон Трескова, отказался удовлетворить его просьбу», невольно берет оторопь. Да не был Манштейн ни фашистом, ни антифашистом! Он был всего-навсего германским фельдмаршалом. Зато когда положение Германии пошатнулась, отношение генералов к Гитлеру резко ухудшилось. И уж совершенно смешной выглядит попытка приплести Роммеля к антигитлеровскому заговору. Это бывшего начальника личной охраны Гитлера! Между прочим, ни одного прямого или даже косвенного доказательства его причастности к заговору не имеется. Просто в обстановке паранойи, охватившей Германию после 20 июля 1944 года, малейших сомнений в лояльности хватало для смертного приговора.

Дело в том, что профессиональные военные понимали, что затягивание войны ведет лишь к новым жертвам, но ее исход предрешен, никакие крики о «тотальной войне» и «чудо-оружии» результата не изменят. Однако они в подавляющем большинстве своем предпочитали помалкивать. И если бы Роммель-42, герой Тобрука, услышал о заговоре, не сомневаюсь, он тут же нашел бы способ известить «компетентные органы». Но Роммель-44 предпочел промолчать, как и Клюге-44. В результате простое бездействие привело обоих фельдмаршалов к печальному концу.

Альтернатива-1

Итак, 13 марта 1943 года Гитлер прилетел в Смоленск на совещание в штабе Группы армий «Центр». Причина для этого имелась: немецкие войска под ко-

мандованием фельдмаршала Моделя только что завершили операцию «Буффель» — отход с Ржевского выступа. Они выровняли линию фронта, и положение на этом участке стабилизировалось. В это же самое время завершилась и другая успешная операция немцев на Восточном фронте — контрнаступление Манштейна под Харьковом. В общем, у немецкого командования имелись основания для оптимизма, однако требовалось выработать план дальнейших действий, но для этого требовалось личное присутствие фюрера, потому что уже давно никто не смел ничего предпринимать без его одобрения.

Но именно в это время группа заговорщиков из числа армейских офицеров решила совершить очередное покушение на Гитлера. Главным действующим лицом его был полковник Хеннинг фон Тресков. Как все это было сделано, сегодня точно не известно, потому что все участники событий погибли. Предположительно фон Тресков или его единомышленники, сотрудник абвера Ханс фон Донаньи и лейтенант Фабиан фон Шлабрендорф, сумели подложить бомбу в самолет Гитлера. Предполагается, что это могла стать «посылка» для их общего знакомого генерала Хельмута Штифа. Но вместо коньяка в ящике находилась бомба с химическим взрывателем. Фон Шлабрендорф сломал ампулу с кислотой, и теперь следовало лишь дождаться, пока она разъест медный стерженек и освободит взрыватель. Единственное неудобство таких взрывателей заключается в том, что точная регулировка времени взрыва невозможна. В данном случае предполагался взрыв через полчаса.

Два самолета FW-200 «Кондор» с Гитлером и его охраной вылетели из Смоленска. Взрыв произошел уже в районе Каунаса — из-за низкой температуры кислота действовала гораздо слабее, чем предполагалось. Но, так или иначе, желаемый результат был достигнут. Взрывом был разрушен фюзеляж самолета, и он рухнул на землю, никто из находившихся на борту не спасся.

Немецкое командование впало в столбняк, Гитлер слишком долго и старательно приучал своих генералов к мысли, что буквально все крупные и мелкие решения принимает только он. В результате генералы, оставшись без руководящей и направляющей силы, растерялись, хотя военная машина по инерции катилась дальше, в частности, продолжалась подготовка к операции «Цитадель», но при этом фюрер так и не успел подписать решающую директиву.

Еще больше осложняла положение немцев внезапно вспыхнувшая свара в политическом руководстве. Как мы уже говорили, официальным преемником Гитлер назначил Геринга, и после смерти фюрера толстый Герман принял на себя обязанности главнокомандующего вермахтом и рейхспрезидента. Рейхсканцлером был назначен Йозеф Геббельс. Склока началась, когда свои претензии высказал Гиммлер, который больше не хотел довольствоваться вторыми ролями и захотел выйти на первые. Однако все первые роли были заняты. Попытка спекулировать войсками СС оказалась бесполезной, армейское командование давно точило зуб на постоянно набирающие силу Ваффен СС, которым доставалось лучшее вооружение и техника. Вот и сейчас совершенно

внезапно Гудериан, который занимал вроде бы номинальный пост инспектора бронетанковых войск, потребовал ограничить передачу новых тяжелых танков дивизиям СС и направить «Тигры» и «Пантеры» в армейские танковые дивизии. Министерство вооружений и лично Шпеер поддержали его, попытки Гиммлера протестовать успеха не имели. От Гиммлера уплыла и должность начальника Верховного командования сухопутных войск (ОКН), освободившаяся после смерти Гитлера, армейская верхушка выступила против него единым фронтом, после чего ее члены перегрызлись между собой. Многие хотели видеть на этом посту Манштейна или Роммеля, зато против выступили Кейтель и Йодль, которые опасались, что яркий и энергичный командующий сухопутными войсками оттеснит в сторону эти посредственности, даром, что ли, Кейтель получил язвительное прозвище Лакейтель. В результате снова из нафталина был вынут Гальдер, хороший, квалифицированный, аккуратный генерал, но... Но без искры гения. Хотя в одном вопросе немецкие верхи были совершенно едины: никаких переговоров, никакого мира на выдвинутых союзниками условиях.

Дело в том, что еще в январе 1943 года на конференции в Касабланке принцип безоговорочной капитуляции нацистской Германии был выдвинут президентом США Рузвельтом и принят главами правительств США и Великобритании. Парадоксально, но советское руководство медлило высказаться по этому поводу. Да, имелись трескучие лозунги типа «Враг будет разбит, победа будет за нами», однако четкого заявления об условиях завершения войны Сталин до сих пор не

сделал. То, что территория Советского Союза должна быть очищена от захватчиков, подразумевалось само собой, а дальше? Лозунг «Добьем фашистского зверя в его логове!» пока еще оставался в будущем. А в Германии слишком силен был миф о так называемом «ударе в спину», из-за которого страна потерпела поражение в Первой мировой войне, и немцы были полны решимости не допустить повторения этого.

Еще больше запутала ситуацию внезапно вспыхнувшая распря между Гиммлером и Кальтенбруннером. Свежеиспеченный шеф Управления имперской безопасности решил воспользоваться удобным случаем и окончательно оттереть в сторону рейхсфюрера СС. При помощи Геббельса, который всегда относился к Гиммлеру очень плохо, он сумел добиться передачи себе службы безопасности СД. В общем, при отсутствии ярко выраженного лидера (Геринг был харизматичной фигурой, но не обладал и тенью гитлеровского авторитета) германское руководство немедленно превратилось в стаю пауков в банке. Чем грозит подобное положение в военное время, да еще если ход войны принимает откровенно неблагоприятный оборот, совершенно очевидно.

В результате всех этих разногласий и противоречий летнее наступление 1943 года сорвалось, даже не начавшись. Модель, который командовал группировкой на Орловском выступе, был категорически против наступления вообще. Манштейн, возглавлявший южную ударную группировку, поддерживал идею наступления, хотя и с массой оговорок. В общем, получилась иллюстрация к известной басне Крылова. С одним только принципиальным различием: если

раньше Гитлер мог своим волевым решением пресечь все споры и заставить лебеда, рака и щуку действовать по единому плану, то теперь это было невозможно. Геринг не обладал нужным авторитетом, да и не особо стремился ввязываться в дела армейские.

В результате в тот самый момент, когда нужно было сосредоточить все силы на решении одной задачи, немецкая военная машина пошла в разнос. Нет, на фронте армии продолжали действовать умело и жестко, военные заводы продолжали штамповать танки и самолеты, но была потеряна сверхзадача. Слишком много противников было у летнего наступления, и слишком много вариантов этого наступления было предложено. Гитлер мог положить конец любым спорам в одно мгновение, чего сейчас не мог сделать вообще никто. В результате продолжалась подготовка к некой абстрактной «летней кампании», целей и смысла которой сейчас не представлял никто. А ведь сейчас буквально каждый день был на вес золота, недаром же Манштейн требовал начинать наступление немедленно, если его решено вообще начинать.

Однако отсутствие железной воли (или ослиного упрямства) Гитлера сразу сказалось на общей ситуации — Манштейн сумел продавить оставление криворожского «балкона» для сокращения линии фронта. Оно было проведено успешно, немецкие войска оставили за собой выжженную пустыню, и теперь следовало приступить к выполнению второй части плана немецкого Верховного командования: дожидаться наступления Красной Армии, чтобы измотать и обескровить наступающие группировки. Кстати, никто не замечает ядовитого зерна, заложенного в основу это-

го плана. Ну остановили, а дальше что? Ждать следующего наступления? И удастся ли остановить его? Обороной войны не выигрывают, а к лету 1943 года наступательные возможности вермахта были окончательно подорваны, а тут еще над головой подобно топору постоянно висит угроза высадки союзников на континент. В общем, ситуация — не позавидуешь.

И еще одна очень важная деталь. За все шесть лет войны стратегическая разведка лишь один раз сумела угадать, где именно будет нанесен удар, во всех остальных случаях действия противника оставались тайной за семью печатями. Союзники пропустили удар немцев в Арденнах и в 1940-м, и в 1944 году, немцы поочередно прохлопали наступление под Сталинградом в 1942 году, в Белоруссии в 1944 году, высадку в Нормандии, советская разведка не сумела сказать ничего внятного о планах немцев в 1941 году, не предупредила о летнем наступлении вермахта в 1942 году, и так далее до бесконечности. Единственным исключением было наступление под Курском, но там заслуга разведки минимальна, сама конфигурация фронта диктовала такой способ действий, не оставляя немцам никаких иных вариантов. Вот и сейчас предугадать, где именно Красная Армия нанесет удар, было для немецкой разведки задачей непосильной. И действительно, где могло начаться наступление?

Не угадали немцы и в этот раз. Манштейн сумел убедить всех, что основное наступление начнется на южном крыле фронта, в районе Донбасса. Именно там были сосредоточены основные танковые резервы, в том числе танковые дивизии СС, выделенные для несостоявшегося наступления. Вероятной счи-

талась попытка ликвидации Орловского выступа, но это наступление должна была парировать 9-я армия фельдмаршала Моделя. Хотя Манштейн и предполагал возможность наступления на фронте Группы армий «Север», этот вариант считался наименее вероятным. Однако именно здесь и было решено нанести удар силами Западного и Калининского фронтов с целью освободить Смоленск, что оказалось для немцев неожиданностью. Видя, что ожидаемое наступление немцев так и не начинается, для усиления удара Ставка взяла часть сил из состава резервного Степного фронта. И хотя операция «Суворов», начавшаяся 5 июля 1943 года, не увенчалась ожидаемым успехом, это наступление вынудило немецкое командование перебросить на север часть сил с Орловского выступа, прежде всего LVII танковый корпус Лемельсена. Между прочим, уже одно название говорит о значении, которое придавал Сталин этому наступлению. Ранжировка совершенно четкая: операция «Суворов», операция «Кутузов», операция «Румянцев».

Но большим сюрпризом, как для советского командования, так и для рядовых солдат, стало поведение противника. Нет, немцы не думали сдаваться без боя, но их сопротивление стало каким-то формальным, как предписывает устав, и не более того. Упорство и ожесточение, которые немцы демонстрировали во время боев под Сталинградом, куда-то исчезли. 10 июля союзники высадились в Сицилии, что еще больше осложнило положение Германии, потому что было ясно — вслед за этим последует высадка в самой Италии. Поэтому, не дожидаясь нарастания проблем на Средиземноморском театре, немецкое командо-

вание отправило туда II танковый корпус СС, раз уж операция «Цитадель» не состоялась. В результате все планы союзников в Италии могли полететь под откос, ведь эсэсовские дивизии появились бы там не потрепанными и обескровленными в предыдущих боях, а наоборот — свежими и полными сил. Как следствие — высадка союзников в Анцио принесла бы не неудачу, а настоящую катастрофу. Но в любом случае это всего лишь локальный успех, и судьба войны решалась совсем не в Италии.

Что же в это время происходило на Восточном фронте? А там происходило постепенное отступление немецких войск, которые продолжали огрызаться, но не более того. Вслед за операцией «Суворов» последовала операция «Кутузов», в ходе которой был освобожден Орел, причем план создания котла на Орловском выступе провалился потому, что немецкие войска начали откатываться назад при первом же серьезном натиске и бежали чуть быстрее наступающих советских танков. Операция «Полководец Румянцев» также завершилась успешно, Харьков был освобожден, и опять сопротивление немцев было не слишком упорным и затяжным. Почему происходило все это? Объяснение простое. Солдаты и младший офицерский состав слишком привыкли в ответ на любой вопрос орать «Хайль Гитлер!» и сейчас просто растерялись. Оказалось, что воевать не за что. Защищать родной Фатерланд на берегах Днепра? Ну не смешите. А кричать «Хайль Геринг!» как-то не хотелось. Вермахт потерял внутренний стержень, волю к борьбе и теперь просто исполнял свои обязанности, в результате чего наступление Красной Армии резко

ускорило. Она вышла на старые границы Советского Союза уже к зиме 1943 года и появилась вполне реальная перспектива окончания войны в 1944 году. И если в 1943 году вопрос о капитуляции Германии даже не поднимался, то в 1944 году он вполне мог появиться на повестке дня. «Умеренные» фашисты, вроде Геринга и Бормана, могли попытаться откупиться головами «твердолобых» типа Гимmlера, Кальтенбруннера, Штрайхера ради того, чтобы спасти то, что можно было спасти. Другой вопрос, что получилось бы из такой попытки и кто вообще стал бы договариваться с Германией в 1944 году. Вопли советских пропагандистов о том, что Черчилль и Рузвельт спали и видели, как бы поскорее договориться о мире с Гитлером и тут же начать совместную войну против Советского Союза, оставим на том, что у них называется совестью.

То есть результатом устранения Гитлера в 1943 году будет продолжение войны, хотя сопротивление немецких войск резко ослабнет. Но при сохранении у власти фашистов никакой речи о немедленном прекращении войны быть не может, хотя тот же Геринг вполне способен капитулировать, когда союзные войска войдут на территорию Германии.

Альтернатива-2

А вот этот вариант представляется гораздо более интересным, но и в то же время и гораздо более запутанным. Положение Германии к лету 1944 года стало критическим, и хотя политическое руководство продолжало делать бодрые заявления насчет тотальной войны и чудо-оружия, которое все изменит в мгно-

вание ока, полагаю, у военного руководства иллюзий уже не осталось. Ну а самоослеплению политиков удивляться не следует, вспомним, что рейхспалач Генрих Гиммлер до самого последнего момента верил, что с ним кто-то собирается вести переговоры.

Итак, что же произошло в четверг, 20 июля 1944 года, в ставке Гитлера «Вольфшанце» недалеко от Растенбурга в Восточной Пруссии? На очередном совещании по различным вопросам должен был выступить полковник граф фон Штауффенберг, начальник штаба армии резерва, с докладом о формировании двух новых дивизий и подготовке их к отправке на Восточный фронт. Штауффенберг намеревался подложить бомбу, взрыв которой покончил бы с Гитлером.

Ирония судьбы также заключалась в том, что план «Валькирия» был утвержден лично Гитлером! Этот план, разработанный совершенно официально, предусматривал меры по переходу управления страной к штабу резерва сухопутных войск в случае внутренних беспорядков, если связь с ОКВ будет нарушена. По планам заговорщиков, именно на Штауффенберга была возложена задача по установлению связи с командирами регулярных воинских частей по всей Германии после планируемого покушения на Гитлера и отдаче распоряжений об арестах руководителей местных нацистских организаций и офицеров гестапо.

Но с самого начала у заговорщиков кое-что пошло наперекос. Предполагалось, что на совещании будут присутствовать Геринг и Гиммлер — их не было. Время совещания было сдвинуто на полчаса вперед, а доклад Штауффенберга сокращен по времени. Генерал-майор Хеннинг фон Тресков и его подчинен-

ный майор Иоахим Кун, военный инженер по образованию, подготовили для покушения два взрывных устройства, которые Штауффенберг положил в свой портфель. Перед началом совещания полковник раздавил плоскогубцами ампулы с кислотой, приведя в действие химические взрыватели обеих бомб (заметьте, самый ненадежный тип взрывателя), находящихся в его портфеле. Бомбы должны были взорваться через 30 минут после этого. Кстати, взрывчатка была английской, хотя англичане даже не подозревали, что оказались случайно замешаны в покушении на фюрера. Эта взрывчатка принадлежала захваченным британским агентам и была взята со складов абвера. Остается неизвестной степень участия во всем этом бывшего начальника абвера адмирала Канариса, ведь он был снят со своей должности еще в феврале 1944 года. Но нельзя исключить возможность того, что адмирал хотел получить дополнительную страховку, создав ложный заграничный след, так как анализ продуктов взрыва мог раскрыть происхождение взрывчатки.

Штауффенберг пришел на совещание вместе с фельдмаршалом Кейтелем, а его адъютант фон Хефтен и начальник связи вермахта генерал Фелльгибель остались ждать его в помещении узла связи.

Погода была жаркой, и совещание перенесли из бетонного бункера в легкий павильон, стоящий в парке. Еще одна неприятность — это значительно ослабляло воздействие ударной волны. Они вошли в барак, где уже находились офицеры и куда вскоре пришел сам Гитлер. На столе были разложены карты: слева — Восточного фронта, справа — карта Южного фронта,

а на середине стола — карты Центрального и Северного фронтов.

Штауффенберг приветствовал Гитлера и поставил портфель на пол, прислонив его к правой ножке стола, немного поговорил с генералом Буле и вышел из помещения к узлу связи под предлогом необходимости разговора по телефону с Берлином. За это время обсуждение вопроса о положении на Южном фронте закончилось, и Гитлер подошел к середине стола, где находилась карта Центрального фронта. В это же время генерал Буле вызвал Штауффенберга, так как хотел ему передать какие-то распоряжения. Полковник Брандт, которому мешал портфель Штауффенберга, просто оттолкнул его ногой и не стал передвигать, поэтому бомба так и осталась рядом с фюрером.

Когда Гитлер наклонился над столом, а Буле также подошел к этому столу, последовал взрыв. Гитлер был буквально разорван на куски, погиб стоявший рядом с ним фельдмаршал Кейтель, погибли генералы Шмундт и Кортен, тяжелые ранения получил генерал Йодль. В результате кроме фюрера германской нации этим же взрывом был обезглавлен вермахт, так как погибли начальник ОКВ и начальник оперативного отдела штаба. Мало того, погиб стоявший рядом с Гитлером заместитель начальника штаба сухопутных войск генерал Хойзингер, фактически возглавлявший этот штаб по причине болезни генерала Цейтцлера. Генерал Кортен был начальником штаба Люфтваффе, поэтому в деятельность этой организации тоже на время был внесен хаос. Несмотря на все шероховатости, создалась идеальная исходная ситуа-

ция плана «Валькирия»: Гитлер мертв, а вермахт оказался обезглавлен.

Немедленно после взрыва Штауффенберг, Фелльгибель и Хефтер выехали на автомашине на аэродром, не узнав подробности о результатах произведенного покушения. Но настоящий хаос в Германии начался, когда стало известно об успехе покушения. Как немедленно выяснилось, менее всего были готовы к успеху операции «Валькирия» сами заговорщики. После убийства Гитлера планировалось сформировать временное правительство: Бек должен был стать главой государства (президентом или монархом), Герделер — канцлером, Витцлебен — Верховным главнокомандующим. Задачами нового правительства были заключение мира с западными державами и продолжение войны против СССР, а также проведение демократических выборов внутри Германии. Герделер и Бек разработали более подробный проект устройства новой старой Германии, основываясь на своих монархических взглядах. В частности, они полагали, что народное представительство следует ограничить (нижняя палата парламента будет формироваться в результате непрямых выборов, а верхняя, в которую войдут представители земель, — вообще без выборов), а главой государства должен быть монарх. Помилуй бог, какой монарх?! Возвращение Гогенцоллернов на престол было форменным вздором, никто их не понял бы и не принял. Это лишь еще раз подтверждает определение заговорщиков как вечно вчерашних. Точно таким же вздором выглядела и попытка заключить мир на Западе, чтобы продолжить войну на Востоке. Если с Германией не желали вести переговоры

в 1943 году, то летом 1944-го это было невозможно в принципе.

То, что последовало дальше, описать сложно, хотя, между прочим, имелся вполне реальный исторический прецедент. Это произошло в другом государстве; которое, как и гитлеровская Германия, было империей одного человека. Мы говорим, разумеется, о мятеже генерала Мале. В октябре 1812 года он бежал из тюрьмы и единолично с помощью фальшивых бумаг сумел убедить гарнизон Парижа в том, что Наполеон погиб в России. В результате Мале выбрал сам себя председателем сената и главой Франции, мимоходом арестовав министра полиции Савари. Военный министр генерал Кларк бежал из Парижа, префект департамента Сены граф Фрошо подчинился Мале. Но все закончилось так же быстро, как и началось. Во время визита в штаб-квартиру военного правительства Парижа он был схвачен благодаря решительности шефа батальона (майора) Секуан де Лаборда. И тем не менее полдня бывший заключенный правил Францией. При всей анекдотичности этот случай очень хорошо показал, насколько хрупкой является империя одного человека, настоящий колосс на глиняных ногах, готовый рухнуть при первом же толчке. Тем более что положение Франции осенью 1812 года очень сильно напоминало положение Германии летом 1944 года.

Во всяком случае, происходившее в Берлине очень сильно напоминало парижские события. Когда Штауффенберг прибыл к командующему армией резерва генералу Фромму и попытался его убедить подписать приказы войскам, чтобы привести в действие

план «Валькирия», Фромм начал медлить и мямлить. Спешно вызванный по телефону фельдмаршал Витцлебен не сумел убедить его, Фромм вполне резонно заявил, что не собирается подчиняться отставному офицеру. Участник заговора генерал Ольбрихт сумел поднять по тревоге батальон пехотной школы и занять Дом радио, чтобы обеспечить передачу программного заявления, один взвод был направлен на помощь Штауффенбергу.

Охранный батальон под командованием майора Ремера отправился нейтрализовывать министров, хотя сам майор о заговоре даже не подозревал. Он просто исполнял приказ, как и положено нормальному немецкому офицеру. Однако дело застопорилось на первом же министре — докторе Геббельсе, все-таки колченогий Йозеф недаром руководил Министерством пропаганды. Он сумел переубедить майора и остался на свободе, но сам не знал, что делать дальше, так как по линии связи СС из «Вольфшанце» сообщили, что Гитлер мертв.

События понеслись прихотливым зигзагом. Ольбрихт и Штауффенберг подняли по тревоге учебные танковые роты в лагере недалеко от Берлина и приказали им выдвигаться в столицу «для подавления мятежа, поднятого войсками СС». Но глава СД Кальтенбруннер, узнав об успехе покушения, поднял по тревоге караульный батальон дивизии СС «Адольф Гитлер». В результате танкисты столкнулись с эсэсовцами, и начался бой, причем каждая из сторон была искренне убеждена, что сражается с заговорщиками. Давно и тщательно скрываемая неприязнь между

войсками СС и вермахтом вспыхнула, точно сухое дерево.

Одновременно с этим командующий войсками в оккупированной Франции генерал Штюльпнагель отдал приказ об аресте представителей СС, СД и гестапо в Париже. Это оказалась самая успешная операция 20 июля, без единого выстрела было арестовано 1200 человек, включая руководителя СС в Париже генерал-майора СС Карла Оберга. После этого Штюльпнагель помчался в штаб командующего Группой армий «Д» фельдмаршала фон Клюге, чтобы убедить его присоединиться к заговору, начать активные действия против верных покойному фюреру частей СС и открыть фронт англо-американским войскам. Но и здесь активный участник заговора столкнулся с пассивным неповиновением, Клюге не хотел принимать ни ту, ни эту сторону, отговариваясь сложным положением на фронте.

По мере того как известие о смерти Гитлера распространялось по Германии, страна постепенно превращалась в большой сумасшедший дом. Командующий Группой ВМС «Запад» адмирал Кранке, штаб которого также находился в Париже, приказал подчиненным ему морским подразделениям направить часть сил в Париж для подавления мятежа. Не мог остаться в стороне Герман Геринг, который своей властью остановил переброску в Италию 20-й штурмовой дивизии Люфттваффе и приказал ей готовиться к наступлению на Берлин, одновременно подняв по тревоге части зенитных дивизий, развернутых вокруг столицы. В конце концов, пока еще не был отменен указ Гитлера о том, что его официальным преемни-

ком является рейхсмаршал. С этим был категорически не согласен Генрих Гиммлер, который решил, что наконец-то настал его час, тем более что его Ваффен СС пылали желанием показать армейским изменникам, кто чего стоит. Но единственное, что он сумел найти сразу, — это остатки 9-й панцер-гренадерской дивизии «Гогенштауфен», которые после понесенных потерь были сведены в один полк. Все-таки войска снимать с линии фронта Гиммлер не решился, зато, вспомнив историю формирования дивизии «Тотенкопф», он приказал немедленно мобилизовать охрану концлагерей.

В результате сложилась следующая ситуация. В самом Берлине и вокруг него шли вялые стычки между частями армии резерва, которых поддержала полиция, выполнявшая приказ генерала Небе, примкнувшего к заговору, и частями СС. С северо-запада из Дании на Берлин начала наступать 20-я штурмовая дивизия Люфтваффе. С запада, с границы с Францией, наступала дивизия СС «Гогенштауфен», по дороге присоединяя к себе солдат «черных СС». Сводный полк моряков адмирала Кранке двигался на Париж, который готовилась оборонять 116-я танковая дивизия, направленная туда по приказу Клюге, который оказался, что называется, на горячей сковородке. Дело в том, что его подчиненные — командующий 5-й танковой армией генерал Эбербах и командующий 7-й армией обергруппенфюрер Хауссер — смотрели друг на друга точно волки, и здесь вырвалась наружу неприязнь между СС и вермахтом!

Все это играло на руку союзникам. Напомним, что в июле 1944 года была в разгаре операция «Багра-

тион», только что завершилось уничтожение немецкой 4-й армии в районе Минска, и войска маршала Рокоссовского продолжали наступать на запад. Фельдмаршал Модель отчаянно пытался сделать хоть что-то, чтобы залатать огромную дыру в Восточном фронте, но в самый критический момент командованию вермахта вдруг стало совершенно не до событий, происходящих на фронтах. А на Западном фронте обстановка также начала стремительно ухудшаться, поскольку 24 июля американская 1-я армия генерала Брэдли начала операцию «Кобра» и прорвала немецкую оборону в районе города Сен-Ло. Посыпался и Западный фронт.

Самым страшным для немцев в этой ситуации оказалась именно потеря единого командования. Если на Западе еще сохранилось подобие порядка, так как там руководство операциями осуществляло Верховное командование «Запад» во главе с фельдмаршалом Клюге, то руководство действиями на Восточном фронте было утеряно в критический момент, ведь здесь первую скрипку играло ОКВ, а Кейтель и Йодль погибли. И это произошло тогда, когда требовались быстрые и решительные действия в связи с крахом Группы армий «Центр». Но в результате на головы командующих армиями и группами армий посыпались противоречивые приказы сразу с нескольких сторон. Геринг и Гиммлер объявили себя преемниками Гитлера и, вообразив себя спасителями отечества, принялись командовать, не имея даже отдаленного представления о ситуации на фронте. Приказы принялся отдавать и формальный глава заговорщиков генерал-oberst Бек, объявивший себя рейхсканцлером. Хотя

его и Витцлебена никто не собирался слушать, их выступления вносили свою долю путаницы. Генерал Гудериан, занимавший сугубо административную должность инспектора танковых войск, попытался командовать от имени ОКВ, так как болевший генерал Цейтцлер по-прежнему оставался вне игры.

Окончательно запутали ситуацию события в Берлине. Бои между эсэсовцами и резервными частями не приносили успеха ни одной из сторон, и, как это часто бывает, все решилось за кулисами. Временно нейтрализованный доктор Геббельс сумел договориться с оказавшимися поблизости генералами: тем же Гудерианом и коротавшими время в отставке фельдмаршалами фон Боком и фон Манштейном. Эти люди в отличие от Витцлебена, Бека, Ольбрихта и других заговорщиков в генеральских чинах обладали реальным авторитетом. Они все вместе надавили на командующего армией резерва Фромма, в руках которого оставалась реальная сила, находившаяся в этот момент в Берлине, и тот не выдержал. 25 июля по его приказу были арестованы и тут же расстреляны основные заговорщики: Штауффенберг, Бек, Витцлебен, Герделер, Фелльгибель и другие рангом поменьше. Геббельс выступил по радио с сообщением о восстановлении порядка, что, к сожалению, совершенно не отвечало планам Геринга и Гиммлера, которые к этому времени уже начали маленькую локальную войну между собой, пытаясь выяснить, кто именно будет дальше наступать на столицу рейха. При этом Кальтенбруннер категорически отказался подчиняться новоявленной военной хунте, заявив, что будет поддерживать Гиммлера, хотя ни секунды

не собирався этого делать. Финалом этого бардака стал арест гросс-адмирала Деница. Он явился в штаб Клюге, чтобы попытаться предотвратить столкновения между частями адмирала Кранке и генерала Штюльпнагеля. Клюге, который до сих пор так и не заявил официально о своей позиции, предпочел на всякий случай изолировать гросс-адмирала, известного своими прогитлеровскими настроениями. Итак, словно мало было всего прочего, был обезглавлен и военно-морской флот.

Все это не могло не сказаться на положении на фронте. На востоке Группа армий «Север» после прорыва в Белоруссии оказалась подвешенной в воздухе, вдобавок она сама в это время потерпела поражение в ходе Вильнюсской операции Красной Армии. Советские армии вышли к берегам Рижского залива, возникла реальная угроза окружения Группы армий «Север» в Эстонии и Латвии. Генерал-oberсту Фриснеру предстояло решить непростую задачу: как спасти свои дивизии, причем решать предстояло самостоятельно. Никакой помощи и совета из Берлина, в силу упомянутых выше обстоятельств, ждать не приходилось. Вдобавок произошло то, чего давно следовало ожидать, — солдаты 16-й армии, находившейся на южном фланге Группы армий «Север», были поражены эпидемией «котлобоязни». И поскольку железная воля Гитлера, сдерживавшая и солдат, и генералов, исчезла, 16-я армия просто в панике бежала на запад. Советские войска беспрепятственно вошли в Ригу, отрезав 18-ю армию и армейскую группу «Нарва». Весь северный участок Восточного фронта просто растаял, брешь шириной 400 километров заделать

было уже невозможно, тем более что северный фланг Группы армий «Северная Украина» тоже начал колебаться.

Отсутствие сдерживающего фактора сказалось и на том, что окруженные войска не проявили привычной стойкости. Командующий 16-й армией генерал Лаукс, принявший командование котлом на себя, растерялся под потоком противоречивых приказов: держать позиции, сократить линию фронта, прорываться в Курляндию — и в результате просто капитулировал, освободив 2-й и 3-й Прибалтийские фронты для дальнейших операций. Советское командование решило воспользоваться исключительно благоприятной ситуацией и повторить то, что делали немцы в 1941 году. На основе 5-й гвардейской танковой и 11-й гвардейской армий была сформирована мобильная группа, которая получила приказ наступать в направлении Ольштын — Торунь — Познань, обходя с севера Варшаву. Если бы этот маневр удался, возникала прямая угроза Берлину. 1-й Белорусский фронт должен был наступать, не ввязываясь в затяжные бои и обходя узлы сопротивления, через Белосток на Варшаву.

А тем временем продолжались разборки между различными немецкими группировками. Геринг, используя численное превосходство, сумел остановить и отбросить ударную группу Гимmlера, но при этом сам безнадежно потерял темп. Оказавшийся в полной изоляции генерал Штюльпнагель решил, что для него единственным спасением является капитуляция перед союзниками, ведь Гимmlер обещал его повесить, а Геринг — расстрелять. Ничего хорошего не

следовало ждать и от стихийно возникшей в Берлине военной хунты. Поэтому Штюльпнагель поспешно объявил Париж открытым городом и постарался связаться с генералом Брэдли, попросив того как можно быстрее ввести войска в город. Фельдмаршал Клюге все никак не мог решиться ни на что, хотя постепенно склонялся к мысли подчиниться возглавившему хунту фон Боку. В то же время никак не могли договориться между собой Эбербах и Хауссер, Хауссер пытался связаться с Гиммлером, Эбербах ссылался на Клюге. А в результате чего обе армии начали довольно быстрое отступление на северо-восток к границе Германии. Немцы могли только порадоваться, что из этой сложной головоломки выпала фигура фельдмаршала Роммеля, который буквально неделю назад получил серьезные ранения во время атаки английских самолетов, потому что тогда развитие событий на Западе приняло бы вообще непредсказуемый характер.

В общем, ситуация складывалась катастрофическая, и в такой обстановке военное руководство — я особо подчеркну: **военное!** — могло принять единственное решение: капитулировать, чтобы спасти то, что еще можно было спасти. Верхушка немецкой армии могла с легкостью сдать фашистских бонз, к которым никогда не питала особой любви, судьба Гиммлера, Кальтенбруннера, Штрайхера, Лея вряд ли волновала Гудериана или Манштейна. Да, среди генералов и маршалов имелись убежденные фашисты вроде Моделя, но они составляли незначительное меньшинство, остальные были все-таки кадровыми офицерами, со всеми плюсами и минусами, которые следуют из такого определения.

После этого следует ждать, что пришедшие к власти генералы постараются стянуть к Берлину какие-то дивизии, проходящие доукомплектацию и переформирование, чтобы постараться утвердить свою пока откровенно шаткую власть. Следующим шагом военной хунты будет запрос об условиях мира, слова «капитуляция» немцы будут избегать, как черт лаdana. При этом не следует думать, что генералы предпримут попытку договориться о мире только с западными союзниками, чтобы продолжить войну против Советского Союза. Летом 1944 года на счету был каждый день, даже каждый час, потому что Германия стремительно катилась в пропасть, и военные это понимали, тем более что на Западе у них имелись серьезные неприятности, а на Востоке — катастрофа. И, скорее всего, союзники (под словом «союзники» мы здесь понимаем и Запад, и Восток) согласятся на прекращение военных действий, хотя отвертеться от капитуляции немцам вряд ли удастся. Гадать об условиях мира, который может быть предложен Германии летом 1944 года, крайне сложно, хотя можно предположить, что такой ход военной верхушки может вывести из-под удара немецкую армию, и все грехи будут свалены на эсэсовцев. Германский Генеральный штаб вряд ли объявят преступной организацией, подлежащей расформированию, коль скоро именно германские генералы положили конец войне.

Предсказать будущее политическое устройство этой страны невозможно вообще. Будет ли полная оккупация территории страны или нет — абсолютно непонятно, но, может быть, как и после Первой мировой, все сведется к занятию особо важных об-

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

ластей, типа Рура и Восточной Пруссии. Совершенно понятно, что ни Англия и Америка, ни Советский Союз не оставят у власти фельдмаршалов, скорее всего будет создана некая временная администрация под контролем союзников, возглавить которую могут относительно нейтральные фигуры, вроде Шпеера или фон Папена. Ну, а дальше будет то, что будет...

МОЖНО ЛИ БЫЛО ОКОНЧИТЬ ВОЙНУ В 1944 ГОДУ?

Вопрос может прозвучать странно. Действительно, разве такое возможно? Летом 1944 года гитлеровский рейх получил несколько сокрушительных ударов. Вроде бы вермахту еще удавалось восполнить свои потери, но действительно это было так или именно «вроде бы»? Прежде всего это относится к людским ресурсам, которые гитлеровский рейх исчерпал. Начиная еще с 1943 года немецкие дивизии страдали хронической недоукомплектованностью, и в следующем году эта проблема стала еще более острой. Потери в технике и вооружении тоже восполнялись на уровне «вроде бы». Да, военное производство в Германии в 1944 году вышло на свой максимальный уровень, но беда в том, что этого максимального уровня тоже было недостаточно. Потери вермахта росли, а постоянные отступления вели к тому, что поврежденная техника оставалась на территории, занятой противником, и отремонтировать ее уже не было возможности. Так что следует более осторожно относиться к оценке военных возможностей Германии в 1944 году.

Ну и что происходило в это время на всех европейских фронтах?

Белоруссия, операция «Багратион», 23 июня — 29 августа. Результат этого советского наступления был страшен по своим последствиям для немцев. Группа армий «Центр» была уничтожена. Это даже не Сталинград, где состоялась крупная катастрофа, но все-таки локальная по своим масштабам и последствиям. Мало того, что немцы потеряли в общей сложности около полумиллиона человек, фронт рухнул на протяжении 1100 километров. Путь в сердце Германии был открыт.

6 июня 1944 года союзники высадились в Нормандии. После некоторой заминки они вырвались на оперативный простор, а попытка немецкого контр-наступления операция «Люттих» завершилась Фалезским мешком и гибелью нескольких дивизий.

То есть во второй половине августа 1944 года положение Германии стало совершенно безнадежным, что дошло даже до Адольфа Гитлера. Недаром ряд людей из его окружения пишет, что он наконец (наконец-то!) перестал верить в окончательную победу. Командованию Красной Армии следовало поступить так, как рекомендует древняя народная мудрость: падающего подтолкни! Но для этого требовалось нанести удар в нужном месте, или шверпункте, как говорят немцы.

И вот здесь нам надо рассмотреть кое-какие из знаменитых «Десяти сталинских ударов». Прежде всего, это относится к операциям на южном участке Восточного фронта. Да, разумеется, и разгром Группы армий «Северная Украина», и Ясско-Кишиневская операция имели определенное значение. Но так ли нужно было наступать по всей протяженности Вос-

точного фронта, тем более что наносится удар еще и на севере, проводится Выборгско-Петрозаводская операция. Вот она вызывает особенно серьезные сомнения. Карельский участок Восточного фронта все предыдущие годы был самым спокойным, в отношении фронта слово «мирный», наверное, будет неуместным. Финское командование прекрасно осознавало реальное соотношение сил и старалось не слишком провоцировать советские армии. Так нужно ли было это наступление? Да, к сентябрю 1944 года Финляндия вышла из войны, но стоило ли это затраченных усилий? Может, этим армиям можно было найти лучшее применение?

То же самое можно сказать и о затеянной в августе Яско-Кишиневской операции. Да, здорово было во второй раз уничтожить немецкую 6-ю армию и выбить Румынию из войны. Но разве это определяло исход войны? Здесь снова придется напомнить, что гитлеровская Германия была специфическим государством, государством одного человека и одной столицы. Гитлеровская Германия без Гитлера существовать не могла в принципе, равно как Германия без Берлина переставала быть единой страной. Это вам не бескрайняя Россия, где правительство может переехать сначала из Питера в Москву, а потом при чрезвычайных обстоятельствах из Москвы в Куйбышев — и ничего. Предположение, что государственный механизм Германии будет продолжать работать после того, как рейхсканцлер переберется в «Альпийскую крепость», выглядит, скажем так, довольно сомнительным. Тем более что имеются основания полагать,

что Гитлер не покинет Берлин в случае опасности, а останется там до конца. Поэтому, может, не стоило размениваться на всякие там Букурешты и Выборги, а ударить прямо на Берлин? В общем-то, ситуация напоминала 1941 год, когда немцам приходилось решать, куда двинуть танковую группу Гудериана — на Москву или на юг, чтобы получился Киевский котел. Вермахт постоянно испытывал нехватку сил, но, несмотря на это, пытался в начале войны наступать по всем имеющимся направлениям, что и предопределило его поражение. Для немцев оба решения были проигрышными, а вот положение Красной Армии на завершающем этапе войны было несколько иным.

Действия Красной Армии в 1944 году вызывают в памяти поговорку «Сила есть — ума не надо». Наступление точно так же велось буквально повсюду, где только возникала возможность, не было даже попыток просчитать, где следует нанести очередной удар, чтобы он имел максимальный эффект. Конечно, последующие рассуждения не нужно воспринимать как истину в последней инстанции. Просчитать все вероятности можно было только с помощью фантастической науки психоистории, изобретенной Айзеком Азимовым. Между прочим, цикл «Основание», в котором вводится понятие психоистории, он начал писать в 1942 году. И в этих романах говорится о том, что будущее можно просчитать математически точно на основе анализа социальных и экономических процессов. Кстати, возникновение войн и их исход также просчитываются психоисторией. В среде любителей фантастики бродили слухи, что эти романы

почти полвека находились под запретом в Советском Союзе потому, что вызвали истерическую панику в Политбюро ЦК. Похоже, коммунисты боялись научно просчитанного будущего, хотя учение Маркса было всесильно, потому что оно верно.

Но мы немного отвлеклись. Летом 1944 года имелась возможность продолжать операции в Польше и Прибалтике, вопрос в том, какой результат они могли принести и существовала ли возможность их обеспечения. Да, в очередной раз мы сталкиваемся с тем, что решение о проведении наступления решает не наличие танков и дивизий, а работа тыловых подразделений, и прежде всего железных дорог. Ведь сейчас было необходимо нанести сразу два мощных удара, используя в качестве исходного плацдарма разоренную немцами Белоруссию.

Первым направлением была Рига, ведь фактически немецкая Группа армий «Север» уже находилась в котле, требовалось лишь захлопнуть его. Ну а вторым направлением был Берлин. В случае успеха первого удара исчезает все северное крыло немецкого фронта на востоке. Такую брешь не сумеет заделать даже известный «пожарник Гитлера», специалист по кризисным ситуациям фельдмаршал Модель, да и нечем ее будет заделывать. А второй удар в случае успеха мог привести к краху всего Третьего рейха.

Предположим, что сразу после завершения Каунасской операции Красная Армия нанесла новый удар в Прибалтике — прямо на Ригу, до которой было менее 40 километров, и на Клайпеду, чтобы создать

глубину кольца окружения. Но при этом одно важное условие: не начинается Таллинская операция, которая привела к выдавливанию немецких войск из Эстонии. Пусть немецкие 16-я и 18-я армии так и остаются в Эстонии. Конечно, можно возразить, что получится аналог Курляндского котла, только сдвинутого на восток, но вот это самое «только» вносит серьезные коррективы в оценку ситуации. Снабжение окруженной группировки будет значительно затруднено по двум причинам: во-первых, численность окруженных войск заметно больше, а значит, больше и потребности; во-вторых, немецким кораблям предстоит значительно более длинный переход.

Итак, 2-я ударная армия (вместо наступления на Тарту) и переброшенная с юга 4-я гвардейская армия из района Елгавы наносят удар на Ригу. До города не более 40 километров, и защищать его было некому. В результате в котле оказались сразу две немецкие армии, причем Гитлер в очередной раз категорически запретил отход. Он надеялся сохранить за собой Прибалтику, причем здесь он совершенно неожиданно нашел поддержку со стороны гросс-адмирала Деница. На совещании в ставке Гитлера он неожиданно вылез с заявлением, что потеря Эстонии, не очень важная сама по себе, приведет к потере безопасного района тренировок подводных лодок. Когда начальник Генштаба генерал Цейтцлер заикнулся было, что можно потерять две армии, Дениц возразил, что следует принять разумные меры и не допустить этого.

В результате Гитлер приказал 3-й танковой армии начать наступление на Ригу с целью деблокировать

котел. Эта армия во время Белорусской операции пострадала меньше фактически уничтоженной 4-й армии и еще могла что-то сделать. Кстати, для этого наступления немцам тоже пришлось спешно перебрасывать дивизии из полосы Группы армий «Северная Украина». В конце концов генерал Рейнхардт, возглавлявший 3-ю танковую армию, получил 4, 5, 7, 13, 14-ю танковые дивизии и ряд отдельных частей. Ну а флот получил приказ поддержать наступление.

Однако опять немецкая разведка оказалась не на высоте. Рейнхардт предполагал встретить потрепанные и измотанные наступлением дивизии 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов, но вместо этого столкнулся со свежими войсками, готовившими собственное наступление. Зато немецкие дивизии как раз и были обескровленными, укажем лишь, что в XL танковый корпус генерала фон Кнобельсдорфа входили 7-я и 14-я танковые дивизии, которые имели 47 и 35 танков соответственно. Непосредственно на Ригу от Тукумса должна была наступать 101-я танковая бригада, подкреплённая сводной группой бронетранспортеров. Нет, конечно, тот же Sd.Kfz.251 хорошая машина, но представить его в дуэли против Т-34 никак не удастся.

Поэтому, когда дивизии Кнобельсдорфа натолкнулись на соединения 6-й танковой армии, встречный бой в районе Шауля оказавшись недолгим. Обе немецкие дивизии были наголову разбиты, хотя при этом и 18-й танковый корпус армии генерала Кравченко понес серьезные потери. Однако Кравченко имел еще 5-й гвардейский танковый и 5-й механи-

зированной корпуса, а вот у Кнобельсдорфа не было ничего! В итоге затеянный контрудар провалился, едва начавшись. Лишь на отдельных участках немцам удалось продвинуться примерно на 5 километров, но эти вклинения были ликвидированы буквально через пару дней.

Наступление 101-й бригады сначала имело некоторый успех, танки графа фон Штрачвица сумели прорваться к Юрмале, потому что обе наступавшие на Ригу армии не имели танковых частей и ничего не могли противопоставить «Пантерам». Но командование фронта приняло срочные меры, перебросив туда часть сил 5-й гвардейской танковой армии, и на рубеже реки Елгава немцы были остановлены. А после того, как армия генерала Кравченко перешла в наступление, угрожая отрезать еще и немецкие войска на Курляндском полуострове, отряд Штрачвица поспешно покатился назад, бросив даже часть танков. В результате советские войска вышли к побережью Балтийского моря на широком участке от Клайпеды до Лиепай. Интересно отметить, что при этом Курляндия оказалась как бы ничейной территорией. Немцы оттуда ушли, а советские войска, двигавшиеся прямо на запад, ее пока не заняли. Этим воспользовались латышские айсзарги, которые почему-то решили там отсидеться, одновременно создав нечто вроде партизанской зоны в тылу Красной Армии. Но это было как-то по-детски. Решением Ставки, чтобы не отвлекать войска действующей армии, туда была направлена 2-я мотострелковая дивизия особого назначения внутренних войск НКВД, которая и про-

извела зачистку полуострова. При этом применялись жесткие меры, совершенно необходимые в военное время. Вооруженные лица, не носившие военной формы и не имевшие воинских удостоверений, рассматривались как бандиты и как таковые уничтожались, что было обычной практикой всех армий.

А что германский флот? Ему пришлось расплачиваться за инициативу своего командующего. По приказу Деница была спешно сформирована боевая группа «Остзее» в составе карманного линкора «Лютцов», легкого крейсера «Лейпциг» и 4 эсминцев под командованием адмирала Кумметца. Она получила приказ поддержать огнем тяжелых орудий наступление группы Штрачвица и вошла в Рижский залив. Сначала все шло нормально, и огонь корабельной артиллерии действительно внес некоторое замешательство в оборонительные порядки 2-й ударной армии. Однако тут же на помощь была вызвана авиация Балтфлота, точнее — 8-я минно-торпедная авиационная дивизия. Между прочим, она только что потопила в финском порту Котка прибывший туда немецкий крейсер ПВО «Ниобе».

И вот более 100 советских самолетов атаковали маневрирующую вблизи самого берега немецкую эскадру. К сожалению, советские летчики не обладали достаточным мастерством, чтобы действовать против крупных кораблей в открытом море, за всю войну им так и не удалось потопить ничего крупнее тральщика. И хотя ни один немецкий корабль не был потоплен, эсминец Z-28 получил прямое попадание бомбы, уничтожившей всю кормовую группу артил-

лерии, и поспешно ушел из района боев. Но самое скверное для немцев было еще впереди. Маневрируя с целью уклонения от советских торпедоносцев, немецкие крупные корабли опасно сблизились, и в результате «Лютцов» протаранил «Лейпциг», едва не разрубив крейсер пополам. Лишь с огромным трудом немцам удалось удержать крейсер на плаву и увести его в Данциг. До конца войны крейсер так и не был отремонтирован. После этого крупные немецкие корабли в Рижском заливе больше не появлялись.

Интересно, что в это время делал фельдмаршал Модель, назначенный главным спасителем рейха? Он пытался спасти то, что еще можно было спасти, ведь помимо Прибалтики немецкий фронт рухнул и в Польше. Люблин-Брестская операция поставила под угрозу вообще все: и Польшу, и Восточную Пруссию, а в перспективе и саму Германию. Началась спешная переброска войск с южного крыла фронта, но пока Моделю приходилось воевать с тем, что было под рукой. Однако скажите, что мог сделать, скажем, XXV корпус, который состоял из 390-й и 707-й охранных дивизий?! То есть попросту дивизии фельдмаршемии... Естественно, корпус разлетелся вдребезги при столкновении с советскими танками.

Войска маршала Рокоссовского, наступая в северо-западном направлении, 28 июля вышли к Висле и форсировали ее, создав Магнушевский и Пулавский плацдармы. Учтите, что именно в этот день начинается Каунасская операция! Немецкий фронт трещал по всем швам. Согласно директиве Ставки именно в этот день 2-я танковая армия поворачивает на север

и начинает наступление вдоль берега Вислы на Варшаву. Для повышения мобильности войск формируются несколько конно-механизированных групп. К 31 июля танки генерала Радзиевского (начальник штаба 2-й танковой армии, сменивший генерала Богданова, который был ранен в ходе боев за Люблин) выходят к предместьям Варшавы. И немецкое командование оказывается перед неразрешимой дилеммой: какое именно наступление пытаться остановить в первую очередь? В итоге танковые дивизии все-таки отправляются в Прибалтику, где и гибнут одна за другой в напрасных попытках остановить войска 1-го Прибалтийского фронта генерала Баграмяна.

Немцы все-таки попытались остановить 2-ю танковую армию, что вылилось во встречное танковое сражение у Радзимины. Сначала парашютно-танковая дивизия «Герман Геринг» и 19-я танковая дивизия сумели остановить 3-й танковый корпус генерала Веденеева. И у них даже возникли некоторые надежды на успех, потому что вскоре на фронт должна была прибыть 5-я панцер-гренадерская дивизия СС «Викинг». Однако их надеждам не суждено было сбыться, потому что еще до появления «викингов» Рокоссовский нарастил силу удара, введя в бой переброшенную с юга 5-ю ударную армию с приданным ей 4-м гвардейским мехкорпусом. Не только немцы снимали войска с южных участков фронта...

Как советскому командованию удалось решить проблемы коммуникаций, о которых мы говорили? Типично советскими методами, какими же еще. Приказом НКВД № 00390 от 5 апреля 1944 г. было соз-

дано УВВ НКВД Белорусского округа, в состав которого вошли 6-я стрелковая и 7-я мотострелковая дивизии и 287-й стрелковый полк. Им на помощь из внутренних районов были переброшены еще три отдельные бригады. Этим войскам и было поручено приведение в порядок железных дорог на отбитой у немцев территории. Для этого производилась тотальная мобилизация всего населения на прилегающих к железным дорогам территориях, были задействованы и немецкие пленные, захваченные в Белоруссии. Дисциплина поддерживалась единственным действенным способом — расстрелами. Чрезвычайная ситуация требовала чрезвычайных мер. И в результате железные дороги приводились в исправное состояние неслыханными темпами, что немцы не могли предвидеть. В результате и этот контрудар противника завершился разгромом по частям. Начиная с июля 1944 года немцы катастрофически отставали в одном из важнейших компонентов операций — скорости сосредоточения войск. А тут еще 6-я танковая армия внезапным ударом захватила плацдарм у Тильзита и начала наступление навстречу танкам Радзиевского. Возникла угроза еще одного котла на территории Восточной Польши, хотя попасть в него могли уже только остатки разгромленных дивизий. Ну, а для завершения комплекта неприятностей немецкого командования в Варшаве вспыхнуло восстание.

И вот именно этот день, 1 августа 1944 года, поставил крест на всех надеждах быстро завершить войну. В игру снова вступила Большая Политика. Если Сталин еще и согласился с временной отсрочкой раз-

грома Финляндии и Румынии, все равно по предварительным договоренностям эти страны оставались в сфере влияния Советского Союза, то допустить освобождение Варшавы силами Армии Крайовой он не мог. В этом случае в Варшаву вполне мог прилететь премьер-министр польского правительства в изгнании Миколайчик, и тогда последствия могли оказаться самыми непредсказуемыми. Сталин еще с апреля 1943 года категорически отказался иметь дело с польским эмигрантским правительством, которое упрямо требовало возвращения старой советско-польской границы. Можете сравнить это с отношением Сталина к президенту Чехословакии Эдуарду Бенешу, хотя, наверное, нетипичная для советского вождя терпимость объяснялась тем, что между Советским Союзом и Чехословакией практически не существовало никаких противоречий. Во всяком случае, Бенеш без звука отдал Советскому Союзу Закарпатье.

Мы все помним странный приказ Гитлера, который остановил в 1940 году танки Гудериана перед Дюнкерком и спас английскую армию. Теперь уже Сталин отдал свой «стоп-приказ». Хотя существовала возможность после перегруппировки и небольшого отдыха силами 2-й танковой и 5-й ударной армий из района Кобылки и Радзимины обойти Варшаву с севера с одновременным ударом с Магнушевского плацдарма, освободить столицу Польши и двинуться дальше, на Берлин, Сталин не позволил это сделать. Вместо этого Рокоссовский получил приказ продолжать наступление в северном направлении и во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом очистить

Восточную Польшу, занять территорию Восточной Пруссии и город Кенигсберг.

В результате к началу сентября 1944 года на Восточном фронте сложилась ситуация, о которой советское командование могло лишь мечтать. Немецкие 9-я и 4-я армии были уничтожены в Белоруссии, 16-я и 18-я армии были заперты в Эстонии, 3-я танковая армия растратила остатки сил в бессмысленных контрударах, и сейчас от Варшавы и до побережья Балтийского моря не было фактически никаких немецких войск. Главным препятствием оставались проблемы снабжения стремительно наступающих армий. Подобных прецедентов военная история не знала. Можно было обеспечить быстрое продвижение дивизии или даже корпуса, но для армии это было проблематично, а для фронта — почти невозможно.

Следует также учесть, что сопротивление немцев на подступах к Берлину стало бы просто отчаянным. В такой ситуации вполне можно было ожидать отрыва значительной части сил не только с оккупированных территорий Европы, вроде Дании, но с Западного и даже с Восточного фронта. Исхода кампании это не изменило бы, но беспрепятственной прогулки к Бранденбургским воротам не получилось бы. Однако вспомним, что в реальной истории Красной Армии потребовалось всего три недели, чтобы пройти от Вислы до Одера. В сложившейся ситуации этот бросок мог занять меньше времени, но учтите три месяца, потраченные на подготовку Висло-Одерской операции. В нашем случае этот срок можно было сократить, но только за счет такого спорного решения,

как полный отказ от наступательных операций на южном крыле Восточного фронта и на севере.

Возникали и другие проблемы, подобные совершенно нежелательному для Советского Союза восстанию Армии Крайовой. Например, проанглийская ориентация правящих кругов Венгрии была прекрасно известна, если бы адмирал Хорти имел такую возможность, он охотно избежал бы войны с западными союзниками. Поэтому если советские войска не войдут в Будапешт, то предсказать послевоенную судьбу Венгрии крайне сложно. Ведь эта страна ввязалась в войну лишь в апреле 1941 года, когда немцы вторглись в Югославию, причем главной причиной этого были венгеро-румынские противоречия! И в 1941 году Венгрия поставила условием участия в войне против Советского Союза разрешение в свою пользу территориальных споров с Румынией. Англия тоже совсем не рвалась воевать с сателлитами Гитлера и объявила войну Венгрии, Румынии и Финляндии лишь в декабре 1941 года. Поэтому Хорти совершенно не случайно пытался в самом начале 1944 года выйти из войны. Парадокс: самый сильный из союзников Германии первым и попытался бросить ее. Точно так же остается непонятной судьба Румынии и Финляндии, не ясно, кто возьмет верх в Югославии: маршал Тито или генерал Михайлович.

То есть вопрос окончания войны в 1944 году лишь в малой степени был вопросом военным. Учитывая то, что Гитлер практически наверняка остался бы в Берлине до конца, а с его гибелью Германия образца декабря 1944 года развалилась бы моментально,

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

закончить войну к Новому году, по всей вероятности, было можно. Решающим фактором становилась организация работы тыла, это легко так написать «с помощью дивизий НКВД», что получилось бы на самом деле, еще большой вопрос. Но главное — вмешивалась масса политических факторов, причем разобраться в этом ядовитом клубке уже совершенно невозможно. И что выгоднее для Советского Союза: быстрое окончание войны против Германии или просоветская Восточная Европа — решить однозначно просто невозможно.

ШТУРМ БЕРЛИНА

Последняя операция Великой Отечественной войны при ближайшем рассмотрении превращается в настоящий клубок загадок и противоречий, причем ниточки из этого клубка тянутся и в далекое будущее, и в прошлое. В рамках исторических альтернатив нам следует рассмотреть несколько основных вопросов. Нужно ли было вообще штурмовать Берлин? Если все-таки нужно, то когда и как это следовало делать? Чтобы найти ответы на эти вопросы, нам придется рассмотреть предысторию штурма, причем начнется это рассмотрение отнюдь не в Ставке Сталина, а в штабе генерала Эйзенхауэра.

Дело в том, что из всей большой тройки Уинстон Черчилль больше Рузвельта и Сталина, вместе взятых, думал о политике и о послевоенном устройстве Европы. Именно он постоянно носился с различными идеями, противоречащими предварительным договоренностям. То ему хотелось высадиться на Балканах, чтобы отрезать Красной Армии путь в Центральную Европу, то ему хотелось захватить Берлин... Вот об этом и стоит поговорить. С подачи Черчилля фельдмаршал Алан Брук, начальник Имперского Генерального штаба, начал рассматривать

варианты стремительного броска английских войск к Берлину, хотя всерьез планы подобных операций не разрабатывались. Да и некому было командовать стремительным броском. Британский командующий фельдмаршал Монтгомери был известен своей патологической методичностью и полнейшей неспособностью к стремительным решениям и действиям. Вот если бы Черчилль решил поговорить с американским генералом Паттоном, тогда, глядишь, история могла пойти и по другой колее. Кстати, вот вам еще одна возможная альтернатива — попытка союзников захватить Берлин.

Впрочем, главнокомандующий войсками союзников в Европе генерал Эйзенхауэр отказался даже рассматривать подобные авантюры. Однако слухи о намерениях англичан вполне могли дойти до Сталина, и тогда его реакцию предсказать было совершенно несложно. Будем брать Берлин! Увы, ни на что более разумное бывший семинарист не был способен органически. После этого неизбежно вставал следующий вопрос: как брать? И здесь мы просто вынуждены более детально рассмотреть события, непосредственно предшествовавшие Берлинской операции, точнее — Висло-Одерскую операцию Красной Армии.

Эта операция примечательна во многих отношениях. Прежде всего, мало кто об этом задумывался, но совершенно не исключена вероятность, что именно ход боев в междуречье Вислы и Одера и их результаты раз и навсегда отшибли у союзников желание связываться с Советским Союзом. Неспроста ведь все последующие свои расчеты англо-американские вояки строили исключительно на использовании некое-

го чудо-оружия, которое поможет им победить проклятых большевиков, но при этом даже не заикались о развязывании обычной войны. Висло-Одерская операция показала во всем блеске реальную мощь Красной Армии и ее главной ударной силы — танковых войск. Причем то, что в ходе операции полководцы, скажем деликатно, не блистали свежими идеями, придавало особенную убедительность ее результатам. Это была чудовищная сила, смявшая хваленый вермахт, словно дорожный каток тряпичную куклу.

Поскольку события 1945 года имели несколько возможностей свернуть на альтернативную колею, мы просто вынужденно откажемся от привычной схемы построения главы: интродукция и далее альтернатива. Сейчас мы будем выделять альтернативные варианты развития событий курсивом, так как нам придется снова и снова возвращаться в реальность.

Стратегическая ситуация перед началом Висло-Одерской операции была кристально прозрачной. Красная Армия имела три плацдарма за Вислой, с них и следовало ожидать ударов. Во всяком случае, известный немецкий историк и бывший генерал Типпельскирх пишет о том, что немецкое командование предвидело это, но просто не имело достаточно сил для парирования этих ударов. Не знаю, не знаю... Если вспомнить Сталинградскую битву, там места нанесения решающих ударов и перспектива окружения армии Паулюса были тоже совершенно очевидны, но почему-то никого из немецких генералов озарение не посетило. А вот насчет «не достаточно» Типпельскирх совершенно прав. Хотя и здесь он не может

удержаться от того, чтобы не рассказать басню о «десятикратном» превосходстве Красной Армии в живой силе. Судя по всему, у генерала имели место определенные нелады с арифметикой — обычная болезнь битых полководцев. Если наши генералы в 1941 году насчитали у немцев «втрое больше танков», то сейчас наступил черед немецких заниматься умножением и делением. Численность немецких войск Типпельскирху была прекрасно известна, и если поверить его вычислениям, то получится, что против несчастной Группы армий «А» было собрано вообще все, что имела Красная Армия на Восточном фронте. Между Типпельскирхом и генералом фон Бутларом даже разгорелся жаркий научный спор: а в 10 или все-таки в 11 раз превосходила наша армия ихнюю?

В танках вот семикратное превосходство мы имели, что было, то было. Но кто же в этом виноват? Кто мешал немцам свою промышленность раскрутить на полные обороты? Я уже не раз писал, что подобные оправдания — это попросту жалкие увертки. В этом и заключается искусство полководца, чтобы в решающий момент в решающем месте сосредоточить превосходящие силы. А если государство и промышленность могут дать ему эти превосходящие силы, сей факт говорит лишь о преимуществах данного государства и о том, что не следует пытаться воевать с ним.

Впрочем, не все чисто и с нашей историей. Чего стоит одно только утверждение «Военной энциклопедии» о 500-километровой глубине оборонительных сооружений немцев между Вислой и Одером. Сразу становится понятным, почему у них танков не хвата-

ло: вся Германия денно и ночью рыла окопы и траншеи. Правда, если верить карте, помещенной в том же втором томе СВЭ, при всем старании между Вислой и Одером никак не получается намерить больше 350 километров расстояния. Может, наш Генштаб мерил расстояние от низовьев Одера до верховьев Вислы? Тогда может получиться даже побольше.

Но расстояния сыграли свою роль в этой операции. В годы Второй мировой войны предельная глубина операций определялась наличием или отсутствием системы снабжения наступающих войск. Но даже американцы, имевшие просто фантастическое количество автотранспорта, не могли позволить себе выходить за определенные рамки. Например, немцы не раз писали о том, что именно проблемы со снабжением погубили в конечном итоге армию Паулюса под Сталинградом и немецкие войска на Северном Кавказе. Самое любопытное, что в данном случае они не так уж и неправы. Это американцы могли позволить себе забрасывать снабжение для XIV воздушной армии в Китай по рискованному маршруту через Гималаи, тратя четыре тонны бензина на то, чтобы доставить пятую к самолетам генерала Ченнолта. Но не более! Снабжать подобным образом наступающие армии Паттона и Брэдли не могли даже они. Поэтому практически все армии после рывка примерно в 500 километров были вынуждены останавливаться для перегруппировки и подтягивания тылов, даже если сопротивление противника отсутствовало в принципе.

Впрочем, вернемся в январь 1945 года на берега Вислы. По той причине или иной, но советское

наступление началось 12 января. 1-й Белорусский фронт маршала Жукова наносил удары с Магнушевского и Пулавского плацдармов, а 1-й Украинский маршала Конева — один, но гораздо более мощный, с Сандомирского плацдарма. Силу этого удара можно легко представить, если вспомнить, что в нем участвовали 8 общевойсковых и 2 танковых армии, а также 3 отдельных танковых корпуса. Приятно и легко описывать подобные операции. В них нет никаких изощренных маневров, никаких тонких замыслов. Главную идею можно характеризовать двумя словами: темп и мощь!

Первыми в наступление пошли войска маршала Конева, началась Сандомирско-Силезская операция. Прорыв осуществлялся в пределах полосы протяженностью 40 километров силами трех армий. Войска фронта имели глубокое оперативное построение, но при этом на участке прорыва даже в первой полосе Конев создал подавляющее превосходство над противником. Всего же на Сандомирском плацдарме было сосредоточено почти 12 000 орудий и более 1400 танков, и вся эта сила обрушилась на XLVIII танковый корпус немцев. После мощной артподготовки в атаку пошла пехота, и уже через пару часов главная полоса обороны противника была прорвана. Во второй половине дня в бой были брошены 3-я и 4-я гвардейские танковые армии, и немецкая оборона просто развалилась.

А где же в это время были немецкие резервы? Тут нам следует поблагодарить Гитлера. Практически все генералы пишут, что по его требованию резервы были расположены вплотную к линии фронта, поэтому

они попали под огонь артиллерии и бомбовые удары и были изрядно потрепаны к тому моменту, когда им следовало вступить в бой. Но лишь Гудериан раскрывает еще один маленький секрет. В распоряжении Группы армий «А» имелось всего 12 танковых и механизированных дивизий. Однако все они были равномерно распределены вдоль линии фронта. Немцы не создали ни одного ударного кулака. Кто это приказал? Не известно. Однако Гудериан, видимо, сохранивший какие-то ошметки честности, в данном случае не пытается взвалить вину на Гитлера, из чего можно сделать вывод, что постарался либо немецкий Генштаб, либо кто-то в Верховном командовании.

Через два дня в наступление перешел 1-й Украинский фронт. И вот здесь мы сталкиваемся с первой из загадок Висло-Одерской операции. Конфигурация фронта просто наталкивала на мысль одновременными ударами с Магнушевского и Сандомирского плацдармов окружить LVI танковый и XLII армейский корпуса немцев, которые уже находились в мешке. Еще одна небольшая альтернатива. Однако этого не произошло. Почему? Может, все-таки рассказы о, мягко говоря, не лучших отношениях между Жуковым и Коневым не лишены оснований? Ведь оба фронта даже не попытались создать очередной котел, а дружно устремились на запад, словно бы не замечая друг друга. Более того, 69-я армия Жукова ударом с Пулавского плацдарма вышвырнула немцев из котла, который мог возникнуть сам собой, даже против воли командующих. В чем заключался смысл наступления с крошечного пятачка Пулавского плацдарма, не понятно, ведь это наступление не имело никакого так-

тического и оперативного значения. Хотя, с другой стороны, оба полководца не были замечены в гениальных решениях, и как ни старается А. Исаев пропиарить Жукова, если внимательно прочитать все им написанное, книги Исаева доказывают именно полную бездарность маршалов.

Организованное сопротивление немцев прекратилось на второй день боев, и наступление перешло в стадию преследования. Это еще может отчасти объяснить отказ от попыток создать кольцо окружения. Зачем зря тратить время на хитрые маневры, если можно использовать второе преимущество танковых войск — ударную мощь? Но даже ей надо было пользоваться умело. Тяжелый каток танковой армии вполне может превратить в тонкий блин все дивизии, оказавшиеся на его пути, нужно лишь правильно его нацелить и обеспечить возможность движения прямолинейного и безостановочного. А вот с этим у наших генералов постоянно возникали проблемы. Кстати, прямолинейность все-таки имела права на существование. Если мы сравним состав немецкой 9-й армии, принявшей на себя главный удар, на начало января и конец этого же месяца, то выяснится, что в ней не осталось ни одной из первоначально числившихся дивизий. Все, что попало под лобовой удар Жукова и Конева, погибло.

Гитлер во всем обвинил, естественно, своих генералов и принялся лихорадочно перетасовывать командующих армиями и корпусами. Первым полетел со своего поста командующий Группой армий «А» генерал-oberст Гарпе, за ним последовали и другие генералы. Кажется, в январе 1945 года были сменены

все командующие группами армий и армиями, действовавшими в Польше, но положение этим исправить было невозможно.

Наступление 1-го Белорусского фронта началось 14 января и сначала развивалось не столь успешно. Продвижение в первый день наступления составило не более 3 километров, но потом немцы просто не выдержали. Как мы уже упоминали, у них не хватало ни сил на линии фронта, ни резервов. После уничтожения главных сил 9-й армии танки Жукова также устремились далее. Наконец-то наши танкисты перестали равняться на пехотные дивизии и начали действовать самостоятельно. Они опережали пехотные дивизии на 30–50 километров, временами этот разрыв мог достигать 100 километров, и тогда сразу вспоминаются действия Гудериана и Роммеля.

Наши историки как-то этого не замечают, но тот же Гудериан признает, что примерно к 19 сентября немецкий фронт в Польше перестал существовать, как это было в прошлом году в Белоруссии. Поставленная планом операции задача выйти на рубеж Жихлин — Лодзь — Радомско — Ченстохова — Мехув была выполнена на шестой день вместо двенадцатого по плану. При этом линия наступления обоих фронтов постепенно отклонялась к северу в Померанию. Если посмотреть на карту, то можно усмотреть некоторые параллели с операцией «Гельб». Точно так же отрезалась крупная группировка войск противника, которая находилась в Восточной Пруссии. Единственная разница заключалась в том, что немцы не стали выстраиваться на плацу, чтобы организованно сложить оружие, а попытались отбиваться.

Но вот здесь начинается новая порция непонятных моментов. 1-й Белорусский фронт окончательно поворачивает на север и вместо движения на Берлин вламывается в Померанию. Формальное объяснение этому имеется. Немцы создали здесь ударную (якобы) группировку, которая угрожала флангу фронта, и требовалось сначала разгромить именно ее. Но даже сам генерал Раус, командовавший этим пародийным наступлением, честно пишет, что у него не было никаких сил. Улавливаете тонкость? Не «не достаточно», а вообще «никаких». Его собственные слова: «10 дивизий, имеющих 70 танков». На таком фоне грозно выглядит даже свежесформированная танковая дивизия «Клаузевиц», имевшая, подумать страшно, целых 12 танков и 20 самоходок. Есть один хороший пример эффективности подобных контрударов. Типпельскирх и фон Бутлар пишут о попытке немецкой 4-й армии выскочить из Восточной Пруссии. Но просмотрите внимательно все наши издания, начиная все с той же старой СВЭ и кончая вполне современными выпусками «Фронтowej иллюстрации». Нигде нет ни слова об этом «прорыве». Он не отражен ни на одной карте. История, как мы уже не раз говорили, любит злые штуки. В 1941 году немцы даже не подозревали, что участвовали в великом танковом сражении под Ровно и Бродами, а в 1945 году Жуков и Рокоссовский, сами того не заметив, отразили удар дивизий генерала Хоссбаха. Так что подобное объяснение следует рассматривать именно как формальное.

В качестве последней меры германское командование переименовало Группу армий «Центр» в Группу армий «Север», а Группе армий «А» присвоило назва-

ние Группы армий «Центр». Но даже это не помогло остановить советские танки.

Тем временем всеокрушающий вал советских танков продолжал катиться по направлению к Одеру. 1-й Белорусский фронт форсировал реку Варту, обошел город Познань, объявленный очередным «фестунгом», и продолжил наступление, хотя теперь его авангардом оставалась только 1-я гвардейская танковая армия. Кстати, приведем отрывок из воспоминаний командующего 1-й гвардейской танковой армией, который лучше всего характеризует изменение взглядов советских командиров и доктрины Красной Армии: «На пятый день наступления 11-й гвардейский корпус А. Х. Бабаджаняна, с боями преодолев около 200 километров, подошел к реке Варта — шестому рубежу немецкой обороны. В том месте, куда вышла передовая бригада Гусаковского, Варта текла строго на север. Потом у города Коло она круто сворачивала на запад и, дойдя до Познаньского меридиана, снова направлялась на север. Я приказал Бабаджаняну и Дремову обойти вражеские резервы, сосредоточенные в восточном колене реки, и взять в клещи познаньско-варшавскую автостраду. Форсировав Варту и оставив немецкую группировку на фланге за рекой, оба корпуса устремились на Познань. Вражеская группировка в этих условиях оказалась обреченной на бездействие. Она уже не могла воспрепятствовать дальнейшему продвижению наших войск».

Обратите внимание на окончание цитаты. Если бы так наши танковые генералы действовали в 1944 году, не связываясь с уничтожением каждого изолированного опорного пункта!

Уже 22–23 января войска 1-го Украинского фронта вышли к Одеру и на ряде участков форсировали его. Но и этот фронт потерял одну из своих танковых армий, которой пришлось повернуть на юг, чтобы решить исход боев в Силезии и вокруг Кракова. К 3 февраля на Одер в районе Кюстрина вышли и войска 1-го Белорусского фронта. Они также форсировали реку и создали небольшой плацдарм. Одер тоже не стал серьезным препятствием для танкистов Катукова.

Вот что писал командарм: «Комбриги решили форсировать реку совместно. Они подтянули к берегу САУ, реактивные установки и всю остальную артиллерию. После массированного огневого удара по позициям противника на противоположном берегу цепи мотострелков спустились на лед. Быстро переправившись через реку, они при поддержке артиллерии с восточного берега сбили мелкие заслоны гитлеровцев и захватили плацдарм 5 километров по фронту и 4 километра в глубину. Мотострелковые батальоны вышли на рубеж Рейтвейн — Вуден.

Получив сообщение, что Гусаковский и Федорович форсировали Одер, я приказал А. Х. Бабаджаняну перебросить на помощь передовым отрядам все силы корпуса, наладить переправы и расширить плацдарм. Но по паромной переправе успели перейти на плацдарм только семь танков из бригады Гусаковского. Дело в том, что я получил новый приказ: армия перебрасывалась в Восточную Померанию, в район севернее города Ландсберг (Гурово-Илавецке). Ей ставилась новая задача».

На этом завершилась Висло-Одерская операция, которая стала одной из крупнейших по размаху за всю войну. Как мы уже говорили, в ней в полной мере проявились те качества танковых войск, о которых мечтали до войны Фуллер, Лиддел-Гарт, Тухачевский и другие. Мобильность позволяла танкам преодолевать немыслимые для пеших армий расстояния, а огневая мощь и броня делали бессмысленными попытки сопротивления тыловых подразделений и собранных с бору по сосенке скромных резервов. Стальной каток подминал под себя все, что встречалось на его пути. Пехоте оставалось лишь пожинать плоды побед танкистов и заниматься ликвидацией разрозненных очагов сопротивления типа Познани, Шнейдемюля и тому подобных. Главным вопросом оставалось обеспечение наступающих танковых корпусов всем необходимым снабжением и в первую очередь — горючим.

Вот здесь мы и подошли к самому интересному вопросу Висло-Одерской операции, ее альтернативному варианту. А существовала ли возможность, не останавливаясь, продолжить наступление дальше прямо на Берлин? Ведь это позволило бы избежать кровопролитных боев за Зееловские высоты и затяжных боев в самом городе. Увы, здесь следует дать достаточно категоричный ответ: «Нет!» Прежде всего, в ходе операции советские войска продвинулись в глубь территории противника на расстояние около 400 километров, что для армейских систем снабжения того времени было пределом. Даже вермахт в идеальных условиях блицкригов 1940—1941 годов в таких случаях делал остановки,

чтобы привести в порядок войска и подтянуть тылы. А тыловые службы Красной Армии, к сожалению, даже в самом конце войны отнюдь не походили на отлаженную машину. К тому же, как мы видели, наступление потеряло свою пробивную силу. Две танковые армии были отвлечены на другие направления, а две вышедшие к Одеру понесли некоторые потери и, соответственно, не обладали прежней мощью. Поэтому сделать рывок еще в 100 километров и завязать бои в самом Берлине — это явно превышало их возможности.

И все-таки остается одно «но». Читая воспоминания Катюкова, невозможно отделаться от впечатления, что его армия и армия генерала Баданова после форсирования Одера могли продвинуться немного дальше. Ведь ширина Зееловских высот невелика, не более 10 километров. В тот период оборонять этот рубеж было просто некому. Я напомним, что 9-ю армию, занимавшую этот участок фронта, немцам пришлось формировать заново, все ее дивизии до последней погибли на Висле, и никакого серьезного сопротивления она оказать не могла. Вообще-то ничего подобного в истории войны найти невозможно: за три недели полностью сменился состав целой армии!

Поэтому если бы генералы Катюков и Баданов продвинулись всего на 15—20 километров дальше, даже передав потом свои участки подошедшим пехотным армиям, в нашем распоряжении был бы полноценный плацдарм, а не Кюстринский пятачок, а немцы потеряли бы свою главную полосу обороны. Кстати, Жуков все это понимал, потому что в приказе от 4 февраля потребовал, чтобы 5-я ударная армия расширила плацдарм до 20 километров по фронту и до 10 километров в

глубину. Задачу облегчало то, что командование немецкими войсками на рубеже Одера было возложено на великого полководца Генриха Гимmlера. Вдобавок именно в эти дни Гитлер затеял Балатонскую операцию, после которой Панцерваффе окончательно прекратили свое существование. Но главное было сделано — последние остатки немецких танковых частей и соединений оказались связаны на другом участке фронта, и противопоставить 1-й и 2-й гвардейским танковым армиям немцы не могли ничего.

Если бы Зееловские высоты были заняты ударом с ходу, немцам просто нечем было их отбивать. Состояние немецких войск в тот момент лучше всего характеризует тот же Гудериан: «26 января Гитлер приказал сформировать танко-истребительную дивизию. Название этого нового соединения звучало красиво и многообещающе. Но больше ничего и не было. В действительности же это соединение должно было состоять из рот самокатчиков под командованием храбрых лейтенантов; вооруженные фаустпатронами расчеты этих рот должны были уничтожать Т-34 и тяжелые русские танки. Дивизия вводилась в бой поротно. Жалко было храбрых солдат!» Судя по всему, на фюрера большое впечатление произвели действия советских танковых армий, если он отдал подобный приказ. Но такие импровизированные соединения были советским армиям, как говорится, «на один зубок». Мы даже не будем рассматривать попытки немцев отбить Зееловские высоты, просто приведем небольшую выдержку из списочного состава 9-й армии на 26 января, то есть после окончания Висло-Одерской операции: 608-й специальный штаб ди-

визии; остатки 19-й танковой дивизии; остатки 25-й танковой дивизии; ну там еще кое-что по мелочи.

То есть у советского командования была реальная возможность занять Зееловские высоты и даром получить прекрасную исходную позицию для последующего штурма Берлина и избежать колоссальных проблем и потерь, имевших место в реальности. Кроме того, появлялась возможность после перегруппировки нанести удар прямо на Берлин вместо масштабной операции по окружению столицы рейха. Наверное, в этом случае война закончилась бы на месяц-полтора раньше. Вроде бы и немного, но все равно — это тысячи солдатских жизней.

После этого мы выходим ко второй развилке весны 1945 года — Берлинской наступательной операции Красной Армии. Чем же она была? Золотым восклицательным знаком, увенчавшим самую тяжелую войну в истории нашей страны? Или кровавой кляксой, которая бросает мрачную тень на всю победу в целом? Как всякое грандиозное историческое событие, штурм и взятие Берлина нельзя оценить однозначно.

Важность Кюстринского плацдарма понимали все, даже фюрер. Поэтому он приказал возрожденной 9-й армии генерала Буссе ликвидировать его. В феврале и марте Буссе проводит целую серию атак, но единственным их результатом стала потеря 35 000 человек, которых он больше не получил. В ходе этих атак особо отличилась одна из власовских дивизий, и Железные кресты этим воякам вручал Генрих Гиммлер. Рассчитывать, что предателей будет награждать сам Гитлер, конечно, не стоило. Так, еще до начала решающих боев силы немцев на главном направле-

нии были ослаблены. После этого Буссе решил любой ценой удержать сам город Кюстрин, перекрывавший прямую дорогу на Берлин. Он разделял два советских плацдарма, у Рейтвейна и Кинитца, и был настоящей костью в горле у 1-го Белорусского фронта. Однако и это немцам не удалось, 30 марта город пал. Советские армии консолидировали плацдарм и могли спокойно готовить решающее наступление.

Но спокойно не получилось. Здесь нам совершенно невольно придется вступить в небольшую полемику с А. Исаевым, точнее, с его книгой «Георгий Жуков. Последний довод короля». Между прочим, очень любопытное название. Вне всякого сомнения, просвещенная публика знает исторические корни этой любопытной фразы, хотя автор почему-то не счел возможным расшифровать их хотя бы в предисловии. Но я совершенно не исключаю возможности, что и он знает красиво звучащий латинский оригинал «Ultima ratio regis», и ему вполне может быть известно, что сия надпись красовалась на стволах пушек наихристианнейших королей Франции, Людовиков с довольно большими номерами. Так чьей пушкой мы должны считать маршала Жукова?

При этом определенные сомнения все-таки возникают. Когда критикуешь и разоблачаешь других, надо бы самому быть поточнее. Самый простой пример. Исаев пишет, что первыми к Одеру вышли войска Жукова, хотя на самом деле Конев опередил его на пару дней. И так далее. Между прочим, сам Жуков никогда артиллеристом не был, так где же здесь связь? С другой стороны, этот девиз прекрасно опи-

сывает манеру Жукова общаться с окружающим миром, так что название вполне уместное.

Впрочем, мы немного отвлеклись в сторону, вернемся к событиям на Зееловских высотах. Корни более чем спорных решений Жукова следует все-таки искать в его неприязненных отношениях с Коневым и желании угодить Сталину. Говорить о некоем социальном соревновании по взятию рейхстага, конечно же, глупо, здесь я на все 150 процентов согласен с Исаевым. Но соперничество **было**, причем помимо вполне естественных причин (ревность к успехам соседа всегда была есть и пребудет во веки веков) существовала еще одна, искусственно привнесенная. Я не знаю, с какими целями Сталин перед началом решающего наступления постарался сравнить двух маршалов, однако он это сделал. Обратимся к воспоминаниям самого Жукова, в которых он описывает совещания в Ставке, предшествующие Берлинской операции:

«Тут же он <Сталин> сказал маршалу И. С. Коневу:

«В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произойдет, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин».

Существуют неверные представления о том, что 3-я и 4-я гвардейские танковые армии были введены в сражение за Берлин якобы не решением И. В. Сталина, а по инициативе командующего 1-м Украинским фронтом. В целях восстановления истины приведу слова маршала И. С. Конева по этому вопросу, сказанные им на сборе высшего командного состава

центральной группы войск 18 февраля 1946 года, когда все было еще так свежо в памяти:

«Когда около 24 часов 16 апреля я доложил, что дело наступления идет успешно, товарищ Сталин дал следующее указание: «У Жукова идет туго, поверните Рыбалко и Лелюшенко на Целендорф, помните, как договорились в Ставке».

Поэтому маневр, который совершили Рыбалко и Лелюшенко, является прямым указанием товарища Сталина. Следовательно, всякие измышления по этому вопросу должны быть исключены из нашей литературы».

То есть пресловутая гонка была организована приказом сверху. Что, Конев после прямого распоряжения Сталина повернуть танковые армии на Берлин добровольно откажется от возможности первым захватить тот же рейхстаг? К тому же существовала еще одна гонка с воображаемым противником. А вот предположение, что советское командование спешило захватить Берлин раньше союзников, следует отбросить. Ведь планом операции предусматривалось окружение Берлина. Неужели англичане или американцы станут пробиваться к Берлину с боем, прорываясь через позиции советских войск?! Ну, это уже полный бред, согласитесь. Но к вопросу о штурме Берлина мы еще вернемся.

Напомним: Сталин имел все основания рассчитывать, что штурм Берлина не затянется. Красная Армия имела подавляющее превосходство в живой силе и технике. Как обычно, не следует верить ни СВЭ, которая пишет о двух- или четырехкратном превосходстве, ни воспоминаниям немецких генералов, где

рассказываются басни о двадцатикратном превосходстве. Истина, как всегда, лежит посередине.

Но при этом имеется множество нюансов, которые вполне способны изменить эти соотношения. Как уже отмечалось, весь первый состав немецкой 9-й армии, оборонявшейся на берлинском направлении, погиб в ходе Висло-Одерской операции, и перед 1-м Белорусским фронтом в марте находились спешно собранные повсюду разношерстные соединения. К началу Берлинской операции состав армии поменялся еще раз, причем снова целиком! 9-я армия 31 декабря 1944 года, 26 января, 1 марта и 12 апреля 1945 года — это четыре совершенно разные армии! Сами понимаете, что в такой обстановке ни о каком нормальном взаимодействии соединений не может идти и речи. Так оно и получилось.

План операции, разработанный Ставкой, был очень оптимистичным. В первый же день предполагалось прорвать оборону немцев на Зееловских высотах и ввести в прорыв 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Берлин намечалось взять на шестой день операции, а к одиннадцатому дню 3-я ударная армия выходила на Эльбу для встречи с американцами.

1-й Украинский фронт маршала Конева наносил удар в направлении Бранденбурга, Ратенова и Дессау. Точно так же сразу после прорыва немецкой обороны на оперативный простор выходили 3-я и 4-я танковые армии. Причем изначально предполагалось, что один из корпусов 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко должен был наступать на Берлин с юга. Но существовал вариант, по которому обе танковые армии Конева могли быть направлены на Берлин.

Причем это пишет СВЭ, и если уж Исаев намеревался опровергать некий миф, то нужно было делать это более обстоятельно.

Вспомогательную, но очень важную задачу решал 2-й Белорусский фронт маршала Рокоссовского. Он должен был наступать в районе Штеттина — Шведта и разгромить немецкую 3-ю танковую армию, что, естественно, не позволило бы ей двинуть свои силы на помощь Берлину.

Наступление началось рано утром 16 апреля. После 30-минутной артподготовки были включены 140 мощных зенитных прожекторов, которые должны были ослепить немцев. Это очень красиво выглядело в фильме «Освобождение», но в действительности принесло больше вреда, чем пользы. Слово маршалу Чуйкову: «Должен сказать, что в то время, когда мы любовались силой и эффективностью действия прожекторов на полигоне, никто из нас не мог точно предугадать, как это будет выглядеть в боевой обстановке. Мне трудно судить о положении на других участках фронта. Но в полосе нашей 8-й гвардейской армии я увидел, как мощные пучки света прожекторов уперлись в клубящуюся завесу гари, дыма и пыли, поднятую над позициями противника. Даже прожекторы не могли пробить эту завесу, и нам было трудно наблюдать за полем боя. Как на грех, еще и ветер дул навстречу. В результате высота 81,5, на которой разместился командный пункт, вскоре была окутана непроницаемой мглой. Тогда мы вообще перестали что-либо видеть, полагаясь в управлении войсками лишь на радиотелефонную связь да на посыльных».

Пехота и часть танков продвинулись примерно на 2 километра, после чего наступление застопорилось. Артиллерийский удар был нанесен по первой полосе обороны, которую немцы оставили, и сейчас советским войскам пришлось штурмовать сами высоты, которые были почти не затронуты артподготовкой.

«Немецкие пленные могли видеть также огромные колонны советской техники, ожидающие, пока войска 8-й гвардейской армии Чуйкова и 5-й ударной армии Берзарина откроют им путь на запад. Однако продвижение вперед в этот день было очень незначительным. На своем наблюдательном посту Жуков начал терять терпение. Он подгонял командиров, угрожал, что снимет их с должности и отправит в штрафную роту. Досталось и генералу Чуйкову. Его части застряли в болоте перед немецкими позициями, находящимися на возвышенности».

И тут Жуков принимает самое спорное из своих решений. Исаев пытается представить дело так, будто все изменения стратегических планов и Жуков, и Конев предпринимали по собственной инициативе. Ну не надо! Все эти изменения производились только после консультаций со Ставкой и утверждения их Сталиным. Решить, где и как задействовать подчиненный ему корпус, командующий фронтом мог, а вот повернуть несколько армий на другое направление — никогда! Собственно, об этом пишет и сам Жуков, причем, если верить этому отрывку, он на всякий случай вводит Сталина в заблуждение.

Жуков: «В 15 часов я позвонил в Ставку и доложил, что первая и вторая позиции обороны противника нами прорваны, войска фронта продвинулись

вперед до шести километров, но встретили серьезное сопротивление у рубежа Зееловских высот, где, видимо, в основном уцелела оборона противника. Для усиления удара общевойсковых армий я ввел в сражение обе танковые армии. Считаю, что завтра к исходу дня мы прорвем оборону противника».

На 6 километров его войска не продвинулись и вторую полосу обороны не прорвали. Вот где аукнулось январское промедление перед Зееловскими высотами! Более того, в этом же разговоре Сталин размышляет вслух о том, стоит ли повернуть армии Конева на Берлин. Заметьте, обо всем этом пишет **Жуков**, а не Конев. И маршал решает любой ценой прорвать оборону, бросая в бой танковые армии Катюкова и Богданова. Судя по всему, уроки Курской битвы Жуков не усвоил. Танковые соединения могут прорвать подготовленную оборону, но лишь ценой совершенно чудовищных потерь, тем более что немецкое противотанковое оружие-45 было лучше советского оружия-43.

Пишет генерал Катюков: «Остаток дня не принес радостных сообщений. С большим трудом, неся тяжелые потери, танкисты вгрызались в оборону противника и не продвинулись дальше позиций, занятых пехотой. Нелегко приходилось и стрелковым дивизиям В. И. Чуйкова, с которыми командиры танковых корпусов тесно взаимодействовали».

В тот же день состоялся второй разговор со Сталиным, в котором Жуков пообещал любой ценой прорвать оборону на Зееловских высотах, и тут же Ставка приободрила его, сообщив о приказе Коневу наступать на Берлин с юга, а Рокоссовскому — с се-

вера. Еще раз повторю, чтобы не быть пристрастным, я излагаю все это исключительно по мемуарам самого Жукова. Вообще-то, если говорить строго, получается, что Ставка одобрила решение Жукова и таким образом сняла с него часть вины.

Так или иначе, но во второй половине дня 16 апреля началось танковое побоище, которое продолжилось на следующий день. Все это очень сильно напоминало действия Монтгомери под Эль-Аламейном, когда он точно так же массой продавил немецкий фронт. Не прорвал, а именно продавил. Только 19 апреля немцы не выдержали натиска и начали отходить к Берлину. За эти дни, по немецким данным, было сожжено более 700 советских танков. Так это или нет — вопрос остается открытым. Но даже книга «Гриф секретности снят» сообщает, что за время Берлинской операции Красная Армия потеряла около **2000** танков. То есть во время штурма Зееловских высот Жуков дал хрестоматийный пример неправильного использования танков.

Скрепя сердце он вынужден признать: «Наступление 1-го Украинского фронта с первого же дня развивалось более быстрыми темпами. Как и ожидалось, на направлении его удара оборона противника была слабая, что и позволило с утра 17 апреля ввести там в дело обе танковые армии. В первый же день они продвинулись на 20–25 километров, форсировали реку Шпрее и с утра 19 апреля начали продвигаться на Цоссен и Луккенвальде».

А теперь просто совершенно необходимо сказать несколько слов о том, чем якобы должен был заниматься Конев, связав решением этой задачи свои

главные силы, чтобы они только, не приведи бог, не вздумали наступать на Берлин. Речь идет о ликвидации так называемой франкфуртско-губенской группировки противника. Что она из себя представляла? Это были остатки в очередной раз разгромленной 9-й армии, к которой присоединились отдельные части 4-й танковой армии. Выделять для их уничтожения силы целого фронта было, мягко говоря, неразумно. К тому же над генералом Буссе видел категорический приказ: держать фронт на Одере. Конечно, в то время Конев не мог знать об этом приказе, но он отлично видел, что немцы и не пытаются двинуться в сторону Берлина. Позднее Буссе получил новый приказ: отходить на запад на соединение с 12-й армией генерала Венка, чтобы освободить Берлин. Очень советую обратить внимание на столь интересную формулировку. То есть в распоряжении генерала Буссе не было сил, чтобы как-то реально угрожать фронту Конева, о прорыве к Берлину в таких условиях не приходилось и мечтать. У него не было приказа отходить к Берлину, а что делали с нарушителями приказов в последние дни существования рейха, все отлично знали. Например, генерала Вейдлинга, командира LVI танкового корпуса, на который обрушился главный удар Жукова, успели приговорить к расстрелу за то, что не удержал позиции, но, правда, успели и помиловать. Нужны были Теодору Буссе такие приключения? Путь на Берлин ему перекрывал всего лишь 40-й стрелковый корпус 3-й армии, но и этого оказалось достаточно. Так что Конев правильно решил не воевать с призраками, выделил пару корпусов для блокирования за-

стрявшей в лесах и озерах немецкой группы, и пошел на Берлин.

В 12 часов дня 25 апреля западнее Берлина передовые части 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта встретились с частями 47-й армии 1-го Белорусского фронта. В тот же день произошло и другое знаменательное событие. Спустя полтора часа на Эльбе 34-й гвардейский корпус генерала Бакланова 5-й гвардейской армии встретился с американскими войсками.

Именно здесь мы получаем еще одну историческую развилку. Никакой опасности выхода западных союзников к Берлину уже не было. Прорыв немецких войск к столице выглядел тоже совершенной химерой. Так нужно ли было штурмовать город? Вполне можно было ограничиться тем, что Гитлер намеревался проделать с Ленинградом: тесная блокада, постоянные артиллерийские обстрелы и бомбежки с воздуха. Ну, с последним дело обстояло не очень, советская авиация не располагала возможностями наносить мощные удары по причине отсутствия стратегических бомбардировщиков. Но зато артиллерия Красной Армии всегда служила предметом зависти и ненависти и врагов, и союзников. Тем более что 20 апреля ознаменовалось артиллерийским ударом по Берлину, нанесенным дальнобойной артиллерией 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии. Красная Армия поднесла фюреру подарочек на день рождения.

Но в данном случае мы будем вынуждены дать отрицательный ответ. Штурмовать Берлин нужно было, хотя совсем не по тем причинам, которые озвучивала

советская историография. Просто процесс медленного удушения такого огромного города занял бы слишком много времени. Жертвы среди гражданского населения? Простите, это война, и не советская армия в 1941 году вторглась в Германию, а совсем наоборот. В конце концов, сами немцы придумали понятие «Kriegsraison» — «Военная необходимость», которая всегда и безусловно превалирует над «Kriegsmannier» — «Методом ведения войны».

Удушение Берлина приводило к неоправданному затягиванию войны, ведь ни о какой капитуляции Гитлера не следовало даже и мечтать, разве что собственные охранники придавили бы его в бункере, как крысу... И вполне вероятно, что пошли бы протесты западных союзников по поводу «неоправданных жертв». Конечно, можно было бы напомнить им про бомбежки Гамбурга и Дрездена, но затевать политические дискуссии не стоило. Не время и не место. То есть — штурм!

Но и со штурмом тоже далеко не все ясно. Он начался 20 апреля 1945 года (кстати, в день рождения Гитлера), артиллерия 1-го Белорусского фронта открыла огонь по центру города. После войны наши историки утверждали, что наши пушки обрушили на город больше взрывчатки, чем тяжелые бомбардировщики союзников. Жуков пишет: «11 тысяч орудий разного калибра через определенные промежутки времени открывали одновременный огонь. С 21 апреля по 2 мая по Берлину было сделано миллион восемьсот тысяч артиллерийских выстрелов. А всего на вражескую оборону в городе было обрушено более 36 тысяч тонн металла».

У немцев не было ни единого шанса отстоять столицу рейха. Гарнизон города к этому моменту состоял примерно из 45 000 солдат из разрозненных, потрепанных частей и примерно 40 000 всякого сброда из фолькштурма, полиции и так далее. Основной силой гарнизона считался LVI корпус генерала Вейдлинга: танковая дивизия «Мюнхенберг» (сформирована 8 марта 1945 года!), 9-я парашютно-десантная дивизия, 18-я и 20-я панцер-гренадерские, 11-я танковая СС «Норланд» и 503-й тяжелый танковый батальон. Все было бы здорово, если бы хоть одна из этих дивизий имела в своем составе более 400 солдат. Кстати, именно первые две дивизии обороняли Зееловские высоты, поэтому их состояние представить совсем нетрудно.

Ну чисто в познавательных целях перечислим и других, кто должен был спасать столицу Третьего рейха. Французский добровольческий штурмовой батальон «Шарлемань»; морской батальон, присланный гросс-адмиралом Деницем; 15-й литовский фузилерный батальон; 57-й крепостной полк; 1-я зенитная дивизия «Берлин», личная охрана Гитлера; полк «Гитлерюгенд», поспешно сформированный из берлинских пацанов и не имевший никакого отношения к одноименной дивизии СС. Как ни странно, тут же застряла и личная охрана Гимmlера. Вот и все...

Им противостояло примерно полтора миллиона закаленных солдат 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Впервые немцы имели полное право говорить о десятикратном превосходстве противника. Детально описывать сам ход боев за город, наверное, нет смысла, так как это сделал в нескольких работах

А. Исаев, хотя все проповедуют одну нехитрую истину: Берлин взял Жуков, еще раз Жуков и снова Жуков. А остальные при сем лишь присутствовали.

На самом деле все, конечно, обстояло сложнее. Начнем с того, что гонка к Берлину все-таки имела место. В доказательство я приведу два приказа, отданные с интервалом в два часа. Пусть говорят сами участники событий, а выводы читатель сумеет сделать самостоятельно.

БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩИМ 3-Й И 4-Й ГВАРДЕЙСКИМИ ТАНКОВЫМИ АРМИЯМИ О НЕОБХОДИМОСТИ ВСТУПЛЕНИЯ В БЕРЛИН РАНЬШЕ ВОЙСК 1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

20 апреля 1945 г. 19.40

Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми. Исполнение донести.

Конев

Крайнюков

РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 359. Л. 36. Подлинник.

БОЕВОЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ 1-ГО БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩЕМУ 2-Й ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ АРМИЕЙ С ТРЕБОВАНИЕМ ПЕРВЫМИ ВОРВАТЬСЯ В БЕРЛИН

20 апреля 1945 г. 21.50

2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично Вам поручаю организовать исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля 1945 г. любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе.

Жуков

Телегин

РФ. Ф. 233. Оп. 2307. Д. 193. Л. 88. Подлинник.

Причем, заметьте, Жуков отлично понимает значимость доклада «по начальству» и газетного пиара. Интересно, что генерал Лелюшенко в своих мемуарах чуточку подправил приказ Конева, вырезав из него слово «первыми», либо это сделали за него редакторы.

Тем временем в немецком командовании никак не могла прекратиться лихорадка смены командующих. 22 апреля Гитлер снимает генерала Реймана, заменяя его полковником Эрнстом Кетером, за один день произведя его сначала в генерал-майоры, а потом и в генерал-лейтенанты. В этот же день он отдает приказ о расстреле командира LVI танкового корпуса генерала Вейдлинга, не удержавшего рубеж обороны на Одере, и тут же отменяет свой приказ. После этого фюрер решает взять лично на себя командование гарнизоном Берлина, а потом назначает на эту должность Вейдлинга. Такая череда событий ясно показывает, что ставка фюрера превратилась просто в сума-

шедший дом. При всей сложности ситуации в разгар битвы за Москву, при панике, возникшей в советской столице (было, было!), до такого маразма наше командование не дошло.

Вейдлинг разделил город на восемь оборонительных секторов, чтобы облегчить управление обороной. Однако уже ничто не могло остановить советские войска. 23 апреля 8-я гвардейская армия Чуйкова форсировала Шпрее и при поддержке 1-й гвардейской танковой армии генерала Катукоева начала наступать в направлении Нойкельна. 24 апреля 5-я ударная армия генерала Берзарина тоже форсировала Шпрее в районе Трептов-парка. Остатки LVI танкового корпуса, которым все еще по совместительству командовал Вейдлинг, попытались контратаковать, но были просто уничтожены. В тот же день после мощнейшей артподготовки — 650 орудий на километр! Больше никогда в истории такая плотность артиллерии не встречалась! — советские войска перешли в решительное наступление. К вечеру Трептов-парк был занят.

Кстати, 22 апреля во время движения танковой армии Рыбалко к Берлину произошел любопытный эпизод, о котором сам генерал писал с нескрываемым огорчением: «Разведка у нас работала плохо. Мы даже не знали, что в Цоссене находилась Ставка германского Генштаба. Две бригады вошли в Цоссен, и Ставка на их глазах ушла из Цоссена. О Цоссене мы узнали от корреспондентов». Кстати, вот еще одна хорошая характеристика работы стратегической разведки! Какие, к черту, планы немецкого Генштаба, если не известно даже, где он находится.

Наступление продолжалось пусть не слишком быстро, но неотвратно. При этом танки, введенные в город, несли высокие потери. Первая попытка лобового решения — посадить пехотинцев на броню — успеха не принесла, так как затрудняла действия самим танкистам. Тогда был найден более простой метод. Любой подозрительный дом просто уничтожался огнем тяжелой артиллерии — 152 или 203 мм. Жаль, что об этом методе наступления забыли полвека спустя, когда штурмовали Грозный.

Генерал Чуйков обладал большим опытом городских боев. Ранее он защищал Сталинград, а совсем недавно взял штурмом Познань, и теперь он старался применить полученный опыт в Берлине. Он подчеркивал, что штурм большого города нельзя рассматривать как обычную армейскую операцию, хотя стараниями Жукова и Конева штурм Берлина начался именно так. Он настаивал на ведении боя небольшими штурмовыми группами от 6 до 8 человек, которые вооружены автоматами, гранатами, кинжалами и саперными лопатками, то есть оснащены для рукопашного боя, который маловероятен в поле. В то же время Чуйков не отрицал необходимости применения танков, но во вспомогательной роли, фактически как штурмовой артиллерии.

«Перед танкистами 1-й гвардейской танковой армии стояла нелегкая задача. В уличных боях, когда площади и улицы пусты, когда противник организует свою оборону в зданиях, на чердаках и в подвалах, танкисты не видят противника, не могут проникнуть в здания, на чердаки и в подвалы. В то же время танки являются хорошей мишенью для бронбойщиков,

вооруженных бутылками с горючей смесью и особенно реактивными гранатометами типа фаустпатрон. Это не значит, что танки и танкисты не нужны и не пригодны для городского боя. Я далек от подобной мысли. Они нужны, но не как самостоятельная сила, а для совместных действий с подразделениями других родов войск в штурмовых группах.

Только во взаимодействии со стрелковыми подразделениями, с артиллеристами, саперами и химиками танковые экипажи будут видеть, где их подстерегает опасность. Им подскажут об этом бойцы штурмовой группы. Подскажут и укажут — в каком здании, на каком этаже, чердаке и подвале засел противник, которого совместными усилиями надо уничтожить. И в этом тесном взаимодействии танки чаще всего должны использоваться как артиллерия на гусеницах, а танкисты как артиллеристы под броневой защитой».

Примерно то же самое говорит и генерал Рыбалко, хотя в документах его штаба прямо пишется о необходимости включения в состав штурмовых групп самоходных установок ИСУ-122 при использовании танков лишь для закрепления успеха. То есть таковые пушки того времени (76 и 85 мм) были слишком малы для использования против капитальных каменных построек. Требовался более крупный калибр (122 или 152 мм), которым были вооружены только советские самоходки.

Немецкие войска пятились к центру города, сдавая одну улицу за другой. 26 апреля состоялся еще один безумный спектакль в фюрер-бункере. Гитлер приказал генерал-oberсту Роберту фон Грайму прилететь в Берлин, чтобы лично сделать его главноко-

мандующим Люфтваффе взамен впавшего в немилость Геринга. Фон Грайм приказ выполнил, хотя над Берлином был тяжело ранен осколком зенитного снаряда. Маленький «Физелер» посадила возле Бранденбургских ворот знаменитая Ханна Райч. Гитлер торжественно произвел его в фельдмаршалы и приказал вылететь из Берлина, чтобы арестовать другого изменника — Генриха Гимmlера. 28 апреля Райч подняла свой самолетик в воздух буквально на глазах у советских солдат, и фон Грайм получил возможность после войны сидеть в относительно комфортабельном американском плену.

27 апреля войска Чуйкова и Катукoва форсировали Ландвер-канал, последнее препятствие на пути к фюрер-бункеру и рейхканцелярии. Внешнее оборонительное кольцо Берлина — кольцевая железная дорога — было прорвано со всех направлений. В этот день история еще раз зло пошутила. Площадь Бель-Альянс-плац обороняли эсэсовцы-французы из дивизии «Нордланд», но дело в том, что эта площадь была названа в честь союзной армии, разбившей Наполеона при Ватерлоо. Вечером этого дня генерал Вейдлинг предложил Гитлеру попытаться вырваться из Берлина под прикрытием ударной группы из 40 уцелевших танков. Фюрер отказался, приказав Вейдлингу продолжать защищать город. Чтобы замедлить продвижение советских войск, которые могли воспользоваться тоннелями метро, Гитлер приказал затопить их, что привело к большим жертвам среди мирных жителей, прятавшихся под землей.

28 апреля произошло событие, которое наконец-то положило конец соперничеству между маршалами.

Директивой Ставки была проведена новая разграничительная линия между 1-м Украинским и 1-м Белорусским фронтами. В результате весь центр Берлина с рейхсканцелярией отходил в зону действия войск Жукова. Генералу Рыбалко, командующему 3-й гвардейской танковой армией, даже пришлось поворачивать свой 9-й мехкорпус, чтобы не мешать Жукову.

30 апреля начались бои в самом центре города. Вейдлинг сообщил Гитлеру, что немецкие солдаты к вечеру израсходуют все боеприпасы, и снова попросил разрешения на прорыв. Гитлер наконец согласился. Сам фюрер в этот же день совершил самоубийство, назначив адмирала Деница рейхспрезидентом, а доктора Геббельса — рейхсканцлером. Никто не улыбнулся, хотя площадь всего тысячелетнего рейха к этому времени составляла несколько квадратных километров.

Вечером 30 апреля 150-я стрелковая дивизия генерала Шатилова при поддержке танков начала штурм Рейхстага. 1 мая над куполом было поднято Знамя Победы, хотя бои продолжались еще и на следующий день. Утром этого дня генерал Кребс обратился к Чуйкову просьбой о перемирии, но получил отказ. Вечером 1 мая Вейдлинг отдал приказ защитникам центра Берлина прорываться, однако практически все попытки были отбиты советскими войсками. Удалось просочиться лишь отдельным мелким группам.

2 мая в 6 часов утра генерал Вейдлинг в сопровождении офицеров штаба перешел линию фронта и сдался в плен. Он был доставлен в штаб генерала Чуйкова. После недолгих препирательств Вейдлинг согласился отдать приказ о капитуляции не только

своего LVI танкового корпуса, но всего гарнизона Берлина. Отдельные перестрелки еще продолжались некоторое время, но битва за Берлин закончилась. Дольше всех продержался гарнизон зенитной башни «Цоо». Это было такое сооружение, которое не брали даже 203-мм снаряды, и все-таки во второй половине дня его гарнизон тоже сложил оружие.

Что же можно сказать об участии танков в штурме самого Берлина? Мне представляется, что решение Жукова и Конева ввести в город целые танковые армии было ошибочным и привело к ненужным потерям. Как справедливо заметил Чуйков, танки были нужны, но еще нужнее оказались бы штурмовые орудия. В этом плане ИС-2 с его 122-мм пушкой оказался гораздо ценнее прославленной «тридцатьчетверки». Еще лучше были бы, конечно, ИСУ-152... Во время боев за Берлин танки вернулись к своей первоначальной ипостаси 1916 года — орудия поддержки пехоты.

Идеальной же комбинацией было бы сочетание штурмового орудия с танковым бульдозером, которых в Красной Армии, увы, не было вообще. Кстати, их не было и в других армиях, если не считать американской. Англичане имели некоторое количество «Матильд» и «Черчиллей», переоборудованных в инженерные машины, но именно некоторое. Только у американцев имелось и другое идеальное оружие для данной ситуации — тяжелые самоходные гаубицы М41 и М43. Но я почему-то уверен, что даже американская армия, имевшая идеальную (на то время) бронетехнику для уличных боев, не справилась бы со штурмом Берлина не то что лучше, она не справилась

бы вообще. Про остальные армии мы говорить даже не будем. Просто напомним, что немцы обломали зубы о Сталинград, и что могли сделать в Берлине всякие англичане и прочие разные шведы?

Потери танковых армий в этих боях оказались весьма серьезными. Генерал Рыбалко, очевидно, был не знаком с выводами А. Исаева, когда докладывал о потерях своей армии в ходе битвы за Берлин. «Выведено из строя 365/166 танков, в том числе от фаустпатронов 105/65. В числителе общие потери, в знаменателе безвозвратные», то есть, как нетрудно заметить, якобы ничтожные потери от фаустников составляют 28 процентов подбитых танков и 39 процентов безвозвратных потерь.

Наших полководцев одолела «фаустобоязнь» или они все-таки более реально представляли себе обстановку? Либо мы в принципе не верим ничьим мемуарам — ни «битых гитлеровских вояк», ни «прославленных советских полководцев». Если с первым все ясно, то за что попали в немилость вторые? Исаев приводит вроде бы убедительные цифры, но при этом он противоречит другим советским источникам, опирающимся на архивные данные. В книге «Георгий Жуков: последний довод короля», он пишет, что 1-я гвардейская танковая армия Катуклова потеряла 232 единицы бронетехники, 2-я гвардейская танковая армия Богданова — 209 машин. Но А. Свирин указывает, что безвозвратные потери армии Богданова составили 289 единиц. Не слишком ли большое расхождение? Д. Шеин в своей книге «3-я Гвардейская танковая армия в боях за Берлин» приводит потери Рыбалко: 503 единицы, из них 198 безвозвратно. Но

как это согласовать с данными книги «Гриф секретности снят», в которой говорится о потере 1997 единиц бронетехники? И еще одно смешное соображение: почему же тогда столь поспешно на вооружение Красной Армии был принят гранатомет РПГ-2, он же «Панцерфауст», если он так бесполезен?

В общем, как мне кажется, рассуждения А. Исаева в данном случае выглядят не вполне убедительно, и эта тема требует отдельного обстоятельного рассмотрения. Разброс в данных: потери от 10 до 49 процентов — слишком велик, чтобы согласиться с ним. А утверждение, что легенду о фаустпатронах породили недобросовестные мемуаристы, звучит легкомысленно и даже оскорбительно, если вспомнить, о ком именно идет речь.

Но наиболее серьезная проблема не в этом. Советская историография с пеной у рта опровергала саму возможность существования «юбилейных штурмов». Дескать, Киев брали совсем не к годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, просто так получилось, что 6 ноября. И Берлин не стремились брать к Дню международной солидарности трудящихся, случайно 2 мая вышло. Не следует даже пытаться найти соответствующий приказ Ставки, ну не идиоты же там сидели. Хотя, если вспомнить, традиция «юбилейных штурмов» родилась отнюдь не в Красной Армии. Напомню отрывок из старого стихотворения:

Там, где Плевна дымится, огромный курган —
В нем останки еще не догнили:
Чтоб уважить царя, в именины его
Много тысяч «своих» уложили...

Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату;
А на родине ветер холодный шумит
И разносит солдатскую хату...

Это было написано в 1877 году после третьего штурма Плевны, который главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич устроил по случаю именин своего брата императора Александра II. В этот день русская армия потеряла больше солдат, чем в любом из сражений русско-турецких войн, которые тянулись четыре века. «Да, эта Плевна! Никогда ее не забудем. Что ужасно в этом штурме 30 августа, что даром пожертвовали такой массой дорогой русской крови, безрассудно, без всякой надобности. В этом я вижу не только безрассудство действий Главнокомандующего и его штаба, но преступление, за которое он и все виновники этого страшного дня должны будут отдать отчет не только перед всею Россией, но и перед Самим Богом». Хорошие слова одного из непосредственных участников событий.

И здесь мы подходим к последней альтернативе Берлинской операции. Штурм? Да. Но не этот поспешный и сильно смахивающий на истерику. Главной силой должны были стать не пехота и танки, а артиллерия. Вам нравятся гаубицы Д-1 или Б-4? Хорошее средство ведения уличных боев. Гаубица-пушка МЛ-20 тоже ничего. Возможные потери населения? Ну, что поделаешь — «Kriegsraison». Да, берлинский гарнизон был слаб и измотан, но если бы советские армии действовали спокойно и методично, если бы Сталин не травил командующих двумя фронтами, если бы не витал в воздухе «красный

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

день календаря», штурм мог обойтись гораздо дешевле, пусть даже и затянулся бы еще на пару недель. Это не три-четыре месяца, как в предполагаемой альтернативе с осадой.

Однако если вы полагаете, что Берлинская операция завершает историю Великой Отечественной войны, то вы серьезно ошибаетесь.

БОЙ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Бродят слухи, что в мае 1945 года советские и американские войска имели несколько боевых столкновений на территории Германии. Это представляется вполне вероятным в обстановке всеобщего хаоса, который воцарился там. В годы войны не раз имели место случаи на земле, на море и в воздухе, когда свои весьма энергично били своих же. Чаще всего это происходило в условиях плохой видимости (туман, ночь) или нехватки информации (внезапное выдвижение подразделения в полосу действий соседа). Но эти случаи так и оставались случаями, до ведения систематических боевых действий против союзников все-таки дело не доходило. То же самое относится и к советско-американским стычкам, которые, кстати, никак не удастся подтвердить документально, хотя если такие эпизоды и случались, то ни в коей мере не бросают тени на их участников.

Чаще всего отличались, разумеется, летчики, ведь из прекрасного высока на земле все выглядят одинаково. Например, 25 июля 1944 года во время операции «Кобра» американские тяжелые бомбардировщики вместо немецкой артиллерии разнесли позиции собственных 9-й и 30-й пехотных дивизий, погиб

241 человек, ранены 620. Среди погибших оказался генерал-лейтенант МакНейр, который должен был возглавить 1-ю Группу армий. Как вспоминает генерал Брэдли, тело МакНейра удалось опознать только по трем звездочкам на воротнике. А еще через месяц, 27 августа 1944 года, штурмовики «Тайфун» Королевских ВВС мастерским ударом уничтожили целую тральную флотилию Королевского флота возле порта Гавр.

Неприятный инцидент произошел 7 ноября 1944 года возле югославского города Ниш, там американская авиация атаковала советские войска. Беда лишь в том, что невозможно найти два одинаковых описания этого столкновения. Единственное, что можно сказать совершенно точно, — пострадал штаб 6-го гвардейского корпуса, и погиб его командир генерал-лейтенант Котов. Все остальное покрыто мраком неизвестности. **Вариант первый:** «Более 40 американских «Лайтингов» начали штурмовку штаба 6-го гвардейского стрелкового корпуса и аэродрома 866-го истребительного полка под городом Ниш. Под бомбами погиб командующий корпусом Григорий Котов — между прочим, Герой Советского Союза. Бомбами повредили несколько самолетов и сожгли склад ГСМ, автомобили. Взлетевшие советские истребители сбили четырех американцев. После чего те драпанули». **Вариант второй:** «На аэродроме города Ниш (Сербия) советские летчики из 707-го штурмового авиаполка собрались было отметить известный революционный праздник, как вдруг им на головы начали пикировать странные самолеты и сбрасывать бомбы. В воздух подняли дежурное зве-

но из соседнего 866-го истребительного авиаполка. Буквально через полчаса другая группа американских самолетов атаковала колонну советских войск, следовавшую через Ниш по шоссе. Их тоже удалось отогнать, но дел они натворить успели. В результате налета погиб командир стрелкового корпуса генерал Степанов (?!). Его последние слова были: «Проклятые империалисты!» **Вариант третий:** «Над колонной 6-го гвардейского стрелкового корпуса Красной Армии севернее города Ниш неожиданно появилась группа американских бомбардировщиков В-25 «Митчелл» в сопровождении истребителей «Лайтнинг». Всего самолетов было штук 30. Американцы очень точно отбомбились по голове колонны: погиб командир корпуса, 31 солдат и офицер, еще 37 человек было ранено. С аэродрома взлетела группа из 9 истребителей Як-3, один из которых был тут же сбит. В воздухе завязалось ожесточенное сражение. Партизанский политкомиссар, приставленный к нишскому аэродрому, довел до сведения личного состава, что всего было сбито 7 американских и 3 советских самолета. При этом американцы потеряли 14 летчиков». **Вариант четвертый** (рассказ сына генерала Котова): «Колонна 6-го гвардейского стрелкового корпуса 7 ноября 1944 года совершала марш к Дунаю по территории Югославии в районе города Ниш, когда над ней появились 27 американских самолетов. Это были союзники, их приветствовали, размахивая пилотками и фуражками. Но самолеты развернулись и нанесли бомбовой удар. Погиб мой отец и еще 31 офицер и солдат, ранено 37 человек, в том числе и мой старший брат, у которого на руках и скончался отец. Брат

Энгельс в тот период был адъютантом у отца. Маневры самолетов не оставляли сомнений, что они нанесут повторный удар. Тогда в воздух подняли девятку советских истребителей. Завязался воздушный бой. В результате было потеряно 3 американских и 3 наших самолета».

У американцев имеется своя версия происшедшего. Они не отрицают, что «Лайтнинги» по ошибке нанесли удар по советской мотоколонне, но утверждают, что виной этому неоднократные и категорические отказы русских принять миссию связи для предотвращения как раз таких инцидентов, причем очередной отказ последовал даже после этого трагического эпизода. По американским данным, в последовавшем воздушном бою были сбиты 2 американских и 2 советских самолета.

Но все это мелочи, упоминания о которых можно найти лишь в самых подробных исторических работах. Желающие могут заглянуть в небезызвестную «Википедию», набрать в поисковике «Friendly fire» и посмотреть, что получится. Гораздо более серьезные последствия могли иметь кое-какие планы победителей, если бы только у них хватило глупости попытаться эти планы реализовать. Мы говорим об операции «Немыслимое», задуманной вроде бы Уинстоном Черчиллем, и о витавшем в воздухе лозунге: «Вперед, до Ла-Манша и Гибралтара!»

Начнем с домыслов сэра Винни Пуха. В общем-то, Черчилль всегда не скрывал своей ненависти к коммунизму, однако имеется одна маленькая деталь: никто и нигде не найдет призывов сэра Винни к незамедлительному нападению на Советскую Россию,

как он называл СССР. Он был достаточно искушен в политике, чтобы позволять себе опрометчивые заявления. Да чтобы Черчилль призвал показать Советам кузькину мать?! Никогда!

Но наши разоблачители из кожи вон лезут, чтобы доказать недоказуемое. Методика очень проста: берется заключительный том его работы «Вторая мировая война», написанный в 1953 году, оттуда с кровью и мясом выдирается цитата, после чего некий доктор наук совершенно всерьез утверждает, что на основании этого заявления британский Комитет начальников штабов еще весной 1945 года занялся разработкой планов войны против Советского Союза. Доказательства? Самые что ни на есть веские: «Время поручения премьер-министра на разработку плана операции не указано, но, учитывая сложность его подготовки, характер и объем самих документов, есть все основания предполагать, что задание премьер-министра было получено планировщиками в апреле 1945 года». Вот есть все основания полагать — и все тут, не более и не менее.

План действительно более чем странный. С одной стороны, возникают резонные сомнения в психическом здоровье британских генералов, с другой — на основании безумных посылок они приходят к совершенно резонному заключению: воевать с Советским Союзом в данный момент не следует, это кончится слишком скверно. Чего стоит одно из условий начала военных действий: «Русские вступают в альянс с Японией!» Ну и уже совершенно тифозным бредом выглядит предположение: «Возможность содействия со стороны немцев рассмотрена в Приложении IV;

согласно расчетам, на ранних этапах [военной кампании] можно переформировать и перевооружить 10 немецких дивизий». Я не завидую тому британскому генералу, который летом 1945 года предложит своим солдатам стать в один строй с гитлеровцами, можно ведь и пулю получить, причем даже не в спину, а прямо в лоб.

Собственно, союз с Японией не представляется абсолютно невозможным, просто цена, которую мог потребовать Сталин за такой союз, для японцев была бы неприемлемой. Вы полагаете, они согласятся отдать Маньчжурию, Сахалин и Курилы?! Ни за что! А значит, и союзу не бывать.

Но, так или иначе, 22 мая 1945 года родился документ, озаглавленный «Операция «Немыслимое», план военных действий против Советского Союза. 80 дивизиям союзников, из которых 20 были танковыми, Советский Союз мог противопоставить 140 пехотных и 30 танковых дивизий, а также 24 танковые бригады. На самом деле количество советских дивизий было значительно больше, эта оценка базировалась на пересчете численности. 6700 самолетов западных союзников могли столкнуться с 14 600 самолетами Красной Армии. Вот эти цифры и заставили генералов усомниться в том, что военные действия могут принести успех. При этом в документе отмечались высокие боевые качества советских войск, пусть даже и измотанных долгой и тяжелой войной. Единственным аргументом в пользу союзников считалось качественное превосходство авиации (при вдвое меньшей численности) и ничтожные запасы высокооктанового бензина в Советском Союзе, что опять же не позво-

лило бы советским самолетам действовать с полной эффективностью.

Кстати, в документе даже не упоминается ядерное оружие, что, в общем, можно понять. Нанести удар по советской территории у американцев не получилось бы, а сбрасывать атомную бомбу на Берлин или Париж, даже после захвата их советскими войсками, как-то глупо.

В общем, отнести к этому документу совершенно всерьез трудно, слишком много в нем пусто-порожних бредней. К тому же западные союзники были крайне заинтересованы в том, чтобы Советский Союз, как было оговорено на Ялтинской конференции, вступил в войну против Японии. Конечно, это не сыграло бы решающей роли в Тихоокеанской войне, как и высадка в Нормандии не решала исхода войны против Гитлера, но капитуляция Японии состоялась бы заметно раньше. Мимоходом заметим, что утверждение американских генералов, будто высадка в Японии будет стоить им миллиона жертв, оказалось фальшивкой, подготовленной американским Комитетом начальников штабов для обмана собственного президента и правительства, поэтому так ли уж необходимо было участие Красной Армии в заключительном наступлении на Японию, это вопрос. Зато информация об операции «Немыслимое» вполне могла подтолкнуть советское командование к активным действиям вне зависимости от наличия или отсутствия плана «Дойти до Гибралтара».

Примем за основу допущение, что советское командование сумело узнать о плане «Немыслимое», во всяком случае, некоторые авторы именно эти объяс-

няют перегруппировку войск, которую затеял маршал Жуков в июне 1945 года. Действительно, если взглянуть на карту, то обнаружится, что положение советских войск весьма напоминает живописный хаос, в котором оказывались те же немцы после окончания победоносных кампаний осенью 1939 года в Польше и летом 1940 года во Франции. Нет единой линии фронта, тылы отстали, подразделения перемешались, они разбросаны по большой территории. Жукову требовалось подтянуть лучшие армии, все еще находившиеся в районе Берлина, а также войска из Чехословакии. Кроме того, три армии застряли на побережье Балтики.

Будем считать, что приказ из Москвы, о котором пишут российские историки, ссылаясь на историков английских (интересный вариант, не правда ли?), в равной степени удовлетворял и намерению выстроить оборону против нападения союзников, и желанию нанести удар по тем же союзникам. Кстати, в этом случае ни о какой отправке войск на Дальний Восток не могло быть и речи, но заключение союзного договора с Японией, которое привиделось британским генералам, мы рассматривать не станем по определению.

Теперь следует разобраться с тем, каких союзников сумел бы найти Сталин для предстоящей войны. С гитлеровцами сражались две армии Войска Польского, болгарская армия и несколько югославских, хотя не следует преувеличивать их боевую ценность, особенно югославских. Там маячила гражданская война, и маршалу Тито было не до внешних разборок. Впрочем, возможности французской армии, оказав-

шейся по ту сторону линии фронта, также не следует переоценивать. Кстати, англо-американские армии были разбросаны ничуть не меньше, например, 1-я канадская армия застряла в Голландии, 5-я американская — где-то в горах Тироля и так далее. Но предположим, что союзники также начали сосредоточение войск на предполагаемой линии фронта.

Самый тяжелый вопрос: как объяснить людям, почему вчерашний союзник вдруг превратился в противника? Но вот с Красной Армией это как раз не проблема. Вы читали статью Джорджа Оруэлла «Литература и тоталитаризм»? Почитайте. «Вот очевидный, самый простой пример: до сентября 1939 года каждому немцу вменялось в обязанность испытывать к русскому большевизму отвращение и ужас, после сентября 1939 года — восторг и страстное сочувствие. Если между Россией и Германией начнется война, а это весьма вероятно в ближайшие несколько лет, с неизбежностью вновь произойдет крутая перемена». Статья была опубликована 19 июня 1941 года!

Короче, 22 июня 1945 года советским людям объявили, что теперь нужно начать борьбу против англо-американского империализма, тайно поддерживавшего фашизм и вторгшегося в Европу с корыстными целями, предстоит освободительный поход, чтобы помочь французскому пролетариату сбросить иго капиталистического гнета. Что будут говорить американцы? Ну, это их проблема.

Изобретать какие-то хитрые стратегические планы маршалу Жукову, разработавшему план операции «Ермолов», совершенно не требовалось, направление главного удара было совершенно очевидным. Необхо-

димо было захватить наиболее крупные порты Западной Европы — Гамбург и Антверпен, чтобы лишить союзников возможности беспрепятственно перебрасывать подкрепления на материк. Собственно, так пытались действовать немцы во время неудачной попытки наступления в Арденнах зимой 1944 года. На острие главного удара находились пополненные и переформированные 1-я и 2-я гвардейские танковые армии. Вспомогательный удар южнее на территории Чехословакии наносился силами 3-й и 4-й гвардейских танковых армий. При этом союзникам был подготовлен пренеприятный сюрприз: предполагалось впервые бросить в бой новейшие танки ИС-3, противопоставить которым союзникам было решительно нечего.

Главная идея операции заключалась в быстром разгроме англо-американских войск на линии фронта, после чего боевые действия фактически прекращались и начиналось простое выдвижение войск с целью занятия максимально возможной территории. Советское командование не без оснований считало, что быстро сформировать вторую волну армий союзники просто не сумеют, как это не сумели французы в июне 1940 года, даже воюя на собственной территории. К тому же советский Генеральный штаб правильно считал, что людские ресурсы Великобритании исчерпаны и после гибели 2-й и 8-й армий Англия уже просто не сумеет набрать необходимое количество солдат, особенно учитывая непрекращающуюся войну против Японии. Соединенные Штаты смогут сформировать новый экспедиционный корпус и доставить его в Англию, но это займет слишком много

времени. К тому же совершенно неизвестно, осмелится ли американское правительство рисковать второй раз после столь крупных потерь. Ведь до сих пор все поражения американских войск можно было считать сугубо локальными неудачами, не связанными со слишком большими потерями. Даже на Филиппинах весной 1942 года капитулировало не более 25 000 человек американских солдат, общее количество было много больше, но это были не американцы, а потери филиппинской армии американскую общественность совершенно не волновали. Если же будет уничтожена миллионная армия, это подорвет желание американцев продолжать войну, тем более что собственно американским интересам ничто не угрожает. Сталин намеревался сразу после того, как остатки англо-американских войск эвакуируются с материка, предложить мир. Вопрос о высадке в Англии даже не поднимался по весьма просто причине: у Советского Союза не было флота, который бы заслуживал названия «Флот», так, горстка устаревших и слабых корабликов. Экономическое положение страны не позволяло ей вести затяжную войну, ситуация с продовольствием была близка к катастрофе, а рассчитывать на запасы разоренной Европы явно не приходилось. Таким образом, оба противника сходились в одном: либо война будет скоротечной, либо ее не следует начинать вообще. Повторения шестилетней войны против Гитлера не вынесет никто.

Главную опасность, по мнению советских генералов, представляла авиация союзников, хотя и здесь положение было не столь плохим, как могло показаться на первый взгляд. Главной ударной силой со-

юзников оставалась стратегическая авиация, однако 8-я воздушная армия так и не перебралась на материк за ненадобностью, а 15-я базировалась на юге Италии и тоже мало чем могла помочь в будущих военных действиях. Вдобавок в условиях динамичной маневренной войны стратегические бомбардировщики были малополезны, они могли разве что заняться разрушением того, что еще не было разрушено, — мостов, дорог, городов. Но теперь это не имело особого смысла. Вдобавок бомбардировщики В-29 «Сверхкрепость», бороться с которыми советские ВВС просто не могли по причине отсутствия высотных истребителей, были сосредоточены на Тихоокеанском театре, и их переброска в Европу не предвиделась. Оставались 2-я англо-канадская и 9-я американская воздушные армии, справиться с которыми представлялось возможным.

Кроме того, советские войска вполне могли рассчитывать на помощь пятой колонны — прокоммунистических элементов во Франции и Италии. Собственно, в Италию никто пока вторгаться не собирался, однако политическое давление коммунистов вполне могло парализовать военные усилия англоамериканцев. Во Франции можно было рассчитывать на прямую военную поддержку бывших партизан, так как коммунисты соперничали по своему влиянию даже с генералом де Голлем. Ключевым вопросом оставалось отношение немцев, хотя на дальнейшее сопротивление немецкие войска уже не были способны. Германская военная машина к маю 1945 года была уничтожена, и капитуляция Германии лишь официально зафиксировала этот несомненный факт.

Зато можно было попытаться в рамках политического обеспечения операции огласить план Черчилля расчленить Германию (собственно, стандартный план британской дипломатии, которому чуть не сто лет исполнилось) и не слишком спешить с выполнением обещаний по передаче полякам Силезии, а чехам Судет. Какая Силезия? Были обещаны «существенные приращения территории на западе», чтобы компенсировать то, что Советский Союз на востоке отрезал. А насколько именно «существенные», будет уточнено несколько позднее, пока что немцы получают твердые заверения сохранения целостности германского государства. Одновременно можно хорошо подставить польское эмигрантское правительство, выставив его чуть ли не агрессором. Не слишком много, но в данный конкретный момент сказать что-то больше просто невозможно.

В качестве официального предложения было выставлено нежелание англичан отводить свои войска за намеченную разграничительную линию на севере, а также неумные желания знаменитого Джорджа Паттона, 3-я армия которого находилась на территории Чехословакии и совсем не собиралась тормозить свое продвижение. Но первый удар обрушился на американскую 1-ю армию генерал-лейтенанта Ходжеса, с которой и встретились на Эльбе советские войска.

Первые же столкновения показали, что свои предварительные расчеты обе стороны построили на песке. Американцы грубо ошиблись при оценке качества советской военной техники, а советские генералы совершенно неправильно оценили моральный дух американских солдат. Парадоксальным образом

они повторили ошибки, которые сделали чуть ранее немцы. Одни не верили, что дикие восточные варвары способны производить отличное вооружение, другие отказывались признавать, что зажавшиеся и изнеженные американцы вообще способны воевать.

Первый раунд новой войны вчистую выиграли советские войска. Прежде всего за ними стоял такой важный фактор, как внезапность нападения, не говоря уже о том, что раз «партия сказала «Надо», комсомол ответил «Есть!»». Это американцы продолжали сомневаться и решать, что делать и не сошли ли с ума эти русские. Впрочем, эти сомнения терзали высшие штабы, войска после вполне понятного первого замешательства ответили огнем на огонь, но силы были неравными.

Особенно страшным был удар гвардейских тяжелых танковых полков, только что получивших на вооружение новые машины ИС-3. Американцы сразу же обнаружили, что никакая их бронетехника не может противостоять новым советским танкам. Первой это выяснила 6-я бронетанковая дивизия, «Шерманы» даже самых последних моделей не могли сражаться с ними. Изобретательные американские танкисты еще ранее начали самостоятельно наваривать дополнительные броневые плиты на лоб корпуса и башню, в результате чего самостоятельно родился штурмовой танк. Но если эта броня спасала от снарядов «Пантеры», то тяжелый 122-мм снаряд она остановить не могла. Более того, достаточно часто прямое попадание этого снаряда просто срывало башню «Шермана» с погона. Поэтому модель М4 А3 Е2 «Джамбо», относительно спокойно чувствующая себя под огнем

немецких орудий, попаданий советских снарядов не выдерживала. Впрочем, справедливости ради следует заметить, что 128-мм снаряд «Ягдтигра» тоже уничтожил этот танк.

Вдобавок оказалось, что отдельно-гильзовое заряжание пушки Д-25 Т, безусловно снижавшее скорострельность, на самом деле оказалось не таким уж страшным недостатком. Расчеты, говорившие о том, что пушки с унитарным патроном успеют сделать три выстрела за то время, которое потребуется Д-25 Т для одного, так и остались бумажными расчетами. Дело в том, что **скорость заряжания и скорость стрельбы** на деле оказались совершенно разными величинами, слабо зависящими друг от друга. Реальная боевая скорострельность в три-четыре раза ниже полигонного темпа стрельбы, но при этом для пушек одного класса она стремится примерно к одному значению. Все танковые пушки в условиях реального боя будут стрелять примерно с одной скоростью, ведь наводчику и командиру требуется оценить обстановку, внести поправки и лишь после этого делать второй выстрел. А все эти действия от автоматики пушки совершенно не зависят. Да, 37-мм пушка останется скорострельнее 75-мм, а та, в свою очередь, — скорострельнее 122-мм, но реальная разница составит раза полтора, не больше. Вообще, максимальная скорострельность остается понятием в значительной степени теоретическим. У меня был знакомый (вечная память ветерану), который в годы войны командовал батареей пушек ЗИС-3. Так вот, он однажды сказал мне, что за три года войны его батарея стреляла беглым огнем по максимуму ровно два раза. Поэтому теоретически бо-

лее высокая скорострельность американских пушек так и осталась теоретической.

Советские танкисты имели и еще одно преимущество. Вольно или невольно, однако они в течение последних двух лет постоянно вели бои против немецких танков, в то время как американцы, памятуя о слабости своих машин, таких боев стремились избегать, больше полагаясь на авиацию и артиллерию. В результате они просто не имели достаточного опыта.

Поэтому советские тяжелые танки пронизали американские позиции, словно игла бумажный лист. В результате уже в первый день наступления американские 7-й и 8-й корпуса 1-й армии, 3-й и 5-й корпуса 3-й армии были разгромлены. Количество пленных было велико, но в основном потому, что сначала американцы просто растерялись. Там, где младшие командиры рискнули принять на себя ответственность и оказали сопротивление, картина была несколько иной. Однако и в этих местах сказался фактор внезапности и превосходство Красной Армии в задействованных силах. Американский фронт развалился, и советские механизированные части рванулись вперед, в глубь германской территории. Ну, подобную картину мы видели уже не раз на Восточном фронте.

На северном участке фронта, в полосе 9-й американской и 2-й британской армий, советское командование не вело активных наступательных действий, ограничившись достаточно вялым нажимом только ради того, чтобы сковать силы противника и не дать ему перебросить резервы в полосу главного удара. На юге не было и этого, советские 26, 27 и 57-я армии

держались откровенно пассивно, предоставив армии маршала Тито разбираться с британской 8-й армией.

После некоторого замешательства генерал Эйзенхауэр приказал остаткам 1-й и 3-й армий спешно отступить к германо-французской границе в район Саарбрюккен — Люксембург, туда же начали выдвигаться 15-я американская и 1-я канадская армии. 9-я американская и 2-я британская армии получили приказ отступить к портам Северо-Западной Европы — Гамбургу, Роттердаму и другим. 7-я американская армия начала отходить через Баварию к Страсбургу. То есть Эйзенхауэр решил без боя отдать всю территорию Германии. Такое решение таило в себе изрядную долю яда. Генерал приказал снять охрану с мест сосредоточения пленных немцев, предоставив советскому командованию решать эту болезненную проблему. Вдобавок немедленно возникла еще одна проблема. Он также приказал освободить уже арестованное немецкое правительство Деница и Шверин фон Крозига и доставить их обратно в Шлезвиг, где, кроме всего прочего, собралось изрядное количество немецких солдат, сохранивших хотя бы легкое вооружение. После ухода оттуда 2-й британской армии на границе с Данией совершенно неожиданно образовался фашистский анклав.

На севере Италии британская 8-я армия вела себя крайне пассивно, не решаясь предпринимать что-либо против югославских армий. Впрочем, маршалу Тито сейчас было совершенно не до внешних разборок: после того как он лишился поддержки всех союзников, в Югославии с новой силой вспыхнула гражданская война. Причем масла в огонь подливали религиоз-

ные и межнациональные противоречия. Кроме хорватских усташей и четников генерала Михайловича в борьбу против армий Тито включилась 13-я горная дивизия СС «Ханджар» и мусульманские подразделения. Но при этом все они не забывали воевать и друг с другом.

Не все гладко шло и в тылу союзников. Следует помнить, что в 1945 году во Франции и Италии очень сильным было влияние коммунистов, которые выполняли многие приказы резидентов советской разведки. И если в Италии все это не имело особого значения, так как саботаж не мог принести ощутимых результатов, а поднимать вооруженное восстание было рискованно, его вполне могли подавить силы итальянской армии, то во Франции дела обстояли иначе. Прежде всего оставалась не вполне ясной позиция французской 1-й армии генерала де Латтра де Тассиньи. Ее пехотные части были укомплектованы марокканцами и французами — выходцами из Алжира, а потому вряд ли следовало ждать от них симпатий коммунистам. Но такие генералы, как сам де Тассиньи или Леклерк, отличались крайне независимым характером, можно вспомнить их многочисленные конфликты с англо-американским командованием. Не до конца определилась и позиция самого генерала де Голля, который вполне мог попытаться ловить рыбку в мутной воде. Недаром в годы войны он показал себя мастером политической интриги и сумел разгромленную наголову Францию ввести в ряды победителей и великих держав. А пока французские коммунисты начали тихий саботаж на тыловых коммуникациях, мешая понемногу передвижениям

англо-американских войск и колонн снабжения, хотя к прямым диверсиям они не переходили.

Но оставался еще один фронт, на котором англо-американцы рассчитывали добиться успеха, — воздушный. Уже на второй день союзная авиация получила приказ начать действия против советских войск. В качестве козырей союзники могли предъявить такие действительно великолепные истребители, как P-51D «Мустанг» и «Спитфайр» Mk.XIV, по своим характеристикам безусловно превосходившие любой советский истребитель, не говоря уже о реактивных «Метеорах». Союзники располагали мощной стратегической авиацией, однако она базировалась в Англии и Италии и вряд ли могла серьезно повлиять на ход военных действий. Немногочисленные попытки использовать тяжелые бомбардировщики для фронтовых нужд, предпринимавшиеся в 1944 году, чаще всего завершались неудачами. А фронтовая авиация союзников была не слишком сильной, хотя не следовало недооценивать использовавшиеся в качестве штурмовиков британские «Тайфуны» и американские «Тандерболты». Англо-американские пилоты имели серьезный боевой опыт, так как в отличие от танкистов не боялись вступать в бой с немцами. Советская авиация имела серьезное численное превосходство, зато союзники использовали высокооктановый бензин и качественные масла, что еще больше увеличивало превосходство в летных характеристиках.

Первые бои в воздухе не принесли особого перевеса ни одному из противников, тем более что пока все ограничивалось стычками истребителей. Советское командование придерживало свои штурмовики,

опасаясь высоких потерь, союзники пока не выработали внятной тактики использования авиации.

После экстренного совещания между командующим британской 2-й тактической воздушной армией маршалом авиации Конингхэмом и командующим американской 9-й воздушной армией генерал-лейтенантом Бреретоном было решено попытаться нанести штурмовой удар по колоннам 1-й гвардейской танковой армии, которая уже перешла к преследованию спешно отступающей армии генерала Ходжеса. Для этого англичане выделили 121, 122, 123 и 143-е авиакрылья штурмовиков «Тайфун», американцы добавили 70-е истребительное авиакрыло, летавшее на «Тандерболтах». Прикрывать штурмовиков должно было американское 100-е истребительное авиакрыло (истребители «Мустанг»). Все организовывалось в такой спешке, что спланировать толком налет союзники не сумели.

И тем не менее 26 июня самолеты союзников нанесли удар по колоннам 11-го гвардейского танкового корпуса. Советские войска впервые столкнулись с новым для себя оружием — ракетами. Хотя штурмовики Ил-2 иногда использовали ракеты РС-82 и РС-132, отношение к ним было прохладным. Опыт боевых действий показал, что применение реактивных снарядов по бронированным целям имело малую эффективность, так как требовало прямого попадания. В ходе испытаний на Научно-исследовательском полигоне авиационного вооружения ВВС Красной Армии средний процент попаданий снарядов РС-82 в неподвижный танк при стрельбе с дистанции 400–500 м составил 1,1%, а в плотную колонну танков — 3,7%. Процент попадания РС-132 был еще меньше.

В условиях боевого применения с расстояния 600–700 м при активном противодействии противника рассеивание было значительно выше. Поэтому для советских танкистов стало серьезным шоком массовое применение англичанами ракет RP-3. Британские пилоты продемонстрировали прекрасную выучку, и в считанные минуты корпус потерял более 50 танков. Не менее смертоносными оказались атаки американских истребителей P-47N, вооруженных 8 тяжелыми пулеметами. Этот удар оказался куда более опасным, чем все воздушные атаки немцев. От разгрома корпус спасла плохая организация налета, британские и американские эскадрильи действовали поодиночке, и появившиеся в конце концов истребители 3-й гвардейской ИАД сумели отогнать прибывшие последними самолеты. Истребители прикрытия также запоздали, поэтому штурмовики понесли потери, хотя и меньше, чем можно было ожидать. В общем, этот бой задал модель последующих столкновений в воздухе: союзники имели слишком мало сил для достижения серьезного результата, советская система наведения истребителей постоянно опаздывала, танкисты несли потери, но не настолько тяжелые, чтобы остановиться. Принципиальное отличие происходящего от прошлых событий на Западном фронте заключалось в том, что у союзников пока еще не было абсолютного господства в воздухе, поэтому они не могли организовать беспрепятственный расстрел с воздуха, как это было, скажем, во время Фалезской операции.

Гораздо хуже обстояло дело с борьбой против стратегических бомбардировщиков. После недельного промедления командование союзников пустило

их в ход, поставив задачу воздействия на коммуникации. Поколебавшись, командование союзной авиации все-таки исключило немецкие города из списка целей. И практически сразу выяснилось, что советская авиация этим налетам не может противопоставить практически ничего. Британские «Ланкастеры» возобновили практику ночных налетов и действовали абсолютно беспрепятственно, так как Красная Армия ночных истребителей не имела вообще. Попытки использовать трофейные He-219 и Vf-110G-4 особого успеха не дала. Это было примерно такое же положение, в каком находились англичане в 1940 году. Дневные налеты «Летающих крепостей» в сопровождении «Мустангов» также приносили много неприятностей. Несмотря на бодрые рапорты пилотов, «сбивавших» «крепости» десятками, налеты не прекращались и не ослабевали. Начнем с того, что до сих пор советским летчикам-истребителям не приходилось отражать налеты, в которых участвовали сотни самолетов, и прорываться сквозь огонь тысяч тяжелых пулеметов им до сих пор не приходилось. Мужества советским летчикам было не занимать, но вот их стрельба оказалась малоэффективной. Пушка ШВАК, основное оружие советских истребителей, с ее весом снаряда всего 96 граммов, прекрасно справлялась со средними бомбардировщиками типа He-111 или Ju-88, но против «крепости» или «Либерейтора» требовалось нечто более серьезное. В конце концов немцы совсем не от нечего делать перешли на 30-мм авиапушки со снарядом в четыре раза тяжелее.

Постепенно продвижение советских войск замедлялось, так как их тыловые коммуникации оказались

парализованными. И это тоже был совершенно новый и незнакомый вид военных действий. До сих пор советские генералы ни с чем подобным не сталкивались. Да, немцы оставляли позади себя выжженную землю, но после восстановления железнодорожных путей и мостов больше проблем не возникало. С систематическим и мощным давлением на коммуникации советское командование до сих пор не сталкивалось и просто не знало, как с этим бороться. Зенитной артиллерии не хватало, да и невозможно было прикрыть всю Восточную Европу. И все-таки советские войска продолжали двигаться вперед, хотя сейчас уже стало понятно, что конечные планы придется скорректировать.

Американская 9-я армия и британская 2-я армия были успешно эвакуированы из портов Северо-Западной Европы, но, как заметил Черчилль по совершенно другому поводу, «эвакуациями войны не выигрывают», хотя появление этих войск во Франции серьезно осложнило действия Красной Армии. Зато правительство Деница и последние ошметки вермахта, его защищавшие, наступавшие вдоль побережья Балтийского моря 65-я и 70-я армии прихлопнули просто похода.

В результате к концу июля на Европейском театре сложилась патовая ситуация. Советские войска дошли до границ Германии, заняли Голландию и часть Бельгии, оккупировали Данию, но на этом рубеже их импульс сошел на нет. При этом не сопротивление англо-американских войск было причиной остановки наступления, а трудности снабжения, ставшие совершенно непреодолимыми. Маршалы Жуков и Конев

остановились на том рубеже, с которого в 1940 году Гудериан нанес удар, завершившийся Дюнкерком, однако повторить этот успех уже было невозможно.

Исход воздушной войны до сих пор оставался неопределенным, хотя англичане и американцы восполняли свои потери почти моментально. А вот ВВС РККА начали испытывать с этим некие проблемы, которые пока, впрочем, еще не превратились в трудности. И в этот момент президент Трумэн решил бросить на стол козырного туза. В Европу была переброшена 509-я сводная авиагруппа, которую первоначально планировалось использовать против Японии. Появление бомбардировщиков В-29 «Сверхкрепость» стало шоком для советских летчиков. Это были самолеты нового поколения, бороться с которыми советская авиация не могла по определению, точно так же, как этого не могли японцы. Бомбардировщик с гермокабинами и рабочей высотой полета более 10 километров был не по зубам ни одному истребителю того времени. Можно вспомнить, какие проблемы испытывали те же англичане при попытках перехватывать высотные разведчики Ju-86R-1. А ведь это были одиночные самолеты фактически без вооружения! Да, японцам удавалось сбивать отдельные самолеты, но в целом эксплуатационные потери американцев заметно превышали боевые. И дело не в плохом обслуживании самолетов или их ненадежности, нет, просто полеты выполнялись на предельную дальность, а это всегда сопряжено с определенным риском.

И если американские бомбардировщики долетали до Токио с Гуама или Сайпана, это означает, что с

авиабазы Бессингбурн в Англии, откуда действовало 1-е бомбардировочное авиакрыло 8-й воздушной армии США, бомбардировщики В-29 «Сверхкрепость» пусть и не без проблем, но могли достать до Ленинграда и Москвы, имея на борту нагрузку до 4 тонн. Ну, а что именно нес самолет «Энола Гей» полковника Пола Уолрфилда Тиббетса, нам известно...

Научно-популярное издание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Больных Александр Геннадьевич

**«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.
УТЕРЯННЫЕ ПОБЕДЫ, УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

Могли Вермахт осенью 1941 года взять Москву и выиграть войну? Что, если бы Манштейн прорвался к Сталинграду на помощь армии Паулюса? А если бы Жукову удалось одержать решительную победу в «Ржевской мясорубке»? Можно ли было избежать танкового побоища под Прохоровкой и разгромить немцев на Курской дуге меньшей кровью? Был ли у Красной Армии шанс развить успех после операции «Багратион» и закончить войну в 1944 году?

Каждый, кто интересуется Второй Мировой, наверняка задавался этими «проклятыми вопросами», однако в профессиональной среде изучение исторических альтернатив считается занятием несерьезным и непочтенным – не к лицу уважаемому ученому, разве что какому-нибудь писателю-фантасту.

Новая книга ведущего военного историка доказывает обратное, поднимая игру в «если» до уровня академической науки и отвечая на самые сложные и спорные, «проклятые» вопросы Великой Отечественной.